

к 63.3(2)  
П 53

*Александр Полюшкин*

# Это было в Орле



К 63.3(2)

П 53

Александр Полынкин

*Это было в Орле*  
(Калейдоскоп событий и лиц)

A289405



Орёл – 2016

КР2024

КР-2017

БУХОО  
«Орловская областная научная  
универсальная публичная  
библиотека им. И.А. Бунина»

УДК 82– 1  
ББК 49.0  
П 49

**Александр Полынкин**

**П 49 Это было в Орле /**Калейдоскоп событий и лиц / – Орёл: Издательство «Картуш». 2016. – 236 стр., фотографии.

ISBN 978-5-9708-0566-4

*Орёл – один из самых интересных с точки зрения исторической и литературной городов. Здесь происходили знаковые для России события, в Орле рождались, жили и действовали известные личности, оставившие свой след в истории Государства Российского. В этой книге отражена только незначительная часть того, что можно было бы рассказать о нашем замечательном городе, чьё 450-летие отмечается в 2016 году. Автор надеется, что мои земляки, те, кто любит Орёл и его жителей, с удовольствием познакомятся с несколькими историями, сюжеты которых были извлечены мною из архивов.*

УДК 82– 1  
ББК 49.0

Фото на обложке: Александровский мост – вид от памятника А.П.Ермолову;  
Оборот: вид с Александровского моста на реку Орлик и улицу Гостиную  
(здания Главного областного управления Центрального банка России)

Фото на обложках – автора, в книге – из архивов и автора

Автор благодарит директора издательства «Картуш» Сергея Алексеевича Ветчинникова, патриота Орла и Орловщины, за издание данной книги

ISBN 978-5-9708-0566-4

© А.М. Полынкин, 2016

# **Глава первая.**

## **Времена и люди**

### **Масон Иван Лопухин**

При чтении в Государственном архиве Орловской области подшивок губернской газеты «Орловский вестник» натолкнулся я на большой материал под названием «Благотворители». Публиковался он несколько номеров подряд, с 27 января по 17 февраля 1882 года, и подписан был псевдонимом «Старожил». Кто скрывался под этой маской – выяснить мне пока не удалось. Но писавший был явно неравнодушен к истории Орла и его замечательным людям. Несколько страниц своего живописного повествования он посвятил орловским масонам.

#### **Вольные каменщики Орла и их тайные собрания**

Прежде чем говорить о них, приведу короткие справочные данные: «Масонство – движение, возникшее в XVIII веке в виде закрытой организации, берущей своё начало из малоизвестных истоков в конце XVI – начале XVII века, предположительно – корпоративных цехов каменщиков. Название «масон» или «франкмасон» происходит от фр. franc-maçon (в старофранцузском masson, англ. freemason), употребляется также буквальный перевод этого названия – вольный каменщик. Масонство административно организовано в независимые великие ложи.

Основной версией происхождения масонства считается версия о происхождении от средневековых корпораций строителей – каменщиков, однако существуют теории о более древнем происхождении масонства, начало которого выводится от орденов тамплиеров, или – в других версиях – от ордена Розенкрейцеров...».

Начало активного распространения масонства в России относится к 80-ым годам XVIII века. И вот что писал об этом в «Орловском вестнике» Старожил:

«В то время в Орле уже существовала масонская ложа в духе московских мартинистов, под председательством вице-губернатора Захара Яковлевича Карнеева (он занимал эту должность с 1785 по 1796 год – А.П.). В ней были членами: губернатор Неплюев, статский советник Свербеев, члены губернских палат Нелединский и Ржевский, ассессоры – Милонов и Карнеев-младший. Кроме того, много других знатных лиц. Где собиралась ложа, – достоверных сведений не сохранилось; однако, есть предание, что собрания происходили близ Никитской церкви, в так называемой мацневской усадьбе, где теперь духовное училище.

*Там, будто бы, при перестройке дома для учебного заведения, находили подземные павильоны и ходы в другой дом, бывший на два квартала левее, тоже с громадным садом.*

*Едва ли есть основание допустить там собрание лож. Во-первых, подземные ходы и павильоны не есть необходимая принадлежность масонских лож: это, скорее, напоминает хлыстовщину. ...Масоны не имели необходимости прятаться.*

*Не больше заслуживает доверия и другое предание – о собрании лож близ теперешней военной гимназии, где будто бы был дом члена лож Свербеева. Правда, улица, ведущая от театра к Троицкому кладбищу, называется Свербеевским переулком (неизвестно, по отношению к какой улице этот переулок!), но, по всей вероятности, это название усвоено гораздо позже, когда в Орле уже не существовали лож, а, может, была усадьба Свербеева, более видная и известная, нежели другие...»*

### **«Делать удовольствие людям...»**

*Старожил, перечисляя фамилии орловских масонов, не назвал ещё одно имя, гораздо более известное в общероссийском масштабе, - Ивана Владимировича Лопухина, философа, публициста, мемуариста, издателя, действительного тайного советника и сенатора.*

*В "Записках из некоторых обстоятельств жизни и службы..." Ивана Лопухина, опубликованных в 1860 году в Лондоне, он писал, что родился 24 февраля 1756 года. Случилось это знаменательное событие в селе Ретяжи (Воскресенское) Кромского уезда, в имении его отца, генерал-поручика, Владимира Ивановича Лопухина.*

*Владимир Иванович, проживший долгую жизнь (94 года), приобрёл село Ретяжи в царствование императрицы Анны Иоанновны на деньги, вырученные от продажи изумрудов, доставшихся в приданое его жене, Евдокии Ильиничне Исаевой. Детство свое Иван Лопухин провел частью в Ретяжах, частью в Киеве, где Владимир Иванович был губернатором.*

*И хоть учили генеральского сына не самые лучшие учителя, да и здоровьем он всю жизнь был некрепок, но благодаря самообразованию и нравственным наставлениям родителей, получился из Ивана Лопухина человек, редкий в дворянской среде. "Делать удовольствие людям всегда было его страстью"; "будучи еще ребенком, — писал он в мемуарах, — я нарочно проигрывал мальчику, служившему при мне, деньги, какие у меня случались, и любовался его о том радостью". "Расположение к милостыне" он считал не добродетелью своей, а "природной склонностью, как в иных бывает к разным охотам". "Природной склонностью" была в нем и любовь к справедливости.*

Начав свою карьеру с военной службы, Лопухин ушёл в отставку в 1782 году в полковничьем чине. Переход к гражданской службе был связан, в значительной степени, с начавшимся его отходом от «вольтерьянства» и увлечением масонскими идеями.

### *«Блистающая звезда» Ивана Лопухина*

С конца 1782 года Лопухин стал старшим советником, а затем председателем Московской уголовной палаты, где всячески стремился облегчить участь обвиняемых. Вступив в связи с этим в конфликт с московским главнокомандующим Я.А. Брюсом, в мае 1785 года вышел в отставку с чином статского советника. С начала 1780-х гг. Лопухин сблизился с Н.И. Новиковым, а в 1782 году вступил в масонский орден Розенкрейцеров. Стал «мастером стула» ложи «Латона», получил масонское имя Филус. В 1783 году Иван Владимирович основал свою типографию, в которой печатался масонский журнал «Магазин свободнокаменщический». 31 мая 1784 года под управлением Лопухина открылась масонская ложа «Блистающей звезды». Иван Владимирович часто выступал с речами в масонских собраниях, ведал несколькими ложами в Петербурге, Орле, Вологде, Кременчуге. Способствовал распространению книг в Курске, Орле. Вместе с масонами Н.И. Новиковым, И.П.Тургеневым и другими много занимался филантропической деятельностью.



Иван Владимирович Лопухин  
(1756-1816)

Активная деятельность масонов вызвала недовольствие императрицы Екатерины II. Последовали ограничения в выпуске масонской литературы, потом дело дошло до разгрома их типографий и, наконец, завершилось арестом Н.И. Новикова и заключением его в крепость. Другие масоны, в том числе, и Иван Лопухин, почти не пострадали, но были вынуждены объясняться и просить прощения у императрицы.

При Павле I Лопухин становится тайным советником и сенатором Московского департамента, решительно выступая против чрезмерно

суровых приговоров по уголовным делам, например, в отношении раскольников и духоборов.



Воскресенская церковь в селе Ретяжи (рисунок В. Ромашова)

Последние годы своей жизни, с декабря 1812 по лето 1816 года Иван Владимирович провёл в родовом имении Ретяжи Кромского уезда, в котором имелся двухэтажный деревянный помещичий дом с усадьбой вокруг него. Почти сотня дворовых людей и около 900 крепостных крестьян принадлежали здесь Лопухину.

«Тайный советник и многих орденов кавалер», проведя в Ретяжах три с половиной года, постоянно болел, активно лечился (в том числе исконно русским средством – жаркой баней с нырянием в снег), заботился о племяннике, писал письма, принимал гостей, часто посещал Воскресенский храм и внимательно следил за тем, как русская армия в

Европе добивала Наполеона, отзываясь на эти события очень экзотически.



Воскресенская церковь (современный вид)

Вот что Лопухин писал в одном из писем: «Здесь у нас на берегу пруда по сторонам дерева кладутся два больших камня диких. Один на месте отдыха, в виде кресел, с надписью: “19 марта 1814 года взят Париж”; а другой, совсем необделанный, и как бы на могиле положен, с надписью: “И память вражия погibe с шумом”. Дорожка от них ведет к довольно огромному для деревни, из нескольких больших гранитных же камней, стоящему монументу с надписью: “”Благочестию Александра I и Славе доблестей Русских в 1812 году””. Это был фактически первый памятник победы России над Наполеоном.

Умер Иван Владимирович Лопухин 22 июня 1816 года, едва перейдя 60-летний рубеж. Похоронили сенатора рядом с Воскресенской церковью села Ретяжи, построенной его отцом-генералом.

## **В Сибирь – проездом через Орёл** *(портрет орловского городничего)*

*Когда поздней осенью 1803 года в Орёл, проездом на Кавказ, прибыл на несколько часов 17-летний прапорщик Семён Броневский, только что выпущенный из Первого Московского кадетского корпуса, этого события в губернском городе почти никто не заметил: военных здесь в те годы хватало, тем более, такого незначительного чина. Но был в Орле человек, который искренне обрадовался визиту родного племянника: звали его Александр Степанович Казин, и о нём наша речь впереди.*

### **От адъютанта генерала – до генерал-губернатора Восточной Сибири**



Семён Богданович  
Броневский

Броневский же, погостив у дяди, отправился к месту службы, в город Георгиевск, где находился штаб Нижегородского драгунского полка. В его составе молодой офицер провёл пять боевых лет на Кавказе. В 1804-1805 годах Семён Броневский принял участие в походах за реку Баксан, в Кабарду, в 1806 году совершил поход в Персию, участвуя во взятии Дербента, Кубы и Баку. В мае 1807-ого, в составе отряда генерал-майора Капцевича, он ходил за Кубань для отражения набегов закубанских народов.

Удостоившись за боевые отличия звания подпоручика, Броневский стал адъютантом генерала Г.И. Глазенаппа, и когда император Александр I назначил генерала инспектором сибирских войск, тот, уезжая с Кавказа, взял с собой в Омск и Семёна Броневского.

Почти 30 лет Семён Богданович провёл в полюбившемся ему сибирском крае, пройдя путь от обычного адъютанта до генерал-губернатора Восточной Сибири и командующего здешними войсками (в звании генерал-лейтенанта). А сделал он себе карьеру не по знакомству, как это часто бывало, а исключительно благодаря деловым качествам.

Заслуги Броневского за годы его деятельности в Сибири выразились в целом ряде мер и учреждений, сделавших памятным его имя в истории этого огромного края. Ему удалось отразить нападения мятежных соседей (ташкентцев и киргизов), он первый учредил русские

колонии в сибирской степи, образовал регулярные военные силы в Восточной Сибири и устроил Сибирское линейное казачье войско, содействовал введению усовершенствованного сельского хозяйства в поселениях сибирских линейных казаков, развивал оседлость и хлебопашество среди киргизов, построил первое в крае казачье войсковое училище и создал первый в здешних местах военный духовой оркестр. Губернатора оценило местное общество и за его чисто человеческие качества.

Имелись у Броневского такие передовые идеи, которые тогда не были воплощены в жизнь, например, строительство железной дороги вокруг озера Байкал.

Удостоенный многих государственных наград и почестей императора, в звании генерал-лейтенанта, в 1837 году он был переведён в столицу, на должность сенатора по межевому департаменту.

Скончался Кавалер орденов Святой Анны 2-го класса, Святого Равноапостольного князя Владимира 4 степени и Святого Георгия 4 степени С.Б.Броневский 14 февраля 1858 года, похоронили сенатора на Митрофаниевском кладбище Санкт-Петербурга.

Теперь, когда я перечислил основные заслуги генерал-губернатора Восточной Сибири, стоит назвать ещё одну, благодаря которой мы узнали очень многое как о самом Броневском и его семействе, так и о событиях, людях и местах, где за годы

службы побывал и в которых жил Семён Богданович. Имелось у С.Б.Броневского ценнейшее для потомков качество: обладая хорошим литературным языком, он оставил после себя рукописные «Заметки из моей жизни, собственноручно мною записываемые на память многочисленному семейству» (в журнале «Исторический вестник» за 1889 год отрывок из них был опубликован под названием «Записки из моей жизни» - А.П.), которые фактически представляют собой подробную автобиографию.

В этих мемуарах Семён Богданович Броневский предстаёт перед нами как образованный, прогрессивный для своего времени, энергичный и целеустремлённый человек с незаурядными



Книга о Броневском

организаторскими способностями, высокими человеческими качествами, художественным вкусом и наблюдательностью путешественника.

Написаны «Заметки» живым, образным языком, в чём ты, читатель, сможешь убедиться, прочитав отрывок из них, посвящённый родному дяде генерал-губернатора Броневского – Александру Степановичу Казину, о котором я упомянул в самом начале рассказа.

Итак, цитата... из «Записок Броневского».

### **Орловский городничий-голиаф Александр Казин**

*«В 1803 году 23-го октября я, наконец, был произведен в прапорицки в Нижегородский драгунский полк. Я отправился на Кавказ, в Георгиевск, где был штаб полка. Заезжая по дороге к некоторым родным, я не могу не упомянуть о дядюшке моем, Александре Степановиче Казине, орловском и тульском помещике, отличавшемся необычайной силой: он поднимал одной рукою 12 пудов (192 кг. – А.П.). Росту он был 2 аршин и 13 вершков (2 метра – А.П.), толщины необъятной. Он был кавалергардом и как-то раз попал в Гатчину к Наследнику. При восшествии на престол Павла I от всех сверстников моего дядюшки велено было отобрать отзывы, куда они пожелают быть определены. Некоторые записались в армейские полки и были отправлены туда с повышением; другие, помышленее, употребили фразу, что желают вечно служить при государе в гвардии (года через полтора редкий из них не был уже генералом; например, Капцевич через 6 лет после корпуса был генерал-лейтенантом). А мой дядя написал на листке, что государю известно, что он по своей тяжести в кавалерии служить не способен потому, что никакая лошадь его не выдержит, а в пехоте потому, что не может ходить в строю; потому он просит службы гражданской на родине. Его произвели в коллежские ассесоры с назначением в Орел городничим. Предание гласит, что он имел право писать государю лично и даже получал ответы. На всех наводил страх такой голиаф-городничий. В досаде он поднимал купцов за бороды выше своей головы и перебрасывал через забор; лошадей убивал кулаком с одного раза. Одного мещанина, в чем-то провинившегося, городничий не хотел ударить рукою, а толкнул пальцем в бок и переломил ему ребро. Много таких проделок сходило ему с рук...»*

Разве орловский городничий Александр Казин в описании Броневского менее живописен, чем некоторые из персонажей Николая Лескова или Леонида Андреева? Да, были люди в оно время, как говаривал Михаил Юрьевич, современник Семёна Богдановича. *Были!*

## Орловский граф Григорий из рода Чернышёвых

Для начала, уважаемый читатель, я объясню тебе, кто такой обер-шенк. В «Табели о рангах», существовавшей в Российской империи, это был придворный чин II класса (военные бы сказали - генеральская должность – А.П.). В переводе с немецкого это - «хранитель вин». Казалось бы, просто «кладовщик». Но какого уровня! Обер-шенк распоряжался всеми дворцовыми запасами вин, у него в подчинении находились многочисленные мундшенки (заведующие винными погребами), кофишенки (ответственные за приготовление кофе и чая), тафельдекеры (ответственные за сервировку царских столов), келлермейстеры (смотрители погребов, ключники) и кондитеры (это слово перевода не требует).

### *В деньгах себя не ограничивал...*

Граф Григорий Иванович Чернышёв (я буду писать эту фамилию именно так, не вдаваясь в дискуссии по поводу двух других вариантов – Чернышев и Чернышов – А.П.), сын генерал-фельдмаршала Ивана Григорьевича Чернышёва от его второго брака и единственный наследник известного и очень богатого рода, с 1816 года, во времена царствования императора Александра I, занимал как раз престижнейшую должность обер-шенка.



Григорий Иванович  
Чернышёв

Историки советского времени его личности уделяли очень немного внимания, в основном, - как отцу декабриста Захара Чернышёва и тестю другого декабриста – Никиты Муравьёва, мужу его дочери Александры (Александрины). Но, между тем, Григорий Иванович – персонаж вполне самостоятельный и чрезвычайно колоритный, оставивший след в истории русской культуры и в воспоминаниях многих его современников.

От отца и дяди ему досталось огромное состояние с несколькими крупными владениями в Московской, Орловской, Саратовской, Тульской и Тамбовской губерниях, и потому службой себя Г.И. Чернышёв особо не обременял, хотя и успел отличиться, как на военном, так и на статском поприще. Участвовал Григорий Иванович, к примеру, в штурме турецкой крепости Измаил в 1790 году, а чуть позже выполнил несколько деликатных поручений князя Александра

Безбородко, во время его переговоров с турецкими дипломатами по поводу заключения Ясского мирного договора в конце декабря 1791 года.

В последующие годы Григорий Чернышёв проживал за границей, где, возможно, и «заразился» склонностью к роскошному образу жизни.

Возвратившись в родные пенаты, при наличии огромного состояния, граф умудрился залезть в такие долги, что над его имениями была учреждена опека, во время которой, правда, Григорию Ивановичу платили 75 тысяч годового содержания, что вполне позволяло ему вести праздный образ жизни. А когда, благодаря разным льготам правительства и усилиям поэта Гавриила Державина, симпатизировавшего Чернышёву, опека была снята, то за короткое время освобождённый от денежных ограничений «страдалец» тут же набрал новых долгов на ещё большую сумму, не задумываясь о том, как их будет возвращать (*пришлось ему вскоре продать часть отцовского и дядиного наследства – А.П.*).

#### **«В гробу я вас видел...»**

Современники по-разному относились к Григорию Ивановичу. Кто-то видел в нём «любезного, умного и остроумного человека», заботливого мужа и отца семерых детей, воспитанных им (вместе с верной женой) в духе благородства и любви друг к другу. Но часть высшего света считала Чернышёва *бонвиваном (живущим в своё удовольствие, кутилой, мотом – А.П.)* и чудаком. И для этого были серьёзные основания.

В юношеские годы, увлечшись оперой, Григорий Чернышёв принимал самое активное участие в любительских театральных постановках при дворе великого князя Павла Петровича в Гатчине и Павловске. Он стал первым исполнителем партий Педрилло и Карильо в операх Дмитрия Бортнянского «Сокол» и «Сын-соперник» в 1786 и 1787 годах. Как Чернышёв пел в этих спектаклях, мы уже никогда не узнаем, но если сам выдающийся композитор ему доверил исполнение своих произведений, значит, у него были на это основания.

Несколько лет (*во времена царствования Павла I – А.П.*) Григорий Иванович, будучи помощником директора императорских театров А.Л. Нарышкина, заведовал гастролировавшими в России иностранными труппами.

Любовь к театральным эффектам сопровождала графа всю его жизнь. Если вдруг не хватало настоящей сцены и спектакля, Григорий Иванович играючи создавал собственную пьесу.

Так, в 1819 году на приёме для соседей-помещиков в орловском имении Тагино (в настоящее время – Глазуновского района – А.П.), где Чернышёв жил на склоне лет вдали от столичных соблазнов, гости после обеда отправились в графский сад и обнаружили там деревянную хижину, покрытую берестой. На вывеске были изображены три красавицы и надпись «Aux bons gourmans», а навстречу гостям вышел прислужник в бланжевой куртке и панталонах, фартуке, с колпаком, с картой кушаний и вин. Слугой оказался сам граф.

Со времён масонской молодости Чернышёв любил разные мистические сюрпризы, как, например, проваливающийся перед гостями пол и появление неизвестно откуда скелета с надписями. Среди жителей села Тагино долгое время, уже спустя годы после смерти графа, ходили слухи, что незадолго до ухода в мир иной Чернышёв велел выстроить каменный склеп с гробом, качавшимся на цепях. И, будучи ещё вполне здоровым, граф по вечерам ложился в гроб, где зажигал свечу и читал книгу.



Мемориальная доска графа Г.И. Чернышёва на доме №11а по улице Ермолова в Орле

### **Французские пьесы русского графа**

По отзыву современника, граф Чернышёв «олицетворял собой офранцуженных екатерининских вельмож, он был очень любезен в обществе, свободно писал французские вирши и довольно плохо знал русский язык», был человеком «весьма мягким, любящим общество и развлечения».

Он всей душой любил представления и, отличаясь красноречием, для гатчинского придворного театра княгини Марии Фёдоровны написал несколько комедий на французском языке под названием "Theatre de l'ars'cnal de Gatchina". Перу Чернышёва принадлежат также веселые, остроумные стихи а-ля Грессе и Бифлеро (французские поэты и драматурги XVIII века – А.П.), конечно, тоже на французском языке.

В «Альбоме стихов, прозаических отрывков, афоризмов и рисунков», принадлежавшем Екатерине Фёдоровне Кривцовой,

урождённой Вадковской, наряду с шедеврами Жуковского и Пушкина, можно встретить стихотворения Григория Чернышёва.

В ответ на одно из его дружеских посланий Пётр Вяземский написал своё – «К графу Чернышёву в деревню», которое декабрист поместил в первой книжке альманаха «Мнемозина»:

*В стихах твоих, почтенный граф,  
Вольтера ученик счастливый,  
Как он, насмешник часто льстивый,  
Как он, всегда пред Музой прав, –  
Есть истина...*

Григорий Иванович слыл большим знатоком книги и со вкусом пополнял свою библиотеку. Так, в списке лиц, подписавшихся на получение книги «Стихотворения Анны Буниной», вышедшей в Петербурге в 1821 году, встречается: «В Орле – действительный тайный советник, граф Григорий Иванович Чернышёв, 2 экземпляра».

К сожалению, о переводах на русский язык произведений Григория Чернышёва мне не известно...

Последние годы жизни графа были омрачены событиями, последовавшими за восстанием декабристов. Его сын Захар и зять Муравьев были лишены всех прав и сосланы в Сибирь, а супругу разбил паралич. Граф отошёл от всяких дел и отстранился от управления делами. Управлял имением и заведовал домом давний приятель Чернышёвых, владелец поместий в Малоархангельском уезде, Яков Фёдорович Скарятин. В 1828 году граф Чернышёв овдовел, и здоровье его начало ухудшаться. Он скончался 2 января (по старому стилю – А.П.) 1831 года в Орле, похоронили графа в мужском монастыре на кладбище у архиерейского дома.

В советские годы все могилы на территории монастыря, включая захоронения графа Г.И. Чернышёва и героя Отечественной войны 1812 года генерала Ф.Ф. Корфа, были осквернены и разграблены.

В сентябре 1997 года на стене дома № 11а по улице Ермолова, расположенного на монастырской территории, установили парные мемориальные доски в честь упомянутых исторических деятелей. Под барельефом графа Григория Ивановича Чернышёва была размещена доска со следующей надписью: «Здесь, на архиерейском кладбище, погребён писатель, театральный деятель, участник штурма Измаила, отец декабриста, Г.И. Чернышов».

Когда и при каких обстоятельствах исчезла (была украдена и сдана на металл?) эта мемориальная плита – не знаю. Сам же барельеф пока цел. Вот он, на снимке...

В конце декабря 2015 года исполнилось 190 лет восстанию декабристов. Ты можешь, читатель, сам сделать вывод, о причастности к нему героя этого очерка...

### **Жизнь в Орле полтора века назад (по «Путевым заметкам...» Александра Тарачкова)**

*Братьев было трое: Александр, Николай и Андрей Тарачковы. Так распорядилась судьба, что все они, будучи уроженцами города Могилева (Подольской губернии, ныне - Винницкой области Украины), после получения высшего образования, многие годы жили и добросовестно трудились (во второй половине XIX века) в Орле.*

#### **Александр Тарачков – автор «Путевых заметок по Орловской и соседним с нею губерниям»**

Старший, Александр (он – 1819 года рождения), занимал должность наставника – наблюдателя и преподавателя естественной истории и физики в Орловском Бахтина кадетском корпусе. Кроме учебной деятельности, он профессионально изучал флору и фауну Орловщины и – фактически – стал первым ученым, делавшим это систематически, с публикацией своих наблюдений и выводов в губернской печати и столичных изданиях.

За период с 1852 по 1869 год Александр Тарачков опубликовал в «Орловских губернских ведомостях» 25 крупных авторских материалов, некоторые из которых потом были изданы отдельными книгами. Будучи редактором неофициальной части «ОГВ», он сделал тему краеведения (в самом широком смысле) одной из ведущих в газете.

Александр Степанович Тарачков умер в декабре 1870 года, едва перейдя 50-летний рубеж, но оставив после себя много добрых отзывов и память своих близких друзей.

«Я знаю только одного путешественника по России, приготовленного к своим работам – г. Тарачкова...», сказал когда-то о нём другой наш земляк и тоже страстный путешественник и бытописатель Павел Якушкин.

Несмотря на то, что при жизни Тарачкова многие его материалы пользовались устойчивым читательским спросом, в XX веке его статьи и книги ни разу не переиздавались и были прочно забыты. Между тем, в них содержится богатейший краеведческий материал, не потерявший своей ценности и в настоящее время. Читатель легко в этом убедится, ознакомившись с небольшими отрывками из «Путевых заметок по Орловской

и соседним с нею губерниям» - одного из самых известных очерков Александра Тарачкова. Эти «Заметки» вначале публиковались в «Орловских губернских ведомостях» (№№1,2,4,5,6,8,9,11,12,13 за 1860 год), а в 1861 году были выпущены отдельной книгой в Орловской губернской типографии.

Совершив летом 1860 года полуторамесячное путешествие (сразу уточню – на перекладных лошадях, поскольку железной дороги в наших местах в те годы ещё не существовало – А.П.) по юго-западным уездам Орловской и соседним с нею уездам Воронежской и Тамбовской губерниям, Александр Степанович оставил для современников и потомков подробное и чрезвычайно красочное описание своей поездки, во время которой он интересовался очень многими вопросами: проблемами быта встречавшихся ему по пути жителей, промышленностью, сельским хозяйством, торговлей, добычей полезных ископаемых, состоянием дорог, и т.д. и т.п. В суть каждого вопроса он вникал внимательно и дотошно – именно подробности, оставленные нам Тарачковым на страницах его «Заметок», превратили документальное описание в живую, полноцветную картину.

В доказательство приведу большую цитату, посвящённую проблеме, которая была больной и для Михаила Булгакова в «Мастере и Маргарите». Итак...

### **Квартирный вопрос в XIX веке**

«Орёл в течение последних 20 лет (1840-1860-ый годы – А.П.) выгорел до такой степени, что в нём почти везде выстроены новые здания – много лучше прежних, которые мы застали в 1843 году (здесь Тарачков напомнил о пословице - «пожары способствуют украшению городов» - А.П.) Но зато жить в нём сделалось очень дорого, почти не дешевле, чем в Санкт-Петербурге.

В настоящее время в Орле цены за наём квартир почти вдвое превышают существовавшие в нём до 1848 года, памятного для здешних жителей страшным пожаром, истребившим почти две трети города. В соразмерности с этим в такой же степени возросла ценность на все местные продукты, необходимые в житейском быту. Экономисты скажут, пожалуй, что дороговизна на все предметы увеличивается не в одном Орле, но везде. Мы, однако, позволим себе возразить этому только не в отношении Орла, потому что положительно знаем, что в нём несравненно дороже жить, чем в соседних с ним губернских городах: Курске, Воронеже, Калуге и Туле. Подобное исключение ничему иному приписать нельзя, как только частым пожарам, от которых жители этого города понесли убытки на миллионы рублей.

Принимая это в соображение, не будем сетовать на дороговизну квартир, но поговорим об их удобствах, и если коснёмся цен, то в том

только отношении, в каком они соответствуют средствам к жизни тех лиц, которые, по необходимости, должны жить в Орле в наёмных квартирах. К числу таких лиц принадлежит большинство служащих чиновников, военные чины, небогатые дворяне, частично лица других сословий, временно пребывающие в Орле по разным их делам, как, например, торговым, тяжёлым, для воспитания своих детей и проч. и проч.

Обыкновенно в Орле встречаются две крайности для квартирантов: или надобно нанимать квартиру не по состоянию, или с целою семьёю помещаться в самых тесных, почти всегда состоящих из трёх комнат и четвёртой передней.

В 3-ей части города, где находятся все присутственные места и где, поэтому, каждый чиновник желал бы жить, небольших квартир вовсе нет, а за большие, состоящие из отдельных домов или флигелей, надобно платить в год от 500 до 600 рублей серебром. На отопление такой квартиры надобно ещё израсходовать от 150 до 200 рублей.

Кто же в состоянии платить такую огромную сумму, которая обременительна даже для того, получает, например, 3000 рублей серебром годового дохода. Таких лиц очень немного в городе: их можно по пальцам перечесть. Годовые доходы большинства редко превышают 1000 рублей серебром, но преимущественно заключаются в пределах между 500 и 700 рублей, потому что жалованье чиновников, занимающих средние должности, почти всегда ограничивается этою суммою. При таком содержании слишком обременительно платить за наём квартиры выше 150 или 170 рублей серебром в год. К сожалению, квартир по такой цене, которая была бы самою нормальною, вовсе нет в названной части города, но вместо них находятся более высоких цен, простирающиеся от 300 до 450 рублей. Следовательно, более дешёвых квартир надобно искать за Окою и Орликом в отдалённых частях города. Там ещё скорее можно их найти в 100 рублей серебром и менее.

Но какие это квартиры? Одна большая комната, разделённая двумя крестообразными деревянными перегородками на четыре неравные части, из которых самая меньшая составляет переднюю, а три остальные служат: гостиной, кабинетом и спальней, - вот и всё помещение. Для холостого одинокого человека его очень достаточно, но для семейного слишком мало. К этому ещё надобно прибавить другие неудобства, состоящие в том, что при подобных квартирах и нередко при таких, которые отдаются за 150 или 160 рублей в год, жильцы не имеют ни отдельной кухни, ни погреба, ни ледника, а должны все свои

хозяйственные принадлежности держать вместе с домохозяевами, и в их кухне готовить кушанье.

От этого возникают различные неудовольствия и даже ссоры между хозяевами и жильцами и их прислугою, потому что в совместном помещении представляются тысячи случаев к различным спорам. Покоя нет в таких домах, и жизнь в них делается тягостною. Оттого в Орле жильцы беспрестанно меняют свои квартиры и поневоле делают излишние издержки на перевоз своего имущества и на починку разной мебели и домашней утвари, которые в подобных путешествиях портятся и разрушаются в весьма короткое время.

Самое же важное неудобство здешних квартир состоит в том, что не только недорогие одноэтажные дома, но и большие в нижних этажах отличаются холодными полами, под которыми большей частью не делается накатников, т.е. помостов, залитых сверху глиною с известью; но оставляются пустые пространства до одного аршина глубиною. Можно себе представить, сколько от этого терпит здоровье живущих в них людей. В этих квартирах не только взрослые, но и дети в самое короткое время наживают себе ревматизмы и другие простудные болезни.

Оконные рамы и подоконники в больших и малых домах делаются весьма неаккуратно и служат самыми лучшими проводниками холода и сквозного ветра. Двойных зимних рам нет ни в одном доме, а они в Орле были бы чрезвычайно полезны, потому что здесь дуют сильнейшие и продолжительные ветры в начале и в конце зимы (*в этом месте Андрей Степанович делает замечание, из которого понятно, что он сам узнал о существовании зимних рам, будучи в Санкт-Петербурге: «Двойными рамами мы называем две зимние рамы, которые на зиму вставляются в окна одна позади другой» - А.П.*)

Относительно каменных домов надобно заметить ещё то, что они нередко оказываются сырими, потому что строятся кое-как, наскоро, из дурно обожжённого кирпича, который, как известно, отличается сильными гигроскопическими свойствами, т.е. способностью всасывать в себя влагу, которую в них ничем невозможно уничтожить. Одним словом, в Орле ещё очень мало развито понятие об удобствах жизни, из числа которых удобство квартир должно составлять самую существенную потребность.

От этого и домохозяева не пользуются постоянным доходом с отдаваемых в наймы квартир, из которых большие по полугоду и более остаются незанятыми по причине их дороговизны, а из небольших часто съезжают жильцы, и они, в свою очередь, по неделям и месяцам тоже не приносят дохода.

Кроме неудобств, многие квартиры отличаются ещё и неопрятностью своею и принадлежащих к ним дворов. Причиной этого весьма часто бывают сами жильцы, которые иногда думают, что заплативши условленную цену за наём квартиры, имеют полное право жить в ней, как им угодно, и, следовательно, нисколько не считают за нарушение права собственности пачкать полы и стены или выливать помой куда ни попало на хозяйском дворе.

Некоторые жильцы, нанимая квартиры не по состоянию, экономничают на дровах: мало топят печи и, таким образом, сухие и тёплые квартиры в короткое время превращают в сырые и холодные. Домохозяйева, со своей стороны, не желая заводить ссор по этому поводу и терять квартирантов, смотрят на это сквозь пальцы, особенно в тех случаях, когда жильцы исправно вносят деньги за свои квартиры.

В Орле весьма немногие из домохозяев имеют при своих домах дворников, на обязанности которых должно бы лежать опрятное содержание дворов. В больших домах, приносящих значительные доходы их владельцам, такая небрежность и скупость вовсе непростительны; но в небольших домах этого и требовать невозможно, потому что у домохозяев не достаёт средств на наём и содержание дворников, которое не может обойтись менее 70 рублей серебром в год.

В этом отношении Орёл далеко отстал, не говоря уже, от столиц, но и от многих губернских городов».

*Однако и в те, далёкие от нас, годы орловчанам, всё-таки, было чем гордиться. Об этом несколькими десятками страниц позже Александр Степанович Тарачков не преминул сообщить, наблюдая жизнь губернского города Воронежа:*

«...Гостиный двор выстроен полукругом перед небольшой площадкою. Его нельзя и сравнивать с орловским, который громаднее и красивее его и превосходит значительным числом лавок. Вообще, надобно заметить, что в Орле несравненно более развита торговая деятельность, нежели в Воронеже, который в этом отношении никак не может с ним равняться по причине большого отдаления от Москвы, с которою он имеет одно только сухопутное сообщение, между тем как Орёл находится на большой дороге и имеет торговые сношения с Одессой, Москвою, Санкт-Петербургом, Ригой, Белоруссией, Киевом»...

*Вот так, дорогие читатели! Оказывается, каких-то 155 лет назад мы, орловчане, хоть и отставали от соседей в решении квартирного вопроса, зато запросто давали фору в делах торговых миллионному ныне Воронежу. Пустячок, а приятно, не правда ли? Жаль, что это всё в прошлом...*

## Купцы Серебренниковы: фамилия - одна, а судьбы - разные

13 июля 1846 года газета «Орловские губернские ведомости» в числе других объявлений опубликовала и такое:

*«От Орловского Городового Магистрата объявляется:*

*1) по представлению оного Магистрата назначается в публичную продажу недвижимое имение Орловского мещанина Фёдора Петрова Серебренникова – за неплатёж им родителю своему, Орловскому, 1 гильдии купцу и Почётному гражданину Петру Матвееву сыну Серебренникову по просроченной закладной 5000 рублей ассигнациями с причитающимися процентами;*

*2) назначаемое в продажу имение заключается в деревянном на каменном фундаменте доме, с разным при нём строением и местом, коего меры – по улице – 10, в заднем конце – 8, а глубины с обеих сторон – по 38 сажений, что всё оценено в 300 рублей серебром;*

*3) срок торгу с узаконенною переторжкою назначается от первого припечатания в Губернских Ведомостях через месяц, в первый присутственный день;*

*4) торг будет производиться в Орловском Городовом Магистрате;*

*5) продаваемое строение находится - города Орла во 2-ой части, в приходе церкви Покрова Пресвятой Богородицы, на Новосильской улице, видеть можно на месте, а подробную опись и оценку – в Городовом Магистрате. Вследствие чего на назначенный срок сим и вызываются желающие купить означенный дом, а заимодавцу, купцу Петру, и заимодателю, мещанину Фёдору Серебренникову, объявляется: первому – о бытии, коли пожелает, при торгах, а последнему, ежели желает предохранить дом свой от продажи, то взнесь бы в Магистрат всю должную, с причитающимися процентами, сумму прежде истечения 12 часов утра того дня, в который окончательный торг назначен будет».*

Аналогичных объявлений в те и последующие годы публиковались десятки в каждом из номеров «Орловских Губернских Ведомостей» и, может быть, я не обратил бы и на это никакого внимания, если бы, не два обстоятельства.

Первое – фамилии объявленных заимодавца и заимодателя. Серебренниковы (в приведённом объявлении фамилия написана с одной буквой «н» - А.П.) – очень известная в Орле купеческая династия. Многим орловчанам хорошо известно здание на Комсомольской улице (дом №63), с оригинальным лепным растительным орнаментом по главному фасаду и выступающим эркером. Старожилы называют его домом Серебренниковых. Он был построен в 1906 году (на углу улиц Кромской и Малой Мещанской, ныне – Комсомольской и Красина) по проекту

архитектора Ф.О. Шехтеля для купца Н.П. Серебренникова, сдававшего дом в аренду, под жильё. Здание построено в стиле «модерн», с тем, чтобы эффектный внешний вид привлёк в доходный дом как можно больше жильцов. Правда, внутри него особых удобств и новизны не имелось.



Дом Серебренниковых (ул.Комсомольская, д.63)

После революции здание было национализировано и передано под жилищный фонд. С 1920 по 1925 год в нём размещался штаб 6-ой Орловско-Хинганской стрелковой дивизии (памятная доска на доме напоминает об этом – А.П.). С 1977 года здание взято под государственную охрану, а ныне в нём располагается областное управление культуры и архивного дела.

Второе из обстоятельств – то, что родному сыну-должнику отец долг не простил, и дело дошло до продажи имущества должника на торгах. Конечно, в жизни всякое бывает, но тут, подумал я, замешано было что-то другое, ведь Серебренниковы числились в Орле одними из самых порядочных и надёжных купцов.

Живущий в Москве один из потомков Серебренниковых, Дмитрий Широчин, с помощью документов Государственного архива Орловской области, достаточно подробно выяснил историю купеческого семейства.

Итак, по «Ревизским сказкам о купцах города Орла» за 1811 год, у родоначальника всех Серебренниковых, Матвея Михайловича, было восемь человек детей. Двое из них, Пётр и Иван Матвеевичи (1784 и 1791

года соответственно) особенно прославили купеческий род, получив указом императора потомственное почётное гражданство, вместе с некоторыми из их детей.

Однако, как ни странно, старший, Пётр, по всей видимости, был менее удачлив в торговой деятельности. Младший же, Иван, торговал с гораздо большим успехом. Это видно из объявлений в тех же «Губернских ведомостях»: 7 июня 1846 года он купил у Орловского мещанина Василия Воронкова за 620 рублей дворовое место с лавкою, а 18 июня того же года приобрёл уже за 10 476 рублей у Орловской мещанки Настасьи Неручевой часть дворового места с домом и лавками. Заработанное Иван Матвеевич тратил не только на себя и семью, но и увеличивал масштабы своей деятельности. В Киеве, к примеру, у него появился кожевенный завод, приносивший неплохой доход.



Смоленская церковь города Орла

Однако Иван Матвеевич был настоящим православным, богобоязненным христианином и часть заработанного тратил на благотворительство: на ликвидацию последствий холеры в Орле, на помощь гимназии.

Когда же он умер в 1851 году, то прочитавшие его духовное завещание родственники узнали, что Иван Матвеевич, кроме того, что значительный капитал оставил детям и жене, отдельно 8000 рублей пожертвовал на строительство нового здания Смоленского храма. Этот почин Серебренникова поддержали многие другие купцы города Орла, в силу чего заложенный спустя несколько лет храм во имя Смоленской иконы Матери Божией стал считаться построенным именно на купеческие средства.

Что же касается старшего его брата, Петра Матвеевича, то следов его меценатской деятельности мне обнаружить не удалось. Вполне возможно, что во второй половине его жизни купеческая удача ему изменила. И когда я, в номере от 19 июля 1852 года тех же «Орловских губернских ведомостей», натолкнулся на ещё одно объявление, то, кажется, понял причины непростительности П.М.Серебренникова по отношению к сыну Фёдору.

Объявление это гласило, что умерший в 1851 году (получается, что оба брата умерли в один год) Орловский, 1-ой гильдии, купец и Почётный потомственный гражданин Пётр Матвеевич Серебренников оказался несостоятельным должником, и по его делам учреждено было Конкурсное Управление.

Это самое Управление и опубликовало объявление о том, что, поскольку купец П.М.Серебренников не заплатил долги по заёмным обязательствам разным лицам в сумме 107 793 рубля 13 копеек, то его имение должно быть продано с торгов.

Почти 108 тысяч рублей, это, конечно, огромная сумма по тем временам. Поскольку Серебренников считался «ссыпщиком», то есть, торговцем, который ссыпает в свои амбары хлеб с возов мужиков, а потом продаёт свои «ссыпки» оптовикам в Москву и Ригу, то, возможно, он не сумел рассчитаться по каким-то своим контрактам. Отсюда и возник долг.

И если в 1846 году Пётр Матвеевич не стал прощать сына Фёдора за долг ему, то, очевидно, что и у него самого уже тогда были серьёзные финансовые проблемы. Обращался ли Пётр Матвеевич за помощью к младшему брату Ивану, я не знаю. Если и обращался, то Иван Матвеевич не смог или не захотел выручить старшего.

Объявленное к продаже имение П.М.Серебренникова включало в себя:

*«а) каменный двухэтажный дом с антресолями и двумя под домом лавками; б) половина каменного двухэтажного дома, устроенного в одном корпусе с братом его родным Иваном Серебренниковым, состоящим города*

*Орла 1-ой части, в 1-ом квартале, со всем к оным принадлежащим деревянным строением и местом»...*

Немногие в Орле жители могли похвастаться такими постройками, и, тем не менее, все эти сооружения были оценены только в 14 000 рублей. Даже продав их, наследники П.М.Серебрянникова смогли бы рассчитаться лишь с восьмой частью долга.

Торги и переторжка должны были состояться 16 и 20 августа 1852 года, но покупателей на продаваемое имущество не нашлось. Вторичные торги назначались на 10 января 1853 года, и судьба их мне осталась не известна.

Всю жизнь Орловский, 1-ой гильдии, купец, Потомственный Почётный гражданин Пётр Матвеевич Серебрянников покупал и продавал. А когда он умер, продали уже *его*, не тело конечно, а нажитое им имущество. Судьба?

*P.S. А названный выше и хорошо известный орловчанам Дом Серебрянниковых был построен Николаем Павловичем – родным внуком Ивана Матвеевича. И тут Иван опередил Петра: сохранился через поколение в памяти орловчан ещё и материально. Тоже, наверное, судьба.*

## **Приложение**

### **Орловские губернские ведомости 1857 год, суббота, июля, 20 дня Объявления и извещения**

*От Орловского уездного суда – назначен в публичную продажу каменный двухэтажный дом со строением и местом, которое в ширину по улице – 13 сажень и ¼ аршина, в заднем конце – 12 сажень и 2 ½ аршина, а в глубину с обеих сторон – по 33 сажени. Находится в Орле, в 1-ой части, на Большой Мещанской улице, в приходе церкви Воскресения Христова, под №453, принадлежит орловскому Почётному потомственному гражданину Сергею Петрову сыну Серебрянникову – за неплатёж им Орловскому мещанину Алексею Васильеву сыну Короткову по закладной 2700 рублей серебром.*

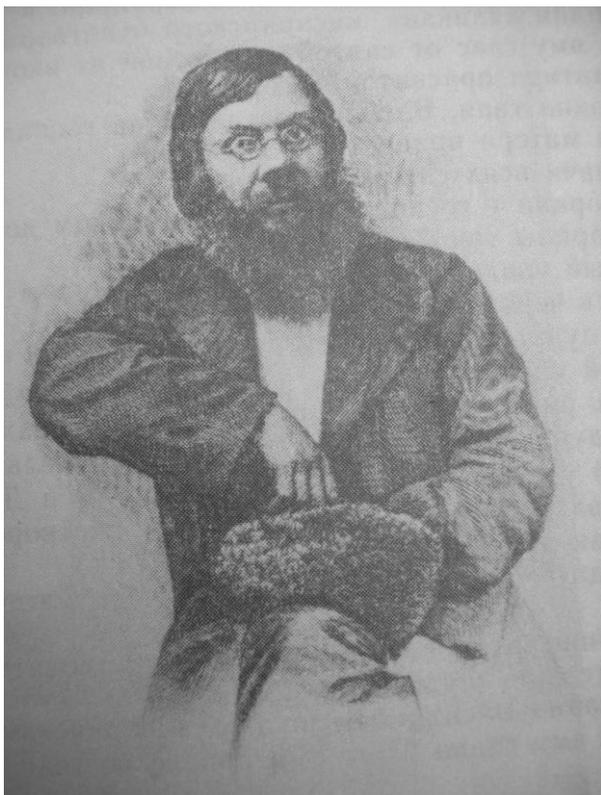
*Торг назначен на 9 сентября 1857 года, с 11.00 до 2 часов пополудни. Дом оценён в 700 рублей серебром и будет продаваться без раздробления на части.*

## **Павел Якушкин о городе Орле и орловских разбойниках**

*К человеку, о котором я хочу рассказать, живи он в наше время, очень многие отнеслись бы с большим подозрением.*

*Ведь что сейчас у нас ценится? Деньги - деньги – и ещё раз деньги. А кто из граждан России в почете у властей да и у соседей? Конечно же, тот, кто умеет эти деньги (желательно, большие) «делать» (именно так – «делать», а не зарабатывать).*

### «Бессребреник и странник»



Павел Иванович Якушкин (фото нашего земляка Н.Д. Чиркина)

Павел Иванович Якушкин, один из первых в России профессиональных собирателей фольклора, этнограф и писатель, «делать деньги» не умел, да и не любил, будучи настоящим «бессребреником» всю свою недолгую жизнь.

Происходил он из старинного дворянского рода, однако сам дворянином так и не стал, поскольку его отец, Иван Якушкин, свой брак с «дворяной девкой» Прасковьей долгое время официально не регистрировал, и родившегося в 1822 году сына Павла причислили к мещанскому сословию.

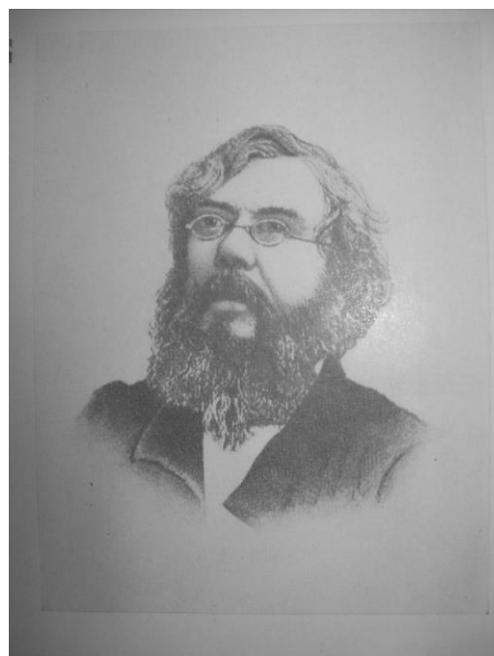
Появился на свет будущий писатель и фольклорист в сельце

Сабурово Малоархангельского уезда, в 70 верстах от губернского центра (*ныне – территория Покровского района – А.П.*).

После окончания Орловской мужской гимназии Павел Якушкин поступил на математический факультет Московского университета и, обучаясь в нем, стал изучать произведения устного народного творчества, собирая их во время длительных странствий – путешествий.

Под видом мелкого торговца – офеня Павел Иванович пешком обошел Новгородскую, Псковскую, Владимирскую, Тверскую, Костромскую, Ярославскую, Нижегородскую, Черниговскую, Астраханскую и, конечно же, родную Орловскую губернии.

В результате своих многочисленных хождений по Руси Якушкин записал более тысячи фольклорных произведений, которые составили потом самую ценную часть собрания народных песен П.В. Киреевского.



Павел Иванович Якушкин

Первое же самостоятельное этнографическое произведение Якушкина называлось «Народные сказания о кладах, разбойниках, колдунах и их действиях», и написано оно было на орловском материале.

Во время своих странствий фольклорист много раз промокал, замерзал, заболел, попадал в полицию и в другие рискованные ситуации, однако всегда с честью выходил из них, не теряя рассудка и энтузиазма.



Памятник в д. Тетерье Покровского района

Правда, было одно неприятное последствие многолетних путешествий Якушкина: он пристрастился к алкоголю, получив это заболевание фактически как профессиональное. Ведь вызвать какого-то мужика-крестьянина на откровенный разговор или, тем паче, заставить его спеть (чтобы потом записать это), - можно было только одним способом - «угостив» собеседника. А пить одни, без угощавшего, мужики никогда не соглашались. Первое время Павел Иванович трудностей с решением проблемы - «пить или не пить» - не испытывал, но потом был вынужден признать, что ему и самому стало требоваться при таких встречах спиртное. Многие мемуаристы, писавшие о Якушкине, отмечали, что обедая в ресторанах, он любил заказать

рюмочку «посурьёзнее». У петербургских половых, как тогда называли официантов, появился даже особый термин – «якушкинская рюмка».

Якушкин боролся с собой, и эта борьба не всегда была тщетной. Но трудные обстоятельства жизни часто снова подталкивали его к тому, чтобы «забыть» на некоторое время о своих проблемах.

Умер Павел Иванович без гроша в кармане, но его товарищи сумели обеспечить писателю достойные похороны: *«положили в честный гроб с украшениями, понесли который на честных рабочих руках, с церковным пением, которое любил покойный – и с полковой музыкой, которая так отвечала и приличествовала замечательному певцу и страннику»* (так написал о похоронах фольклориста его товарищ С. Максимов – А.П.)

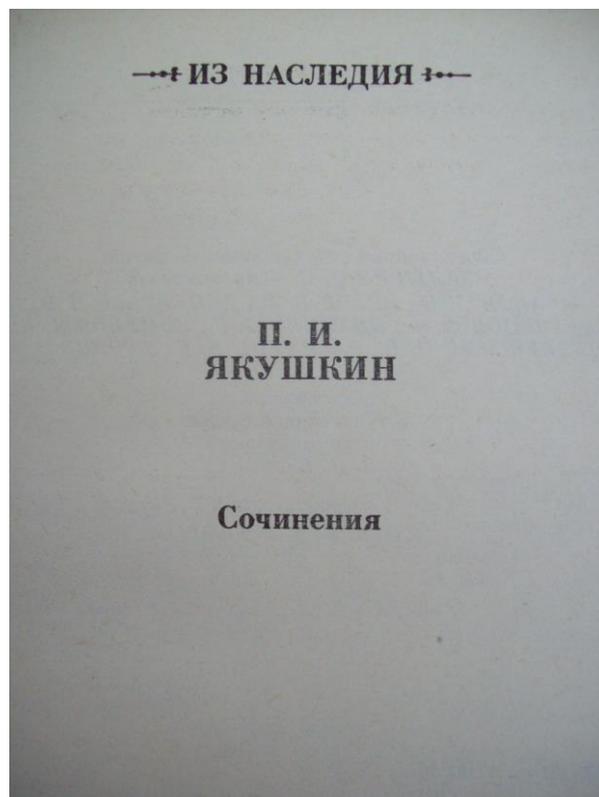
Якушкин остался в истории русской литературы, прежде всего, как один из первооткрывателей кладезя народной мудрости – устного народного творчества. Но Павел Иванович был не только собирателем: он написал несколько десятков собственных замечательных рассказов, очерков и зарисовок, посвящённых его любимому персонажу – русскому народу в лице самых разных его представителей. К сожалению, сборник его сочинений издавался очень редко: дважды – в XIX веке и только раз – в XX-м.

26 января 2017 года исполняется 195 лет со дня рождения Якушкина, а 20 января – 145 лет со дня его смерти.

155 же лет тому назад, в 1861 году, в журнале «Современник» Якушкин опубликовал «Путевые письма из Орловской губернии», которые и по сей день остаются ценнейшим историко-литературным источником. Читатель может в этом убедиться, прочитав два отрывка из них. Первый посвящён городу Орлу и его жителям, а второй – орловским разбойникам, одной из любимых тем Якушкина.

***Как менялись жизнь и нравы в губернском центре  
(Письмо из Орла, 10 апреля 1861 года)***

*«Сохранились и теперь предания: что до назначения Орла губернским городом на реке Оке моста не было, и что в самый год этого назначения*



Первое советское издание «Сочинений» П.И. Якушкина (1986 год)

началось здесь судоходство; в первый раз отправились только две маленькие барки по двенадцать сажен длиною, и как дело для орловцев новое, то почти весь город провожал эти барки вёрст за десять. И теперь есть старики, которые помнят, что в Орле был только один трактир, одна табачная лавка; будочников, пожарных солдат совсем не было: на пожар сбегались и тушили сами жители; некоторые опаздывали или совсем не приходили, с тех брали пени. По ночам караулили сами хозяева, и между очередными караульщиками случались караульщицы – женщины и девушки.

– Зачем же будочников завели? – спросил я старика, рассказывавшего мне это.

– А затем, батюшка, – отвечал мне старик, – больно задорно стало; в одной улице – караульщик, в другой – караульщица – долго ль до греха! Сейчас грех, как есть грех!...

– Так и тогда доходило до греха?

– Как не доходить, доходило! А все грехи в те времена были куда меньше! А жили веселее, скромнее жили, по Божию, оттого хорошо и было... Вот я тебе докладывал: у нас в Орле всего только один трактир и был, Телёнков прозывался. Стоял он супротив Егорьевской церкви (Георгиевская или Сретенская церковь, разобранная в 40-ые годы XX века, находилась на Болховской улице, на этом месте сейчас расположен кинотеатр «Победа» – А.П.). Так и в том-то одном трактире народу, почесть, не бывало! А зайдёт какой в трактир да узнает отец – такой задаст трактир – три недели на место сесть не сядет; а проведуют по городу про холостого, так пальцами тычут: «Вон, – говорят, – трактирищик из трактира ползёт». Да такому парню и девку не скоро сыскать: весь город исходи – ни одна девка замуж не пойдёт! А теперь что? Зайдёт в трактир... и трактиров-то столько развелось! – идёт всякий в трактир при отце родном... да ещё табачице проклятый закурит...»

### **О любви орловчан к собакам и публичным обедам**

(Письмо из Орла, 24 апреля 1861 года)

«Про теперешний Орёл сказать много нечего: после многих страшных пожаров он поправляется очень не быстро; на всех улицах, даже самых главных, вы часто встретите пустыри, обгорелые дома; днём увидите тоже на всех или почти на всех улицах фонарные столбы; ночью же город освещается фонарём, зажжённым у квартиры полицмейстера; мне говорили, что ещё где-то есть два фонаря, но я их не видал, а поэтому об них и говорить не могу.

Страсть к собакам и к публичным обедам, кажется, отличительная черта орловцев. Днём и ночью собаки стаями ходят решительно по всем улицам; меня уверяли, что здесь, в Орле, собаки не кусаются, хотя в полицию приходили уверять в противном; но всё-таки, как-то не совсем приятно, когда на вас кидаются десять-пятнадцать влюблённых собак...

*После собак орловцы очень любят публичные торжественные обеды; приедет новый губернатор – ему обед; расстается начальник с губернией – ему обед; выберут старшину в клуб – ему обед; выгонят из старшин в клубе – члены клуба и тут его чествуют обедом!*

*– Охотники у вас до обедов, – сказал я одному здешнему чиновнику, – всем даёте обеды.*

*– Мы даём только достойным своим начальникам, – отвечал чиновник.*

*– А выгнанному старшине за что клуб обед давал?*

*– Чтобы поощрить нынешнего.*

*А должно заметить, что эти обеды очень хороши: я знаю, что для таких обедов посылали на почтовых из Орла в Москву за одним телёнком».*

## **Павел Якушкин о Петропавловском соборе города Орла**

*Одной из самых обсуждаемых на Орловщине несколько лет назад тем были баталии вокруг места для строительства в Орле кафедрального собора.*

*С тех пор, как в ноябре 2009 года губернатор А.П.Козлов озвучил мысль, что «Наша главная задача – восстановить Петропавловский собор, в котором мы могли бы в 2016 году отпраздновать юбилей Орла», прошло семь лет. Общественное мнение тогда, вроде бы (хотя и не так однозначно), склонялось к тому, что собор не помешал бы, но...*

*Было много «но», одно из которых – выбор места для возрождающего храма. И место это, как мы могли долго наблюдать, искали лебедь, рак и щука (кто из них – губернатор Козлов, кто – мэр города Сафьянов вместе со своей администрацией, а кто – горсовет, орловчане догадывались сами).*

*Между тем, каждый орловчанин, более-менее знакомый с православной историей Орловщины, уже задумывался: «Если нет единства в самом начале – то стоит ли огород городить, в смысле – возродить собор Петра и Павла, ведь всё его строительство – сплошная цепь мелких и крупных неприятностей».*

*Ни один храм на Орловщине не строился так долго: от закладки первого камня до чина полного освящения прошло почти 100 лет, в храме на долгое время из-за аварийности прекращались богослужения. Он почти непрерывно укреплялся и перестраивался, и в результате полноценно Петропавловский собор действовал чуть более 40 лет.*

*Те, кто замыслил возрождение храма, заявили, что это будет сделано в соответствии с оригинальными чертежами, хранящимися в архивах Санкт-Петербурга, и новый Петропавловский собор встанет над Орлом таким же, как и прежний красавец.*



Петропавловский кафедральный собор Орла

Многим хотелось верить... Однако 155 лет назад наш знаменитый писатель-фольклорист Павел Иванович Якушкин в одном из своих «Путевых писем из Орловской губернии» рассказал о своей беседе со старожилом города Орла. Беседу эту (она коротенькая) я ниже процитирую:

***Орёл, 10 апреля 1861 года***

*«...Мой собеседник хотел идти домой, а мне не хотелось с ним так расстаться; чтоб его остановить, я его спросил:*

*– Давно новый собор строится?*

*– Да лет шестьдесят будет. Был у нас царь-император Павел Петрович, и был он именинник на Павла-исповедника, так губерния положила для императора Павла Петровича Павлу-исповеднику собор построить. Стали собирать со всех деньги, да и по сю пору собирают, а всё никак этого собора не отстроят.*

*– Отчего же?*

*– А оттого: церковь, по писанию, положено ставить алтарём на восток, а этот собор куда смотрит?*

*– Кажется, на восток.*

*– На какой восток?*

*– Куда же?*

*– Посмотри на другие церкви: все смотрят на самый восток, а этот больше на полдень подался.*

*В самом деле, новый собор алтарём стоит не прямо на восток, а на юго-восток.*

*– Так от этого и собор не отстраивается?*

*– От самого от этого. Отстроили было совсем, а там опять перестраивать надо. Вот и теперь снова перестраивают, да ведь то же самое будет!*

*– Что будет?*

*– Отстроят, начнётся служба, а там...*

*– Была уже служба в этом соборе?*

*– Как же, была! И обедню служили, и другие службы справляли; да вот хоть бы взять: Яков Фёдорович Скарятин когда умер, отпевали в новом соборе.*

*– Отчего же его в соборе отпевали?*

*– Барин был именитый, службу свою справлял при том самом императоре Павле Петровиче; как помер император Павел, так Яков Фёдорович и служить перестал. Должно быть, от этого и хоронили его в новом соборе.*

*– Похоронили в новом соборе?*

*– Нет, только отпевали, а хоронить его повезли в его вотчину, вёрст за сто от Орла».*

Судя по рассказу, старик был убеждён, что все несчастья Петропавловского собора были связаны с тем, что строился он не в соответствии с православными канонами (алтарь стоял не на восток, а на юго-восток). И Павел Якушкин тоже это увидел.

Но была ведь ещё и вторая причина несчастий собора, которая в разговоре писателя со старожилом лишь упомянута вскользь. Дело в том, что кафедральный собор сооружался на пожертвования дворян Орловской губернии. Одним из самых щедрых жертвователей был как раз упомянутый Яков Фёдорович Скарятин.

Один из богатейших людей Орловской губернии, владелец имения в селе Троицком Малоархангельского уезда, он несколько раз избирался предводителем местного дворянства. Умер Яков Фёдорович 8 декабря 1849 года, оставив завещание отпеть себя в Орловском кафедральном Петропавловском соборе (запись об этом, после долгих поисков, мне совсем недавно удалось найти в Метрических книгах Петропавловского кафедрального собора за 1848-1850 годы, приведу её целиком: «8 декабря скончался, 9 декабря 1849 года отпет малоархангельский помещик Иаков Феодоров Скорятин, 85 лет, от преклонных лет, исповедовал и причащал ключарь протоиерей Павел Покровский, погребение совершали священник Алексей Богословский с диаконом Афонасием Азбукиным и звонарём Александром Поповым – в селе Троицком-Скарятине соборне», ГАОО, Ф.220, оп.2, ед.хр.1642, л.л.123об.-124. Таким образом, слова собеседника Павла Якушкина полностью подтвердились - А.П.).

После того, как неоконченный собор дал трещину, в Орле решили, что Бог не принял от орловчан покаяния, потому что главный жертвователь, Скарятин, был одним из активных участников убийства императора Павла I. Будучи тогда штабс-капитаном гвардейского Измайловского полка, вскоре после покушения, Яков Скарятин не раз без стеснения похвалялся, что собственноручно задушил царя с помощью своего офицерского шарфа.

Не берусь утверждать, что все несчастья Петропавловского собора связаны с этими двумя фактами, ну а всё же? Возможно, к лучшему, что после ухода со своей должности губернатора Козлова все разговоры о строительстве нового Петропавловского собора затихли. Да и в самом деле, не говоря обо всех его несчастьях – кто стал бы в дотационной Орловщине жертвователем суммы примерно в 160-180 миллионов (эта цифра была озвучена в 2009 году), когда на самые насущные проблемы в областном бюджете денег не хватает?

### **Как губернатор Левашов орловчанам подарок сделал**

*Полтора века тому назад рождественские и новогодние праздники для жителей Орла наступили раньше обычного почти на три недели. Дело в том, что многие из горожан, и не по одному разу, побывали тогда на длившейся 12 дней выставке сельских произведений, проводившейся по случаю дворянских выборов в специально построенном для такого рода мероприятий Манеже (он находился на месте современного стадиона имени В.И.Ленина – А.П.).*



Орловский губернатор  
Николай Левашов

#### ***О хлебе насущном - и не только***

Торжественное открытие выставки, при большом стечении местной элиты, состоялось 9 декабря 1862 года, в 10 часов утра, после молебна, проведенного ректором Орловской духовной семинарии. И буквально на следующий день Орёл был полон слухами, какие замечательные экспонаты находятся в Манеже и что там надо обязательно побывать, чтобы увидеть всё собственными глазами.

10 дней орловчане – кто пешком, а кто и на санях подкатывал, валом валили на необычное для них зрелище, где сразу в одном месте были представлены продукты труда жителей 12 уездов губернии. А за день до закрытия выставки Манеж почтил своим

присутствием орловский военный губернатор, генерал-майор Николай Левашов.

Николай Васильевич руководил особым комитетом, который готовил выставку, и теперь приехал полюбоваться на творение рук своих. Его встретил распорядитель выставки и секретарь комитета Александр Степанович Тарачков. Бывший преподаватель Бахтина кадетского корпуса и – одновременно – редактор газеты «Орловские губернские ведомости», он был ещё замечательным знатоком-краеведом.

*«Ну что, Александр Степанович, проведите меня по выставке и расскажите, что тут, по Вашему мнению и мнению остальных членов комитета, самое замечательное».*

*«Ваше превосходительство, с большим удовольствием»*, - с энтузиазмом откликнулся Тарачков и в течение двух часов водил губернатора и его сопровождающих по огромному, в 210 квадратных сажень (956 квадратных метров – А.П.) залу Манежа.



Сергей Иванович Мальцов

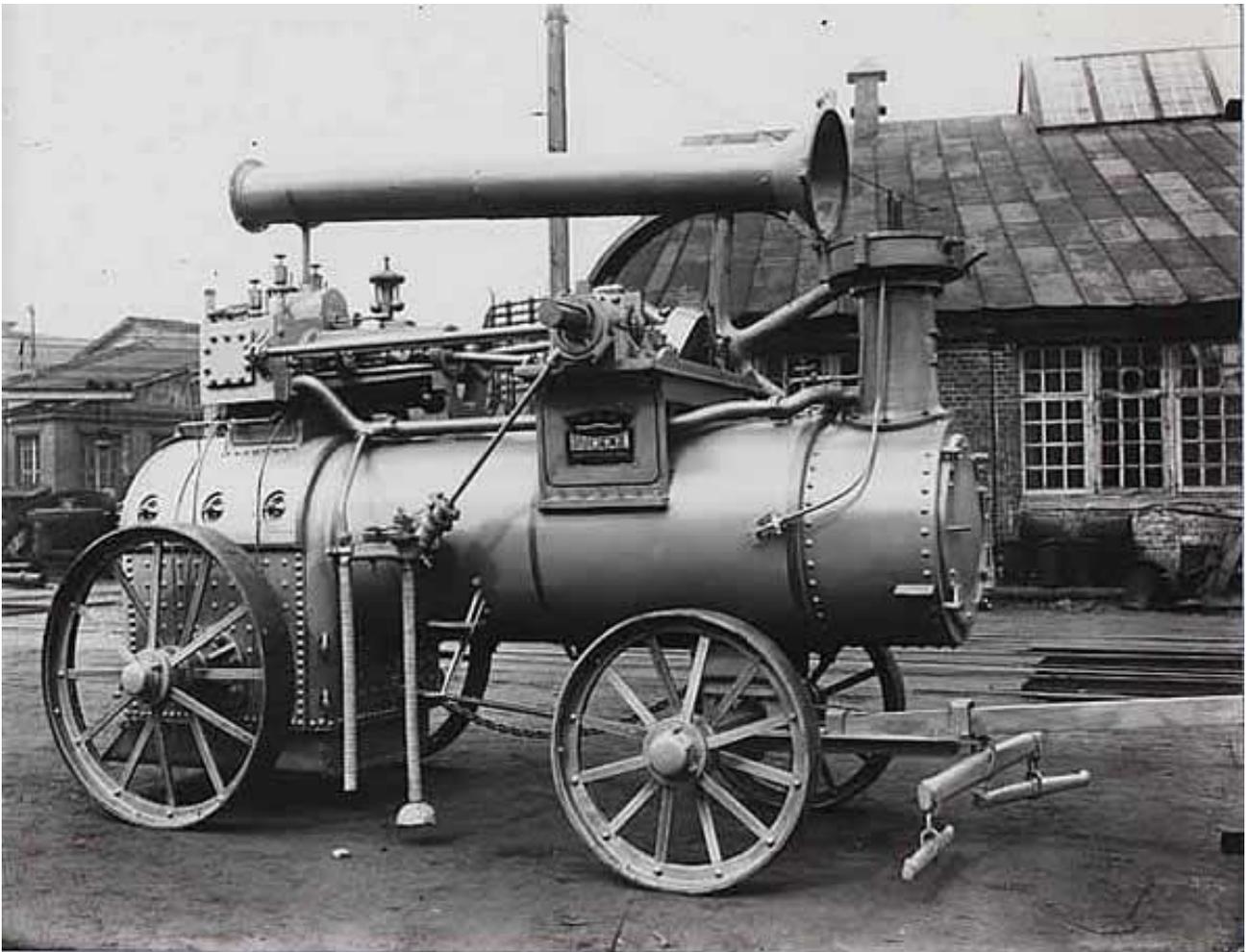


Рекламный плакат общества Мальцовских заводов

В самом начале экскурсии начальник губернии почтительно постоял у портрета императора Александра II, выполненного во весь

рост и украшенного драпировкой. По обеим сторонам от него размещены были окаймлённые снопами гербы всех 12 уездов Орловской губернии. Когда же начался собственно осмотр, Левашов с трудом успевал переключать внимание с одного экспоната на другой, удивляясь их разнообразию и количеству.

Одних только производимых в губернии озимых и яровых хлебов, кормовых трав и масличных растений на выставке оказалось представлено 86 образцов. Рядом с самыми обычными сельскохозяйственными культурами соседствовали, к примеру, сарептская горчица и мазия (*что это за растение, выяснить я не смог даже при помощи всезнающего интернета – А.П.*), выращенные в своём хозяйстве государственным крестьянином Елецкого уезда Дмитрием Целиковским.



Такие локомобили выпускались заводом Мальцова в г. Людиново

Генерал-майор Левашов не очень хорошо разбирался во всех этих зёрнах и семенах, но и на него произвело сильное впечатление одно только перечисление продукции, представленной на выставку дьяконом Орловской Сретенской церкви Иваном Мещерским (единственным духовным лицом из 213 участников). Этот служитель Божий

зарабатывал на хлеб насущный не только молитвами, он выращивал в хозяйстве озимую рожь, вику, полевой горох, красный клевер, картофель и разводил лошадей крестьянской породы.

Впрочем, Александр Тарачков обратил внимание губернатора и на семена, за выращивание которых комитет выставки предполагал наградить экспонента Золотой медалью:

*«Ваше превосходительство, посмотрите, это рожь «Ваза», разведённая помещиком Гутценом в его имении из семян, вывезенных из Лифляндии. Вес одной четверти её – 9 пудов 27 фунтов (примерно 155 килограммов – А.П.). Такого плотного и тяжёлого зерна нет ни у кого у губернии. Кстати, этот помещик – известный в городе врач и первый в Орле шахматист, который с самим мастером Петровым переписывается».*

Слегка уставший от зернового обилия, губернатор взбодрился (*нет, читатель, ты не угадал, поскольку спиртное на выставке отсутствовало полностью – А.П.*), съев пару яблок орловского мещанина Петра Шушпанова, который представил для публики пять собственных сортов, показав ещё и прививки яблонь и груш, выставленных в больших кадках.

Впрочем, когда генерал-майор дошёл до рядов с птицами и домашними животными, всю его усталость как рукой сняло. Что касается кур, канареек, поросят и даже баранов с овцами украинской породы, то можно было представить, что их доставили на выставку на санях, а вот как добрались сюда два огромных туземных быка – было непонятно. Когда же губернатор узнал, что животные по декабрьскому морозу за 50 километров пришли своим ходом, то подумал о выносливости этой скотины.

Завершая осмотр экспонатов, связанных с земледелием и скотоводством, Левашов с огромным любопытством осмотрел коконы шелковичных червей и моток настоящего шёлка, впервые полученного не где-то, а в Орле, в саловом питомнике. А орловский мещанин Павел Овечкин, встретивший губернатора у своих лотков, предложил попробовать произведённые им сахарные пряники и пастилу, все запасы которых здесь, на выставке, уже раскупили у него посетители.

### ***Чугун, хрусталь и мыло как произведения искусства***

Что же касается промышленных товаров (*хоть выставка и называлась «сельской»*), то одних только изделий с чугуно-литейных заводов С.Мальцова и А.Перелыгина было представлено более 350 единиц. Генерал-майор в отставке Сергей Иванович Мальцов на своих землях в Брянском и Жиздринском уездах за несколько лет сумел развернуть такое производство, что спустя несколько лет о его машинах, чугунных

и хрустальных изделиях знали по всей России. Он лично поприветствовал губернатора у первой из своих машин – ручной веялки-сортировки, приспособленной к конному приводу (комитет удостоил её Большой серебряной медали), и рассказал не только о ней, а также о локомотивах, молотильных станках, соломорезках, переносных мукомольных мельницах, печах и каминах, чугунной, эмалированной и хрустальной посуде, представленных здесь же. Мальцов пояснил Левашову, что главные достоинства его машин и другого производимого им товара – качество и умеренные цены.

После мальцовского отдела с чугуном и хрусталём губернатор осмотрел другие экспонаты, может быть, не такие эффектные, но не менее интересные. Елецкий купец 1-ой гильдии Петров умудрился представить производимые на его мыловаренном заводе три разноцветных сорта мыла в виде пьедестала, на котором стояла тумба, а на ней – ваза. Пьедестал был сварен из поташного мыла, тумба – из кокосового, а ваза – из содового мыла. Смотрелось это как настоящее произведение искусства.

Болховский помещик С.Зиновьев и орловский купец 3-ей гильдии П.Лапин удивили Левашова новыми материалами для крыш: первый – тонкими осиновыми пластинками, а второй – качественной красной черепицей. Мценский помещик Е.Таубе привёз и выставил всего один предмет, но зато какой: полированная крышка из белого известняка ничуть не уступала аналогичным мраморным, но выглядела ещё живописнее благодаря узорчатой поверхности.

А об огромном количестве замечательных предметов быта, представленных на выставке (коврах, холстах, полотнах, скатертях, корзинах, лаптях, кружевах и т.д. и т.п.), губернатор Левашов, подводя итоги своего визита в Манеж, сказал Тарачкову:

*«Ну что ж, здесь человеку с некоторым количеством денег можно купить всё необходимое для себя, для хозяйства и для красоты своего жилища, думаю, выставка удалась. Наградите наиболее достойных!»*

Торжественное закрытие выставки и награждение отличившихся состоялось 21 декабря 1862 года, в 11 часов утра. Каждый четвёртый участник был отмечен. Кроме двух Золотых, пяти Больших и десяти Малых серебряных медалей, победители в отдельных видах получили восемь денежных призов, пять подарков и тридцать один похвальный лист.

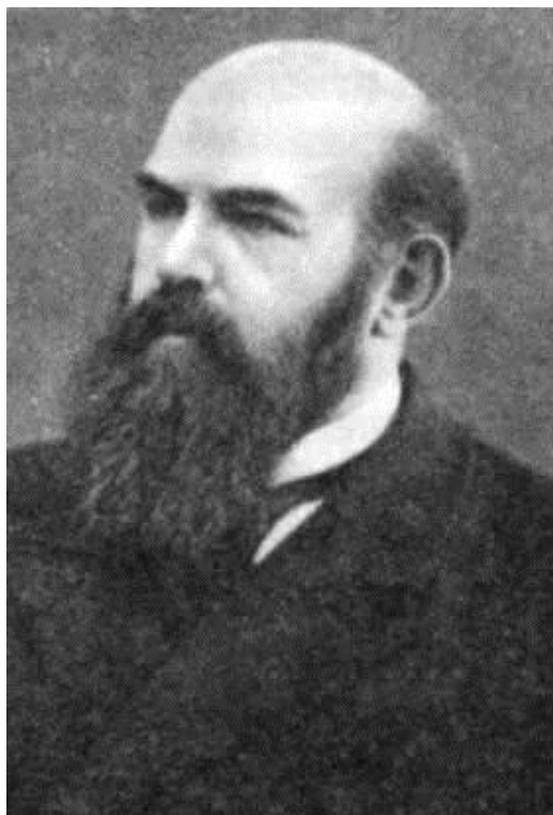
Так что начало новогодних праздников для орловчан удалось 154 года назад в полной мере.

## **«Муму» как способ постижения истины** (*Орловская гимназия в воспоминаниях её выпускника*)

*Красивая княжеская фамилия Оболенских была очень распространена в Орловской губернии до революции, не исчезла она и в настоящее время. Правда, жили в наших краях, в основном, не князья, а их однофамильцы из числа небогатых дворян, священнослужителей и даже государственных крестьян. Особенно много Оболенских населяло Малоархангельский уезд.*

### **Специалист по «Русскому богатству»**

Одним из них был хорошо известный в конце XIX – начале XX века русский философ, социолог, журналист, писатель, издатель и редактор популярного журнала «Русское богатство» Леонид Егорович Оболенский. Его перу принадлежат несколько романов из крестьянской жизни (написанных под псевдонимом *Матвей Красов*) и большое число очерков на философские, социологические и литературные темы, в которых он часто полемизировал с самим Львом Толстым.



Леонид Егорович Оболенский

Родился Леонид Оболенский в маленьком уездном городе Малоархангельске в марте 1845 года. Отец его, Егор Александрович, мелкий чиновник 14 ранга, служил в земском суде (в те годы это учреждение выполняло полицейские функции), мать хозяйничала по дому. Семья мало чем отличалась от других чиновничьих семей уездного города, разве что необычностью биографии мамы будущего журналиста и философа. Елизавета Ильинична была немкой лютеранского вероисповедания и с хорошим образованием, полученным в одном из лучших московских пансионов того времени, очень любила читать и замечательно играла на пианино. Муж её с раннего утра до позднего вечера пропадал на работе, достойного общества в городе Малоархангельске найти Елизавете не удалось, и всю свою энергию и любовь молодая мама тратила на детей. Начальные знания по разным предметам она дала им основательные.

Старший сын Леонид продолжил образование в Орловской мужской гимназии и проучился в ней 6 лет, оставивших в его душе как долго не заживавшие раны, так и тёплые чувства. В 1902 году журнал «Исторический вестник» (том 87) опубликовал написанные Оболенским «Литературные воспоминания и характеристики», в которых он большое место уделит периоду своего пребывания в гимназии.

С тех пор прошло 114 лет, но эти живые зарисовки талантливого писателя, по-прежнему, хранят горький аромат времени. Я процитирую из «Воспоминаний» несколько отрывков, дав им собственные подзаголовки и перемежая авторский текст небольшими вставками.

### *Слёзы, перепела и копчёные гуси*

*«В августе 1854 года мать повезла меня из уездного города Малоархангельска в город Орёл, чтобы отдать в местную гимназию. При проводах служили молебн, на котором присутствовала вся дворня; отец плакал, как ребёнок. Мать тоже плакала навзрыд, хотя и ехала со мною. Плакала прислуга, прослезился даже батюшка, отец Иоанн Зернов...»*

*Наконец, поехали с целым возом, нагруженным и наверху коляски, и сзади её, и на козлах... В числе предметов, составлявших этот груз, была, например, большая кадочка с перепелами, залитыми в коровьем масле, и другая такая же кадочка, с копчёными гусями. Эти кадочки везлись в подарок тогдашнему директору гимназии, господину З-у, потому что один из орловских приятелей отца предупредил о необходимости именно этих даров, очень любимых господином З-м.*

*Кажется, везлись подарки в том же роде и ещё кое-кому... Знаю, что впоследствии одаривались съестными припасами и некоторые из надзирателей пансиона... « (читатель из собственного опыта может сделать вывод, много ли изменилось в этом плане через 150 с лишним лет – А.П.).»*

### *Директора гимназии: любитель розог г.З-н и либерал г. М-ский*

*«Экзамены были выдержаны; матери пожилы в Орле дня три-четыре и уехали, а мы остались... Мало-помалу я привык к пансиону, начал принимать участие в общих играх и втянулся в общую жизнь...»*

*В этой общей жизни важную роль играли, кроме самих воспитанников, директор гимназии, преподаватели и надзиратели.*

*«Директор г. З-н, о котором я уже упоминал, был выживший из ума старик; он редко появлялся среди гимназистов, а когда появлялся, то говорил длинные, бессвязные речи, делавшие его посмешищем. Так, у него была, например, кличка «Сыплет», данная ему гимназистами за то, что, придя однажды в какой-то класс, он начал свою речь с описания погоды, причём, повторил раз семь подряд, что «сыплет, сыплет, сыплет...».*

При этом директоре в Орловской гимназии процветали наказания розгами, причём, за совершенно незначительные провинности. Леонида Оболенского секли дважды. Первый раз – за то, что он вырезал у себя на руке инициалы своей сестры Марии – «М.О.». Второй раз – *«за поступок ещё более невинный»*, в котором он и виноват-то не был. Только позже Леонид понял, в чём дело: *«директор мстил мне за то, что в тот год мой отец ничего не прислал ему...»*. Эти наказания чуть не превратили Оболенского в нервно больного человека, постоянно плакавшего в ожидании наказания без причины. Спас его старший пансионер из 7 класса, взявший над ним шефство.

А вскоре место этого директора гимназии занял другой, молодой и симпатичный, совершенно очаровавший гимназистов, г. М – ский. *«Он, как только пришёл в гимназию в первый раз, заговорил с нами новым, неожиданным языком: «Я хочу быть для вас не начальником, а другом вашим!»* Розги были уничтожены, стали проводиться литературные вечера, на которых новый директор *«читал нам отрывки из Гоголя, Тургенева»*. Правда, либерализм г. М-ского длился недолго. Как только гимназисты вздумали издавать письменный журнал, в котором помещали свои стихи и рассказы, директор *«вызвал нас к себе, кричал на нас, топал ногами и объявил, что если журнал не прекратится, нам придётся оставить гимназию»*. К счастью, до наказания розгами дело у М-ского, всё-таки, не дошло.

### **«Наш любимец Рашевский»**

Преподаватели в Орловской гимназии были разные. И о многих из них у Леонида Оболенского остались не самые приятные воспоминания и соответствующие прозвища. Но Ивана Фёдоровича Рашевского, недавнего выпускника Харьковского университета, ставшего потом одним из учредителей первых женских курсов в Петербурге и преподавателем словесности у будущего Императора Николая II и членов его семьи, гимназисты боготворили. Вот как о нём вспоминал Оболенский:

*«Неизменным нашим любимцем был И.Ф.Рашевский. Он не заботился о популярности и, тем не менее, имел её. В классе он требовал безусловной тишины и внимания, но никогда не обращался за содействием ни к директору, ни к инспектору. Спрашиванье уроков и писание «отметок» почти отсутствовало. Он судил о наших знаниях по задаваемым работам, так что весь урок проходил в сообщении им различных сведений, по большей частью, прямо на самой практике, у доски, или при разборе наших работ»*.

С Рашевским гимназисты советовались даже по политическим вопросам. Однажды возмутились они тем, что часовой, охранявший дом орловского губернатора Левашова, заставлял всех проходящих мимо

него сходить с тротуара на улицу. Гимназисты сочинили текст листовки и собирались расклеить её в нескольких экземплярах ночью на домах рядом с резиденцией губернатора. Иван Фёдорович, как старший товарищ, сумел отговорить своих учеников от такого деяния, убедив их, что единственным результатом такой акции станет исключение её участников из гимназии.

Но самым замечательным качеством у молодого преподавателя было его умение пробуждать в воспитанниках «чувства добрые».

Слово Леониду Оболенскому: *«Больше всего мы привязались к Рашевскому с тех пор, как он начал читать вслух и разбирать в V классе образцовые произведения русской литературы. Читал он превосходно. Я и впоследствии не встречал такого чтеца. До сих пор я помню, какое впечатление на нас произвело чтение тургеневского «Муму», а потом «Жида». Во время чтения многие плакали. Теперь я понимаю, почему он выбрал именно эти две вещицы: он бил важнейшие ошибки прошлого – **сословную гордость и национальную нетерпимость...** Мы начинали впервые понимать простые вещи...»*

Да, Иван Фёдорович Рашевский научил своих учеников понимать простые вещи. Жаль, что в современной жизни нам не хватает близких людей, которые бы читали для нас то, что нам нужно больше всего... Хотя бы «Муму»...

## **Воспоминания Николая Захарьева об учёбе в Орловской мужской гимназии (1915-1918 гг.) (Отрывки из «Записок из личной жизни научного работника»)**

*Николай Иванович Захарьев – известный советский учёный, специалист в области повышения продуктивности пастбищ. Родился он в 1902 году в городе Малоархангельске. Учился в Малоархангельском училище, в Орловской мужской гимназии, в Орловском университете первого формирования (1921 год). В 1924 году закончил Московский зоотехнический институт. Работал в Москве, Новосибирске, а потом всю оставшуюся жизнь – в Киргизии, где оставил наиболее продуктивные результаты своей деятельности. Здесь Николай Ильич стал доктором сельскохозяйственных наук (1950), профессором (1952), академиком АН Киргизской ССР (1954). Долгие годы был заместителем председателя Киргизского филиала Академии наук СССР.*

*Автор более 130 научных работ, Герой Социалистического труда (1969 год), лауреат Государственной премии СССР в области науки и техники, Заслуженный деятель науки Киргизской ССР (1947 год), награждён орденами Ленина, Трудового Красного Знамени, Отечественной войны II степени, «Знак Почёта» и медалями. Одна из улиц Бишкека носит имя Николая Захарьева.*

*Отец Николая Ильича, Илья Николаевич, происходил из рода купцов Захарьевых, хорошо известных в Малоархангельском уезде. Мать, Анна Глебовна Самсоненко, «была старшей дочерью в большой, состоявшей из 11 человек детей, семье Глеба Силаевича Самсоненко (истинная его фамилия Самсонов) мелкопоместного землевладельца Малоархангельского уезда, выходца из крестьянской в дореформенное время крепостной семьи Ельнинского уезда Смоленской губернии».*

*Проживала семья Самсоненко в деревне Карауловка Фёдоровской волости. Сюда к родному деду по матери, Глебу Силаевичу, в детстве часто приезжал с мамой маленький Коля Захарьев. А когда уже в конце жизни он написал мемуары, то часть страниц своего повествования посвятил деревне Карауловке и всему, что было с ней связано. Но не забыл Николай Ильич и об орловском периоде своей учёбы. Мемуары Героя Социалистического труда на сайте «Проза.Ру» разместил его сын, Борис Николаевич, тоже известный учёный (только физик – А.П.).*

*Отрывки из воспоминаний, живые, полнокровные, интересные, посвящённые Орловской мужской гимназии, я и предлагаю читателям. Сравните гимназическую жизнь в Орле спустя 60 лет после обучения Леонида Оболенского, чьи воспоминания вы только прочитали (А.П.).*

«Окончились первые годы моей детской биографии, пройден незаметно и быстро этап, оказавший большое влияние на мою жизнедеятельность, и я не жалею об этом, ибо наступило новое время, в которое я прожил свои юношеские гимназические годы, когда продолжалась связь с детством, но наступала и пора зрелой юности, когда мне пришлось пережить большой и неизбежный возрастной перелом, совпавший по времени с событиями Февральской революции, а затем коренными переменами, вызванными Великой Октябрьской революцией. Вначале о годах первых лет моей юности, годах первого отрыва от привычной жизни в родной семье, когда я переходил почти на самостоятельную жизнь вдали от матери и своего дома.



Захарьев Илья Николаевич



Захарьев Николай Ильич

Проводив до трамвайной остановки мать, приехавшую со мною в Орел для устройства квартирных моих дел и домашнего питания у одной хозяйки, взявшей на пансион вместе со мною также Володю и Колю, моих родственников, братьев матери, реалистов четвертого и шестого классов, я впервые оказался один, оторванным от семьи. Вначале было грустно, но эта грусть оказалась недолгой и уже, придя на квартиру, расположенную по Воскресенской улице, недалеко от гимназии, я оказался в веселой компании, и началась новая необычная жизнь, которой мне суждено было прожить четыре года с небольшой затем паузой до лет студенчества.

Итак, я ученик Орловской 1-ой гимназии. Началась моя ученическая жизнь в новой системе обучения сразу с третьего класса, где меня встретили как новичка из провинциального небольшого городка уже освоившиеся друг с другом с первого класса одноклассники.

Как обычно, знакомство мое было недолгим. Нашлись хорошие товарищи, нашлись даже друзья, и жизнь потекла в обычном ученическом ритме с классными занятиями, переменами, большой переменной, когда вся ученическая орава выбегала на школьный двор (на улицу нас не пускали), и там 30 минут продолжалась веселая интенсивная разрядка, после спокойных двух-трех уроков, требующих строгого соблюдения тихого сидения за партой и учебной дисциплины.

...Радостные теплые чувства, самые лучшие воспоминания сохраняются у меня о нашем замечательном, весьма демократичном, человеке и преподавателе физики Матвее Матвеевиче Петрове. Думаю, что лучшего учителя по истории, каким был Аркадий Николаевич Ильинский, нигде ни в какой другой школе в Орле не было. Его урок – это интересная, иногда увлекательная профессорская лекция. Особенно великолепен он был при прохождении курса истории средних веков и новой истории. Близкой к нам была учительница литературы и русского языка Елена Ивановна Турбина. Она была, конечно, на втором плане после знаменитого у нас в гимназии, известного на весь Орел крупного литературоведа А.В.Борового, но человеческие качества Елены Ивановны оценивались всеми нами учениками высоко. Мы с удовольствием занимались ее предметами. Кстати, она один или два года была нашим классным наставником. Хорошим был учитель по математике Верещагин Александр Николаевич, который так великолепно преподавал свой предмет, что не помню, чтобы я когда-либо занимался дома алгеброй, геометрией или тригонометрией, кроме письменных работ, задаваемых на дом.

Добрый хорошим учителем географии был Сергей Иванович Квитко, часто развлекавший нас на уроках своими рассказами о

путешествиях в разные страны, которые ежегодно в летние каникулы он совершал в Европу, а то и в другие страны света.

Не могу не вспомнить добрым словом душевного преподавателя немецкого языка Павла Карловича Сея (швейцарца по национальности), у которого я учился хорошо, всегда имел хорошие оценки, и он часто вспоминал, как успешно я сдавал экзамены при поступлении. Пожалуй, следует сказать несколько слов и о нашем латинисте Владимире Сергеевиче Миртове, сумевшем привить нам уважение к замечательному языку латыни, который, будучи мертвым, ибо нет народа, говорящего на латинском языке, по своей стройности и благозвучию нашел себе применение, прижился и сохранился до сих пор в медицине, в систематической биологии, в ботанике и зоологии, и недалеком прошлом в научных докладах, которые на латинском языке зачитывались крупнейшими учеными мира в особо торжественных случаях.

Владимир Сергеевич Миртов был у нас в старших классах года два классным наставником. Это, конечно, наставник, непохожий на Елену Ивановну. Он был строг, требователен, иногда передавал нотацию от инспектора Жудро, всегда следил за нашей подтянутостью и требовал соблюдения установленной дисциплины, но не было ни разу случая, когда бы он наказывал или снижал отметки в журнале.

Были в нашей среде учителей и феноменальные консерваторы, которые сохраняли во внешнем порядке и соблюдении исторически сложившихся традиций в одежде по форме, посещении общественных мест, строгого посещения церковной службы в школьной церкви по субботним вечерам и утреннего богослужения по воскресеньям, изучении закона божия и русской истории с запоминанием биографий царствующих особ. Среди таких консервативных руководителей гимназии особо колоритной была фигура нашего директора, грозы гимназии, его превосходительства Аркадия Николаевича Петрученко. Каждый праздничный день, когда ученики всех классов в обязательном порядке посещали без опоздания богослужение в гимназической церкви, директор по окончании церковной службы стоял по правую сторону от клироса, принимал от учеников почтительные реверансы, слегка покачивая своею старческой головой.

Директор считался крупным латинистом и преподавал латынь только в старших – седьмом и восьмом классах.

Не помню теперь имени и отчества, но хорошо запомнил придирчивость к ученикам нашего очень строгого инспектора Жудро, кабинет которого находился на втором этаже рядом с нашим классом. Он был неприятным, общепризнанным придирой-надзирателем, часто

останавливал учеников, чтобы сделать замечание о каком-либо непорядке. Он был в числе тех, кто мог встретить на улице, особенно на Болховской, что находилась сразу же за гимназией, за мостом через Орлик, где мы гуляли, иногда знакомились с гимназистками, и по нашему мнению, вели себя вполне корректно, конечно, может быть, иногда бывали с нашей стороны какие-нибудь шалости. Не дай бог встретить нашего инспектора, он обязательно к чему-нибудь придерется, найдет что-нибудь недозволенное в нашем поведении, сразу же сделает замечание, а потом в гимназии отчитает целую получасовую лекцию и даже накажет, занесет замечание в кондуит или снизит в четверти оценку по поведению.

Строгости, которые воспитывали нас вести себя хорошо и в классе и на улице, дело нужное, но не придирка, фельдфебельская муштра, это уже не достойно мудрого воспитателя.

Из гимназических лет хорошо отложились в моей памяти ежегодные торжественные вечера, которые обычно проводились не обязательно в Татьянин день, но вскоре после возвращения учеников с рождественских каникул в первой половине января, числа 10-12 по старому стилю. На эти вечера приглашались по ограниченному числу выдаваемых билетов гимназистки и девочки – родственницы гимназистов – сестры и другие родные. Из гимназистов нашей гимназии на вечер разрешалось приходить всем ученикам, начиная с третьего класса (до восьмого включительно). Бывали у нас обычно многие студенты, приезжавшие в Орел к родным на каникулы из Московского университета и других больших городов.

Вечера всегда проводились в помещении Орловского губернского земства, где имелся вместительный концертный и танцевальный зал с большим числом (до тысячи) мест для гостей. На антресолях размещались один-два оркестра, один из них обязательно большой духовой оркестр военной музыки.

Во всех примыкающих к концертному и танцевальному залу комнатах, в коридорах и в вестибюле устраивались хорошо оформленные, украшенные елками киоски, имевшие всегда в обилии конфетти, серпантин, живые цветы, бутоньерки.

Подготовка к проведению вечера велась длительная и основательная. На Болховской улице, это главная улица города Орла, в лучших витринах заблаговременно вывешивались художественно оформленные анонсы, дававшие публичное оповещение о проводимом вечере. Лучшие из этих объявлений – анонсов оформлялись хорошим художником, учеником старшего класса Кремлевым. Считалось делом

чести оформить анонсы наиболее красиво, чтобы привлечь большее внимание.

Билеты гимназистам и приглашенным гимназисткам выдавались бесплатно. Гости билеты покупали, обычно цены билетов были высокие, так как денежный сбор имел благотворительное назначение для помощи бедным ученикам. Некоторые приглашенные гости платили крупные суммы по 20-25 рублей и больше. Для продажи билетов выделялась группа учеников, которые занимались их распространением.

Как правило, на гимназические вечера не приходили ни директор, ни инспектор, по-видимому, для того, чтобы не связывать веселого настроения учеников. За общим поведением учеников и соблюдением порядка вели наблюдение ученики старших классов, которые создавали распорядительный комитет, из них один - главный распорядитель танцев и другой - для ведения концертной части.

Отдельная группа учеников выделялась для приема гостей и наблюдения за общим порядком в помещении. Обязанность этих учеников заключалась в том, чтобы встретить гостей, помочь сдать одежду на вешалку, провести в зал и найти место в концертном зале.

Если кто-либо из девочек приходил без сопровождающих, обязанностью любого ученика, оказавшегося в вестибюле или встретившего идущую одиноко девочку, подойти, помочь, чем нужно, провести в зал. Мне всегда нравилась общая дисциплина поведения учеников на вечерах, которая воспитала уважительное отношение к девочкам, предупредительность, вежливость, внимательность, но не навязчивость.

Обычно съезд гостей назначался на 6-7 часов вечера, а заканчивался вечером в 11-11час.30мин.

Учителя, кроме директора и инспектора, всегда присутствовали на вечере и помогали занимать наиболее солидную часть приглашенных гостей, родителей учеников и других, в чем им помогали ученики-распорядители.

Первая часть вечера, концертная, занимала непродолжительное время, минут 45-50, не более часа. Программа концерта обстоятельно продумывалась и включала лучшие произведения русских и зарубежных поэтов, писателей, музыкантов. В 1917 году на нашем вечере в концерте принимали вокальные артисты, приехавшие в Орел, исполнялись каватина Людмилы из оперы Глинки «Руслан и Людмила» по поэме Пушкина, ария Травиаты из оперы Верди, русские романсы Рахманинова, Даргомыжского. Из инструментальной музыки исполнялись произведения Шумана, Чайковского, участвовали скрипки

в сопровождении аккомпанемента рояля. Обязательно на любом нашем вечере заключительная часть программы посвящалась памяти Тургенева, исполнялись фрагменты из его прозы, малоизвестные, но замечательные стихи, переложенные на музыку стихи-романсы.

Часто со своими стихотворениями выступали гимназисты, их произведения отбирались особенно строго учениками старших классов и преподавателями литературы А.В.Боровым и Е.И.Турбиной.

Главный распорядитель танцев – душа вечера, судя по сбору гостей, после окончания концерта и двух-трех веселых маршей духового оркестра, подавал распоряжение оркестру и приглашал всех посетителей к первому танцу, которым обычно был венский вальс Штрауса, а затем по инициативе распорядителя и его мастерства следовали мазурка, другие танцы, антракты, иногда показательные или просто веселые танцы отдельных пар, как на катках фигурного катания, под аплодисменты зрителей.

Ученики, присутствовавшие в зале, следили, чтобы не было ни одной скучающей девочки, не получившей приглашения к танцу. Если кто-либо из девочек стоит или скучает в одиночестве, требуется обязательно подойти, спросить разрешения и пригласить танцевать, если не на этот, то на следующий танец.

Должен сказать, что по организованности вечера Орловской первой гимназии всегда славилась отличным порядком и посещались гостями с большим удовольствием.

Очень распространенной на вечерах была летучая почта, когда записки, главным образом, для знакомства с девочками, передавались от мальчиков девочкам через выделенных распорядителями учеников из младших классов. У этих учеников на груди имелись знаки почтового ящика. Если следовала записка-ответ, то этот ответ почтальон должен неукоснительно вручить инициатору переписки. Иногда были записки-шутки, но, во всяком случае, веселые, без грубостей, корректные. Было условлено, что плохие по содержанию записки не передаются. С помощью нашей летучей почты я познакомился с одной очень симпатичной девочкой, ровесницей мне по возрасту, с которой мы весело провели вечер, а потом я с удовольствием провожал ее домой.

К сожалению, с милой приветливой Настенькой мне больше не пришлось встретиться, она вскоре уехала со своими родными в другой город, вначале временно, а затем и навсегда. На этом погасло наше хорошее знакомство, но осталось доброе неугасимое воспоминание, которое сохранилось до сих пор, вот уже ни много, ни мало 64 года.

Вспомнился мне чудесный рассказ А.П.Чехова «Дом с мезонином», который трогательно кончается печальными словами: «Мисюсь, где ты?»

Звучит последний вальс, по указанию распорядителя гости в сопровождении учеников следуют в вестибюль к выходу, где гимназистки, если кто-нибудь из них оказывается в одиночестве, обязательно получают сопровождающего ученика соответствующего возраста, чтобы проводить до дома, или довести на извозчике далеко живущих.

У дома, куда пришлось сопровождать девочку, на нашей обязанности было позвонить, дождаться выхода кого-либо из дома, попрощаться и сдать, что называется с рук на руки. Обычно это уже первое знакомство получает хорошее развитие и встречу на следующем вечере, как старых знакомых, а то и раньше.

Но бывают, конечно, и длительные перерывы без встреч, только воспоминания, о которых не следует жалеть, ибо многие из них сеют в наших душах добрые семена и оставляют в памяти лучшие страницы жизни.

Я, может быть, и не стал бы рассказывать о наших торжественных вечерах, если бы у меня не зародилась мысль, что такая информация из далекого прошлого может быть еще нужна и полезна для нашей современности, для молодежи. Думается, что привитие ученикам, да и вообще молодежи уважительного, дружественного и я бы не постеснялся сказать, нежного отношения мальчиков к девочкам нисколько не противопоказано нашему времени. Во всяком случае, воспитание хорошего отношения мальчиков к девочкам и в школе, и на улице, и во всех общественных местах, исключение грубости и, напротив, выработка тактичности в общении было бы весьма полезным, драгоценным делом и в наше время.

В 1917 году к нам в гимназию была добавлена группа учеников эвакуированной Рижской гимназии; в наш класс поступило несколько учеников, один из них, Николай Миссин, оказался моим соседом по парте. С ним мы скоро подружились, он оказался хорошим товарищем, и я постарался быть ему помощником в общем ознакомлении с порядками нашей школы и в классных занятиях. Осенью или зимою в нашу гимназию была полностью эвакуирована Виленская мужская гимназия, которая занималась в вечернюю смену. Конечно, это несколько нарушило обычный школьный ритм и заведенный порядок, но занятия, тем не менее, продолжались, хотя и были какие-то нарушения.

В управлении гимназией произошли серьезные перемены. Директора нашего заменили, назначив на его место Матвея Матвеевича Петрова, нашего физика, что вполне совпадало с общим желанием учеников нашей школы.

На одном из наших общегимназических собраний мы даже шумно провозглашали: «Да здравствует первый демократический директор – Матвей Матвеевич Петров».

Ушел от нас и инспектор Жудро. Все остальные преподаватели как будто оставались на своих местах. Не стало как предмета закона Божия, и прекратилась церковная служба в школьной церкви. В остальном жизнь школы протекала без особых изменений, хотя число учеников школы уменьшилось.

Продовольственная обстановка в Орле заметно ухудшилась, В 1918 году, пополняя продовольственные запасы из Малоархангельска, я еще имел возможность оставаться на квартире у своей хозяйки и продолжать учение в Орле, хотя хозяйка не раз заявляла, что, по-видимому, вынуждена будет отказать мне в пансионе из-за трудности доставать питание. Кое-как, частыми выездами к себе домой я доставлял в Орел продукты, но в 1919 году это стало очень затруднительно, и я решил заканчивать обучение в Орловской школе и перебазироваться в Малоархангельск...».

### **Как адъютант генерала Столыпина себе жену в Орле нашёл**

*В самом конце лета 1879 года начался вывод из Болгарии на территорию Российской империи 9 армейского корпуса, который отличился во многих сражениях недавно завершившейся войны. Штаб корпуса во главе с генерал-адъютантом Аркадием Дмитриевичем Столыпиным (отцом будущего премьер-министра Российской империи – А.П.), разместился в губернском городе Орле.*

*А теперь, после небольшого вступления, – я предоставляю слово Наталии Дмитриевне Полонской-Василенко, известному историку, чья двухтомная «История Украины», изданная за рубежом, хорошо известна у профессионалов. Но мало кто из них знает, что биография Наталии Дмитриевны тесно связана с Орловщиной, где проживали её предки из дворянских родов Мухортовых, Чиркиных, Мацневых, Лиленфельдов. Об этом она подробно написала в своих «Воспоминаниях», опубликованных в 2011 году в Киеве на украинском языке. Моя киевская знакомая Алёна Мокроусова помогла с переводом нужной мне части этих воспоминаний, и я предлагаю читателям отрывок, связанный с событиями, происходившими в Орле в указанный выше период (А.П.).*

## Из «Воспоминаний» Наталии Полонской-Василенко

### *Первые красавицы Орла*

«Вполне естественно, что новый житель Орла, корпусный командир Стольшин, приехав в Орел, немедленно нанёс визиты всем главным семьям Орла, «его бомонду». Визиты он совершал в сопровождении своего адъютанта, штабс-капитана Меньшова. Во многих салонах Орла слышали, что сезон в этом году запаздывает, что некоторых из помещиков ещё нет.

Не приехали из своего поместья Липовица первые красавицы Орла, барышни Мухортовы, Мария Федоровна и Наталия Федоровна. Младшая, Наталия, была высокая, стройная, с точёными чертами лица и большими карими глазами. Старшая, Мария (моя мать), тоже шатенка с карими глазами, чуть уступала младшей сестре в красоте, но была такая же обаятельная. Моя мать прошла полный курс Института под руководством Елисаветы Павловны (*петербургской гувернантки – А.П.*). Единственная из всей семьи, она была исключительно музыкальна и обладала красивым голосом, хорошим низким меццо-сопрано. Мама имела большой музыкальный талант и прекрасно играла на рояле. Она охотно пела на вечеринках у себя и у знакомых, и в ее нотах был большой набор романсов Глинки, Варламова, Балакирева, Даргомыжского, что были в моде тогда.

Мария любила участвовать в великосветских концертах, пела в хоре. Часто выступала она как пианистка, в больших концертах (исполняя партии в игре на двух роялях, в квартетах со скрипкой и виолончелью). Музыка давала Марусе большое наслаждение и смысл жизни, который не могли заполнить светские развлечения. Она мечтала усовершенствовать свою игру, мечтала о консерватории (но эта мечта так и не осуществилась).

Ей было лет 16, когда Мухортовы приобрели в Орле, на Дворянской улице, большой красивый дом с огромной залой и в осенние и зимние месяцы стали жить в Орле. Это было в конце 60-х годов.

Материальное положение Мухортовых к этому времени было блестяще. Зажили они, как говорится, «на широкую ногу» и стали одной из первых семей Орла, того небольшого дворянского круга, именовавшегося в середине XIX века «светом».

По всем вышеназванным причинам у сестёр Марии и Наталии было немало поклонников, но ни один из них за несколько лет попыток ухаживаний за красавицами ни разу не удостоился их внимания.

Уставшие от напряжения зимнего сезона 1878-1879 годов, Мухортовы задержались в Липовице осенью 1879 года. Вскоре до них

дошли слухи, что в Орле расположился штаб корпуса, командир которого, Столыпин, происходит из зажиточных саратовских помещиков и, таким образом, полностью «свой»; что он имеет молоденькую дочь (она впоследствии вышла замуж за молодого Афросимова) и двух сыновей, «Сашу и Петьку»; они отданы в гимназию, и там они стали товарищами Виктора и Жени Мухортовых. Шалости Столыпиных, о которых говорили, поражали Мухортовых.

### *Дмитрий Меньшов: любовь и карьера*

В том году Мухортовы поздно приехали в Орел и на другой день вечером отправились в театр. Там сестры Маруся и Ната (так Наталию звали в семье – А.П.) увидели новые лица: семью Столыпиных и несколько новых офицеров из его корпуса. Среди этих офицеров внимание Маруси привлек молодой, невысокого роста, но стройный офицер. Его светлые волосы были расчесаны прямым «пробором» и красиво кучерявились; большие бакенбарды обрамляли лицо. Он не был красив, но прекрасные большие темно-серые глаза, которые он немного прищуривал как близорукий, словно освещали его лицо. Он стоял в антракте у барьера в первом ряду и смотрел на залу. «Кто этот офицер в первом ряду?» – спросила Маруся кого-то из знакомых, кто называл ей новых людей. И получив ответ, что это штабс-капитан Меньшов, адъютант Столыпина, добавила: «Он некрасив, но лицо чрезвычайно интересное». Через несколько минут Меньшов уже входил в ложу Мухортовых.

В числе других офицеров Дмитрий Петрович был хорошо принят Мухортовыми, его приглашали на вечеринки, он и Мария встречались во всех других домах орловского «бомонда», на балах в Дворянском собрании, в театре. Дмитрий Петрович не любил танцевать, но, чтобы видаться с Марусей, танцевал. Чем чаще встречались они, тем больше влюблялись друг в друга. Маруся была на три года старше его, ее руки добивались выдающиеся люди, которые обеспечили бы ей богатую жизнь и блестящее будущее.

Но этот молодой офицер, совсем другого происхождения, даже не владевший французским языком, у которого не было ничего, кроме нищей офицерской зарплаты, скромный, немного стеснительный в обществе, стал для Маруси дороже, чем все остальные. В его милых для нее серых глазах она видела такую глубокую, искреннюю любовь, что не могла не проникнуться ею.

Все шло хорошо, пока они встречались на балах и вечеринках или когда гуляли по Болховской, и Маруся опиралась на его руку. Но когда



Генерал Аркадий Дмитриевич Столыпин, командир 9 армейского корпуса

она заявила родителям, что решила выйти за него замуж, и что он должен официально просить у них ее руки, - в семье Мухортовых начался ад. Наталья Дмитриевна со слезами на глазах решительно заявила, что никогда не согласится на брак любимой дочери с бедным офицером, не имеющим ничего, кроме своей формы. Федор Акимович держал «нейтралитет». Вся молодежь - и главным образом, Наталья Федоровна, горячо отстаивали интересы Маруси. Начались семейные совещания. Маруся стояла твердо на своем: это уже не было вопросом консерватории, когда она сдала «позиции». ... Это было счастье её жизни. И она победила: 26 января 1880 г., в день ее именин, когда Мухортовы устраивали

традиционный бал, было торжественно объявлено о помолвке. Началась новая эпоха в жизни обрученных.

В доме Мухортовых шла спешная подготовка к свадьбе. Заказывали приданое, ездили в Москву, чтобы у Хлебниковых заказать серебро, закупить материи на платье, полотна на белье. Федор Акимович заявил, что дает Марусе в приданое огромный орловский дом. Она же поставила единственное требование своему жениху: чтобы он не оставался в Орле, а нашел себе должность в другом городе.

Мария была совершенно права: слишком много у них было знакомых в Орле, слишком тесными были ее связи со старыми знакомыми, чтобы можно было без боли вдруг разорвать их, а вести после женитьбы тот уклад, которым она жила раньше, она не хотела, да и средства, на которые собирались жить супруги, были для того недостаточны. Найти сразу новое место для артиллериста было не так легко, но старые связи помогли, и Дмитрий Петрович устроился старшим адъютантом в Управлении артиллерии Харьковского военного округа. Так он снова возвращался на милую ему Украину. Должность

эта была спокойна, она отнимала только день до 3-х часов работы в Управлении; не надо было ездить на маневры, выступать в летние лагеря; не было строевого обучения, которого не любил он. Все это дело перевода унесло немало месяцев. Летом у него было два месяца отпуска; и отпуск этот Дмитрий Петрович провел в Липовице, у родителей невесты.

В октябре 1880 г. в селе Покровском (современный райцентр Покровское, где в местной церкви Покрова Пресвятой Богородицы произошло венчание – А.П.) состоялась свадьба, а вечером молодые супруги уехали в новую жизнь, - в Харьков. Там была уже подготовлена квартира, нанята кухарка, доставлен из Орла рояль Пляйеля, который так любила моя мать».



Дмитрий Петрович Меньшов (в мундире генерал-майора артиллерии) и его жена Мария Фёдоровна (в девичестве - Мухортова)

*Р.С. Продолживший военную службу по артиллерийской части Дмитрий Петрович Меньшов и занявшая домашним хозяйством Мария Фёдоровна Мухортова прожили в мире, любви и согласии 37 лет.*

*Дата ухода из жизни Марии Фёдоровны, к сожалению, мне пока неизвестна. А генерал-лейтенант Российской императорской армии, участник русско-турецкой и Первой Мировой войн, кавалер шести орденов, Д.П.Меньшов, скончался в Киеве в январе 1918 года. Он оставил после себя добрые воспоминания родных и товарищей, несколько исторических трудов и дочь-историка, благодаря которой мы узнали много нового и интересного о нашей любимой Орловщине и её замечательных людях.*

## **Финансы и романсы орловских городских властей: век XXI и век XIX**

*На последней сессии в конце декабря 2015 года депутаты Орловского горсовета утвердили бюджет Орла на 2016 год.*

*Объем доходов городской казны запланирован в сумме 4 миллиарда 326 миллионов 828 тысяч рублей. Расходы должны составить 4 миллиарда 571 миллион 828 тысяч рублей. Дефицит - почти 245 миллионов - планируется покрывать, в основном, за счет кредитов.*

### *Эти вечные проблемы*

Вообще, если посмотреть уже исполненные бюджеты Орла за предшествующие несколько лет, то они всегда были дефицитными: депутаты горсовета не находили другого способа «искать деньги» для решения многих городских проблем, кроме как привлекая заёмные средства. Но ведь это не может продолжаться бесконечно, поскольку есть опасность упасть в долговую яму, из которой выбраться областному центру будет ой как непросто. Впрочем, я не экономист, не буду делать таких далеко идущих выводов, а просто расскажу, как решали (или не решали) финансовые проблемы Орла сто с лишним лет тому назад гласные (депутаты) Орловской городской Думы.



Орловская городская дума

Об этом поведал нам в 1899 году известный орловский краевед и публицист Пётр Кречетов в одном из своих очерков. Я процитирую небольшой отрывок из него:

*«Что же сделало для города Орла орловское городское самоуправление...? Это управление, прежде всего, привело городские финансы в самое плачевное состояние. Кто желает видеть действительно поразительную картину денежного общественного хаоса, граничащего с банкротством целого губернского города, того вполне удовлетворит хотя бы беглое ознакомление с нынешним состоянием Орла. Другого такого города, пожалуй, и в Европе нет. Такие города прежде были только в современной Греции, а теперь есть в маленьких республиках Южной Америки.*

*Орёл задолжал грандиозные для него суммы и окончательно просвистался. Он, прежде всего, задавлен основным, капитальным долгом в три миллиона рублей (на всякий случай скажу, что рубль тех лет был намного «тяжелее» рубля нынешнего – А.П.), оставленным ему в наследство, как расплата за муниципальное ручательство, лопнувшим городским банком...*

*Есть и другие обязательства. Общая сумма долгов Орловской городской думы равняется 4 000 000 рублей. Словом, Орёл в долгах застрял по горло, из долгов не выходит и может питать некоторую надежду рассчитаться с ними после того, когда цифра гражданского летоисчисления будет начинаться не «единицею», как теперь, а «двойкою» (даже этот иронический оптимизм Кречетова не оправдался, поскольку, как мы видим, и в XXI веке Орёл «в долгах, как в шелках» – А.П.).*

*У города были, про «чёрный день», ещё кое-какие «неприкосновенные» капиталы, в несколько десятков тысяч рублей. Но неприкосновенность отнюдь не спасла их от прикосновения; в настоящее время и эти капиталы окончательно израсходованы. Дело в том, что Орловская дума, не имея ни копейки свободных, принадлежащих ей, денег, взялась за очень большое для неё коммерческое мероприятие – за постройку казарм и конюшен для кавалерийского полка. Смета на сооружение казарм равнялась 180 000 рублей. Нимало не заботясь о продолжении и конце строительной аферы, начали её горячо и быстро насчёт последней муниципальной наличности – специальных капиталов. Капитал незаметно растаял, а казармы из-под земли не выросли. На окончание их сооружения средств, конечно, не хватило.*

*В таком критическом виде вопрос о казармах был внесён на обсуждение Орловской думы и внушил ей два разных, но одинаково великолепных, спасительных проекта. Оба они и заслуживают упоминания, потому проникнуты необыкновенным общественным настроением, – настроением бесшабашно-увеселительного трагизма. Согласно первому проекту, думе следовало бы заложить городские бойни, чтобы кончить городские казармы. Впоследствии же, заложить городские казармы, чтобы выкупить городские бойни. Тут перед нами – мысль о серьёзном обращении городского управления к*

финансовой системе анекдотически изворотливого молодого человека, закладывающего зимнее пальто для выкупа летнего и наоборот».

Между тем, продолжает далее Пётр Кречетов, Орловская городская дума начисто забыла о решении таких насущных проблем орловцев, как избавление их от наводнений и о ремонте дорог:

*«Каждый год Ока затопляет большую часть города. Каждый год жители затопляемых улиц страдают физически и душевно и несут целые тысячи рублей убытку; несчастные жители просят со слезами городское управление, даже жертвуют деньги для принятия необходимых мер против наводнения; однако никаких серьёзных мер не принимается...»*

*Все окраины и нижние улицы осенью и весной тонут в грязи. Некоторые орловские улицы представляют из себя море зловонной жидкости, а, между тем, по ним постоянно движется рабочий люд и, разумеется, тонет в грязи. Днём здесь верёвками вытаскивают лошадей и возы из глубокой тины; раздаются крики, ругательства; ночью же ковыляют запоздалые пешеходы, пронизывая воздух проклятиями по адресу отцов города. Чтобы окончательно дорисовать картину, вообразите ещё освещение на некоторых улицах, исходящее от убогих фонарей, подмигивающих друг другу слишком за две версты. Уличные мостовые поражают на каждом шагу страшнейшими ухабами... Говорят, что хромота легендарного чёрта объясняется его неосторожной прогулкой по орловским тротуарам... Несчастные орловцы, идя по ним, рискуют либо сломить шею, либо вывихнуть ногу...»*

А заканчивает Кречетов эти размышления так, как будто речь идёт о дне сегодняшнем:

*«В настоящее время Орёл, пригорюнившись, сидит... Купцы плачут, чиновники плачут... И все с горя пьют горькую...»*

*И запьёшь, если хотите знать. Орёл – хватил через край. Он взлетел в поднебесье, как будто, всамделишним орлом, а на землю опустился вороной с выщипанными перьями и теперь находится в положении мокрой курицы»...*

P.S. И в завершение, я думаю, просто необходимо, хотя бы несколько слов, сказать о человеке, который оставил для нас такие, звучащие и по сию пору злободневно, заметки об Орле.



Пётр Кречетов

### **Тайна Петра Кречетова**

У этого человека – необычная судьба. Родившись 12 июля 1873 года в семье скромного елецкого чиновника, он закончил Первое Орловское духовное училище, Орловскую духовную семинарию, год проработал учителем церковно-приходской школы в селе Подзавалово (Болховского

уезда, а ныне – Урицкого района), а потом вдруг поступил на юридический факультет Юрьевского (Тартусского) университета.

С 16 лет Кречетов начал печататься (первая его статья появилась в «Орловском вестнике» в 1889 году) и не переставал публиковаться всю жизнь, но профессиональным журналистом или писателем так и не стал, хотя его статьи и рецензии с удовольствием брали столичные и провинциальные журналы и газеты.

Неся службу с 1910 года в различных государственных учреждениях Прибалтики (Лифляндии) и издавая свои книги в основном в Риге, Петр Кречетов в этих книгах рассказывал большей частью о родных Орловских краях и людях Орловщины.

В 1899 и 1902 годах вышли в свет два выпуска сборника «Родной край», в которых были опубликованы публицистические и художественные произведения Петра Ивановича, а материал еще на несколько томов сборника был у Кречетова похищен.

У него была привычка свои работы или совсем не подписывать или ставить под ними самые разные инициалы и псевдонимы – П. Кр., П.К., Александров П. и т.д. и т.п.

Его два сборника под названием – «Орел. Материалы для описания Орловской губернии», в которых содержался обширный материал по истории Орловщины и был помещен биографический словарь «Уроженцы Орловской губернии», до сих пор не потеряли своей ценности и используются современными орловскими краеведами.

Кречетов стал если не первым, то одним из первых биографов Столыпина, опубликовав еще при жизни выдающегося русского политического деятеля биографический очерк о нем (он вышел в Риге за год до трагической гибели премьер – министра). А потом, именно после издания этой брошюры в 32 страницы, имя Петра Кречетова вдруг исчезло из поля зрения как орловчан, так и жителей Прибалтики. Он перестал печататься и растворился во времени и пространстве.

Даже даты смерти Петра Ивановича Кречетова мы не знаем, в справочнике «Орловские краеведы» написано – «после 1910 года». А в 1910 ему исполнилось лишь 37 лет.

В 1898 – 1910 годах тремя выпусками в Санкт-Петербурге были опубликованы рассказы и очерки Петра Кречетова под общим названием – «Эскизы».

Эскиз его жизни для нас так и остался незаконченным, но и тому, что он успел создать, мы должны быть благодарны.

## Как отмечали Новый год в Орле в начале XX века

В 1905 году Пётр Кречетов в одной из своих книг так написал о хорошо знакомом ему персонаже: «Орловский праздный обыватель – большой фантазёр и забавник. Он любит кутнуть, почудить, покуролесить и в состоянии, так называемом, обалдения показать себя. Гуляя по ночам с пьяными товарищами по улицам, он, мимоходом, вывёртывает фонарные столбы, бьёт городских, пишет на заборах целые эпопеи о своих похождениях и бессмыслицы, достойные записи наших доморощенных декадентов...»

### *Еда, питьё и далее по списку...*

С момента написания Кречетовым этих строчек прошло более ста лет, но такое ощущение, что уж в чём-чём, а в сохранении традиций, присущих вышеназванному **фантазёру и забавнику**, Орёл даст сто очков вперёд любому другому русскому городу, ты не находишь, читатель?

Когда же начинались праздники, особенно, такие большие, как, к примеру, рождественские, то тут уж «сам Бог велит нам развлекаться по полной программе», - так считало подавляющее большинство орловчан в начале XX века (а многие придерживается таких убеждений до сих пор – А.П.).



Здание Дворянского собрания в Орле



Но не забывали орловчане и о первейшей обязанности православного человека, особенно в дни Рождества – помочь ближнему своему, бедному и обездоленному. Многие орловские общества, организации и клубы устраивали в эти дни благотворительные вечера, на которых народ, купив билет, получал удовольствие, зная, что его деньги пойдут на благое, Богоугодное дело.

И ещё одно обстоятельство подчеркну – *специально для современных продавцов*. В ночь перед Рождеством, на сочельник, торговать в Орле можно было только до 8 часов вечера. А 25 и 26 декабря, поскольку работать в эти дни считалось большим грехом, торговые заведения в Орловской губернии также не работали. Разрешение на торговлю давалось с 27 декабря (и, опять-таки, только до 8 часов вечера).

В первый день, на Рождество Христово, орловчане, по традиции, посещали знакомых, близких, друзей и дарили подарки – в воспоминание о дарах, принесенных Богомладенцу волхвами.

Хозяйки красиво накрывали столы, готовили лучшие угощения. Вспоминали в этот день о бедных, больных, нуждающихся людях. В здании орловской городской управы, к примеру, роздано было 25 декабря 1911 года 400 рублей денег беднякам. К сожалению, поскольку собралось здесь свыше 1000 человек нуждающихся, каждому из них досталось менее 50 копеек. Правда, некоторые из стоявших в очереди умудрились выстоять по два или даже три раза.

### *Новогодние забавы в Орле*

Начиная с 26 декабря, орловчане активно отдыхали. Одним из любимых массовых мероприятий 1911 года оказались костюмированные балы-маскарады. Первым в городе прошёл такой, с шестью ценными призами за лучшие и оригинальные костюмы, в клубе приказчиков. Следом, 27 декабря, бал-маскарад состоялся в Орловском дворянском собрании.

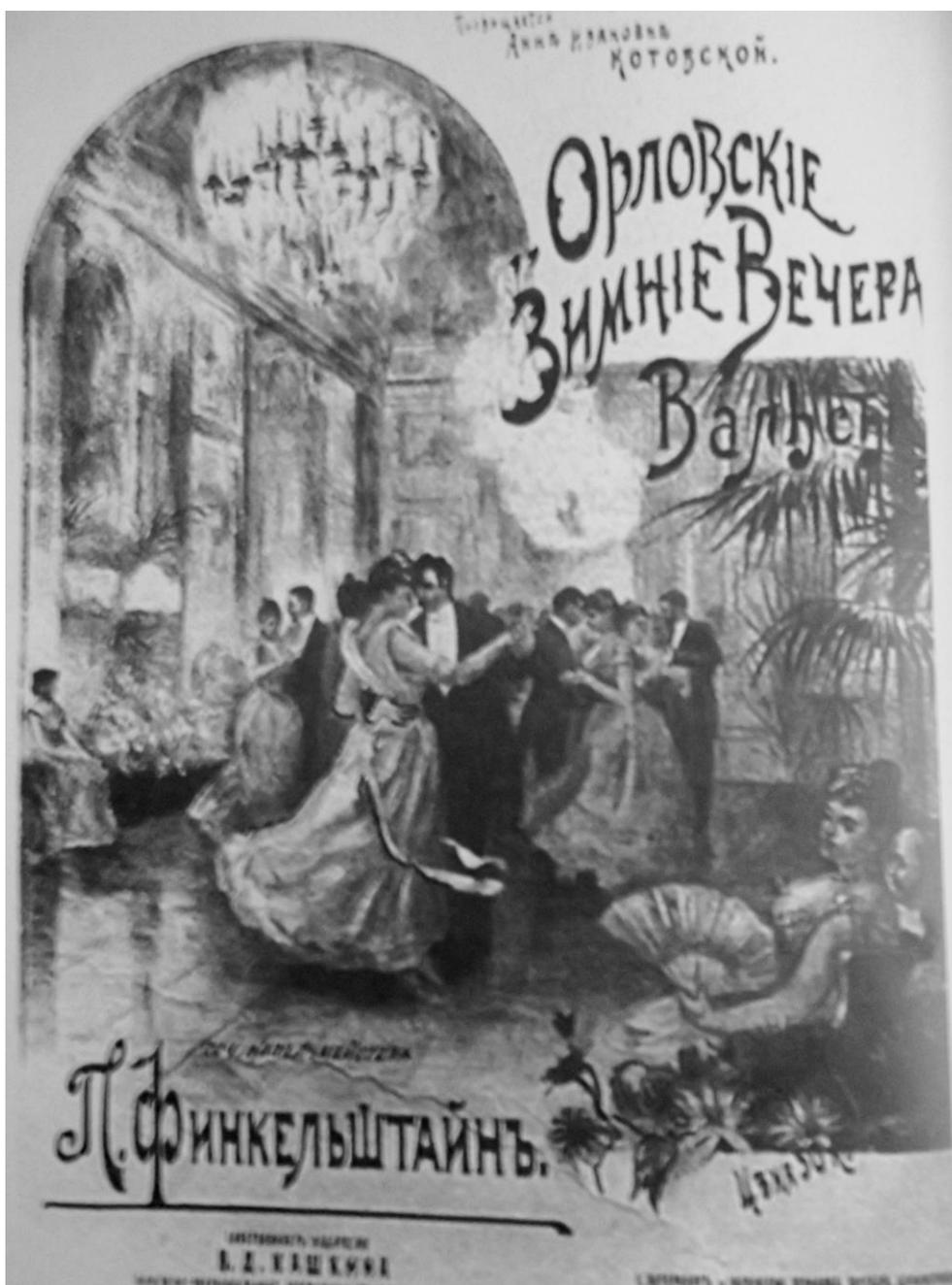
С размахом провело костюмированный бал 28 декабря Орловское купеческое собрание. Вход сюда составлял: для мужчин – 1 рубль, для дам – 60 копеек, но зато за лучшие костюмы были вручены сразу 12 ценных призов: золотые мужские и женские часы, два золотых перстня, золотые серьги, брошь, браслет, жетон, булавка, серебряные портсигар, портмоне и подстаканник.

В 1911 году в Орле, в котором проживало не так уж много (в отличие от сегодняшних дней) студентов, тем не менее, состоялись две студенческие вечеринки. Вторая из них, прошедшая 27 декабря в зале Орловского купеческого собрания, собрала почти всех молодых людей, обучавшихся в высших учебных заведениях в обеих столицах. Студенты

состязались на вечеринке в остроумии и танцах (моден был в тот год котильон – А.П.).

Те орловчане, кто предпочитал отдых с семьями, в течение последней декады декабря могли это сделать неоднократно: 27 и 28 числа – в Орловском обществе любителей изящных искусств, 29 – в клубе приказчиков (здесь прошёл семейный вечер с танцами) и 30 декабря (общество любителей изящной словесности для своих детей организовало ёлку с раздачей «мешочков со сладостями»).

Настоящий ажиотаж вызвала проведённая 26 и 27 декабря в помещении Орловской городской Думы лотерея-аллегри. Всего за два дня было разыграно около трёх тысяч предметов, а главными призами стали лошадь, корова и граммофон.



Не меньшей популярностью в святочные дни пользовались различные спектакли и представления, как самодеятельные, так и с участием профессиональных артистов.

Существовавший в Орле Городской Зимний театр представил землякам специальный Святочный репертуар, предусматривая по два спектакля ежедневно: днём (в час пополудни) и вечером (начало - 8.30).

26 декабря, в понедельник, были даны: историческая драма Шпажинского «Чародейка», и драма Ростана «Орлёнок», 27 декабря, во вторник, - инсценировка романа Достоевского «Преступление и наказание» (*наверное, режиссёр спектакля хотел предупредить зрителей о пагубности возлияний в святочные дни - А.П.*) и историческая драма «Екатерина Долгорукая», в среду - пьеса Невежина «Вторая молодость» и сочинение Беляева «Паиша». Перед началом спектаклей и в антрактах зрителей развлекал «оркестр музыки 142 Звенигородского полка» под управлением А.Владимирова.

Пользовался популярностью у орловчан и такой новый вид искусства, как кинематограф. Правда, название тогда у него было другое. Два существовавших на улице Болховской (современной улице Ленина) кинотеатра назывались «Театр Гранд-Электро» и «Большой Парижский Электротheater».

Чтобы завлечь к себе зрителей, администрация этих заведений публиковала в губернском «Орловском вестнике» обширную рекламу. Вот как, к примеру, «Электротheater» представил свой репертуар на 26 и 27 декабря 1911 года:

*«Сердце подсказало» - картина о том, как «рождение первого ребёнка стоило жизни жене Артура. Безутешный вдовец не в силах больше видеть свою дочь и уезжает от неё в Европу. Лишь через 8 лет он возвращается примирённым».*

*«Предсмертное свидание»: «Отдавший все силы своей души, всю жизнь - своей любви, красавице-балерине, он узнаёт, что она его обманывает. Его горе, его гнев выливаются в ужасную форму».*

*«Месть старого холостяка» - «Большая, ультракомическая картина, неудержимо весело и смешно».*

В «Театре Гранд-Электро» был похожий репертуар, оба кинотеатра, для привлечения семей с детьми, предлагали также с 12 до 6 часов дня «специальные детские комические картины» и «богато убранную электрическими огнями ёлку».

Сеансы начинались с 12 часов дня и шли с небольшими перерывами, которые заполнял своей музыкой военный оркестр Можайского полка под управлением В.Лейсека (*музыканты оркестра умудрялись одновременно, если судить по рекламе, играть сразу в двух*

*кинотеатрах, возможно, уже тогда начиналось деление популярных ансамблей на две труппы – А.П.)*

Любили орловчане в эти святочные дни и отдых на свежем воздухе. Мальчишки катались на санках с горок (популярным был спуск у дома под названием «Башня» (Похвалинского), а орловское гимнастическое общество «Сокол» построило на реке Орлик каток, соорудив музыкальную эстраду (здесь играл ансамбль) и теплушку для обогрева. Каток, открывшийся 27 декабря, освещался газокалильными фонарями. Члены общества «Сокол» катались здесь бесплатно, а все остальные желающие должны были покупать билеты.

И, естественно, нельзя обойти тему новогодних закусок и выпивок – какой русский человек без этого может обойтись? Хорошо, если подобные возлияния ограничивались самым популярным в Орле 1911 года новогодним вином – французским десертным «Сен-Рафаэль» («лучшим другом желудка», как сообщала реклама). Или, на худой конец, пивом «Чешское золотое», с гигиенической закупоркой «Идеал», орловского завода Г.К.Шильде, удостоенного высшей награды Гранпри на международной выставке в Риме.

А то ведь народ употреблял такие напитки, о которых вспоминали потом: *«Мы с ним выпили раз, выпили два, аж круги в глазах пошли. И откуда он только такую настойку достал?»*

Впрочем, как иронически заметил корреспондент одного из губернских изданий, *«раз уж самим нельзя было найти возможность повеселиться, то пусть хоть черти в чехарду в голове поиграют...»*.

### ***Новогодний вечер в Александровском реальном училище***

Об одном из мероприятий, организованном в рождественские дни, я хочу рассказать подробнее. Его организаторами (*распорядителями*) стали ученики старших классов Александровского реального училища, которые решили помочь своим товарищам из неимущих семей. Заранее договорились об аренде для проведения вечера лучшего в Орле зала – в Дворянском собрании, а потом всю закипела работа.

Типографским путём были изготовлены билеты: почётные (бесплатные), входные (по 50 копеек) и на места в концерте (стоимостью от одного до пяти рублей). Три главных распорядителя вечера, Дмитрий Власов, Григорий Меньшиков и Анатолий Ситников, сумели решить все проблемы, включая даже организацию бесплатного буфета (напитки предоставил владелец пивоваренного завода Г.К.Шильде, а колбасу для бутербродов отпустил К.А.Фроммельт – хозяин лучшей в Орле колбасной).

К 7 часам вечера 27 декабря к зданию Дворянского собрания первыми подъехали на извозчиках распорядители вечера, - празднично одетые реалисты и гимназистки. В комнате для распорядителей на втором этаже барышни прикололи себе алые ленты, а на грудь ребятам они прикрепили жёлтые муаровые. Юноши под руку подвели барышень к цветам и купили для них бутоньерки. Эти симпатичные искусственные цветы, изготовленные заранее самими реалистами, гимназистки с благодарностью прикололи у себя на груди.

А потом все распорядители разошлись по своим рабочим местам: одни - к буфету, другие - к столам для продажи программ концерта и бутоньерок, третьи - к входу для проверки билетов.

К половине восьмого вечера стали собираться все остальные, включая родителей учеников, учителей и начальство.

Ровно в восемь началась концертная программа, длившаяся около двух часов. И хотя артистами выступили не профессионалы, а местные любители, но такие, способности которых в Орле были хорошо известны: певцы С.Романовская, И.Кукин, пианист С.Розанов, скрипач В.Титков. Зрители их внимательно слушали и тепло приветствовали. А в 10 часов вечера началось главное событие для собравшейся в зале Дворянского собрания молодёжи - танцы в сопровождении оркестра Черниговского полка, «вооружённого» серебряными трубами.

В роли дирижёра танцев выступил преподаватель французского языка Александровского реального училища Георгий Иванович Зейтц, сам - блестящий танцор. На середину зала вышли распорядители и распорядительницы и, взявшись за руки, образовали большой круг. В этот круг вошёл одетый во фрак, с белым галстуком, Г.И.Зейтц. Из числа составивших круг к нему выбежала гимназистка Юлия Лидак, держа в руках громадный бант, и приколола этот бант на грудь дирижёра.

Зейтц поблагодарил за подарок и скомандовал оркестру, расположившемуся на хорах: «Вальс!» Заиграла музыка, Георгий Иванович бережно взял Юлию и открыл бал. Круг превратился в пары, и всё слилось «в вихре вальса». Один танец сменялся другим, тут уже начались ухаживания и флирт.

А уже после 12 часов ночи, в завершение вечера, Г.Зейтц объявил «котильон». Здесь несколько слов нужно сказать об этом чрезвычайно тогда популярном бальном танце французского происхождения. Словом «котильон» (фр. cotillon) первоначально называлась нижняя юбка. Позже это название закрепилось за танцем. Многие авторы конца XIX века утверждали, что котильон был выдуман французами в честь прекрасной половины человечества. По сути своей, это танец-игра, объединяющая вальс, мазурку и польку. Исполнялся он всеми

участниками в конце бала. К концу XIX века популярен был котильон с аксессуарамми, то есть специально подготовленными для танца предметами или поделками.

Под руководством Г.Зейтца участники вечера в течение полутора часов носились, как угорелые, и не только в главном зале, но и по всем помещениям Дворянского собрания. Усталые, с мокрыми от пота волосами, запутанные в ленты «серпантина» и обсыпанные «конфетти», юноши и барышни, забыв обо всём на свете, танцевали и танцевали, пока и у них самих, и у оркестра, и у дирижёра не иссякли силы.

В половине второго ночи бал закончился, и начался разъезд. Шумящая благодарная молодёжь на руках донесла дирижёра Зейтца до дома, а потом реалисты проводили до дома своих барышень.

Так закончился вечер – к полному удовлетворению всех его участников. В этот раз он дал организаторам 800 рублей чистой прибыли, что позволило внести полугодовую плату за обучение 40 неимущих реалистов.

*P.S. Думаю, что Пётр Кречетов, критически относившийся к балам и маскарадам орловчан, по этому поводу сказал бы, наверняка, несколько добрых слов.*

*А вот на современных российских новогодних и рождественских корпоративах зарабатывают только «звёзды», причём, такие суммы, на которые вполне можно было бы содержать целый год учебное заведение такого рода, каким было замечательное Александровское реальное училище.*

## **Новогодние приключения мещанина Дрыкина в Орле**

*История, которую я хочу, читатель, тебе поведать, случилась в славном губернском городе Орле в промежуток между Рождеством и Новым Годом сто с лишним лет тому назад. Именно в этот период рождественских каникул и отпусков орловчане активно отдыхали. Кроме прочих, одним из любимых массовых развлекательных мероприятий 1912 года, оказались костюмированные балы – маскарады с ценными призами за лучшие и оригинальные костюмы.*

### ***Принцы и богатыри, Красные Шапочки и феи***

Все активнее в те годы стали пропагандироваться специальные чисто детские рождественские маскарады. Мальчики наряжались морскими разбойниками, сказочными принцами или русскими богатырями. Девочки были преимущественно принцессами, Красными Шапочками (уже тогда!), феями. Популярны были "народные" мотивы: по бальной зале порхали маленькие цыганочки и индийские или

восточные красавицы. Приложение к журналу "Нива" ("Парижские моды") предлагало для юных леди костюмы "в стиле Louis XV", наряды Коломбины, Шахматной Королевы и даже такого удивительного персонажа, как Пьерина (или Пьеретта) - этакого женского варианта Пьеро, а для мальчиков просторный, но изящный костюм маленького клоуна, состоящий из блузы и широких панталон палевого атласа. Не менее живописными были и балы-маскарады с участием контингента постарше.

Один за другим такие карнавальные мероприятия прошли в клубе приказчиков, в Орловском дворянском и Орловском купеческом собраниях, в Бахтина кадетском корпусе и Александровском реальном училище.

С размахом провело, к примеру, костюмированный бал 28 декабря Орловское купеческое собрание. Вход сюда составлял: для мужчин - 1 рубль, для дам - 60 копеек, но от желающих не было отбоя, поскольку за лучшие костюмы обещали вручить сразу 12 ценных призов. Последнюю неделю декабря орловчане развлекались по полной программе - и не забывали читать газеты, журналисты которых выискивали самое интересное в жизни праздного города. Вот такое сообщение появилось в «Орловском вестнике» в те рождественские дни:

### *«Приключение в духе Декамерона»*

*Третьего дня полицией 1-ой части была задержана скромная на вид монашенка по подозрению в том, что «случайно» захватила чьи-то 10 рублей. Монашенка была доставлена в участок, где жене городского было предложено обыскать её. Каково же было изумление и ужас жены стража, проводившей обыск, когда тут-то обнаружилось, что перед нею стоит не монашенка, а переодетый в женское монашеское платье ...мужчина. По дальнейшем исследовании, задержанная «монашенка» оказалась тульским мещанином Иваном Александровым Дрыкиным. Некоторое время Дрыкин, скрытый под тем же скромным одеянием, под видом спасающейся россиянки, жил в местном женском монастыре. Да, оказывается, туляки выдумали не один только самовар, а пошли в отношении проявления своей изобретательности и дальше».*

А теперь о подробностях, оставшихся за рамками этого сообщения и выяснившихся в полицейской части только некоторое время спустя. Прежде всего, стоит сказать, что в ходе тщательного обыска, сделанного уже после разоблачения Ивана Дрыкина, участковый надзиратель обнаружил в его монашеском одеянии и исподнем белье (перечисляю) не 10, а 120 рублей (трёх-, пяти- и десятирублёвыми ассигнациями), а также золотые мужские и золотые женские часы, серьги, булавку,

запонки и массивный портсигар (все эти вещи тоже оказались золотыми) и большую медную кружку для сбора подаяний. Кстати, нательный крест на задержанном был не скромным деревянным, как положено простым монахам и монашенкам, а тоже золотым.



Свято-Введенский женский монастырь Орла

Ни первый, ни второй допросы Ивана Дрыкина ни к чему не привели: он упрямо твердил, что это его собственные вещи, доставшиеся по наследству от орловской бабки-купчихи, к которой он и приехал в Орёл.

*«Украл, господа!»*

На вопрос о монашеском одеянии тульский «умелец» заявил, что это подарок той самой бабушки, родная сестра которой была монахиней Орловского женского монастыря.

Тем временем, пока продолжалось двухдневное разбирательство с Дрыкиным, в полицейскую часть один за другим явились и оставили заявления: представители Орловских гильдий приказчиков и купцов, секретарь Орловского Дворянского собрания, офицер-воспитатель Бахтина кадетского корпуса и надзиратель Александровского реального училища.

Когда становой пристав 1-ой части прочёл все эти бумаги и переговорил с заявителями, то у него буквально «глаза полезли на лоб». Оказалось, что во всех перечисленных местах и учебных заведениях, в которых проходили костюмированные балы-маскарады, в течение вечера обязательно появлялась скромно одетая монашка, просившая подавание на нужды женского монастыря.

Разгорячённая танцами и представлениями публика не отказывала в богоугодном деле, и везде «скромница» набирала полную кружку мелочи, а то и ассигнацию кто-нибудь ей бросал. Потом на монашку переставали обращать внимание, продолжая веселиться, а к концу бала, когда народ забирал одежду из гардероба, стали раздаваться то там, то здесь удивлённые и возмущённые крики: «Украли, господа!»

А в Орловском купеческом собрании, где только-то собирались начать процедуру награждения за лучшие маскарадные костюмы, выяснилось, что пропала большая часть приобретённых для победителей ценных призов. Здесь тоже, как и в предыдущих случаях, неподалёку от места происшествия была замечена скромница-монашка.

Иван Дрыкин в роли молитвенницы настолько уверенно себя чувствовал, что на балу в Александровском реальном училище (пятом по счёту в его маршруте те дни) рискнул поучаствовать даже в конкурсе костюмов и получил от организаторов в подарок серебряный подстаканник.

### *Как монашка надзирателем стала*

Становой пристав Подгорецкий устроил заявителям и мещанину Дрыкину очную ставку. Для этого он заставил туляка снова надеть так любимое им монашеское одеяние. Все пятеро представителей пострадавших уверенно сказали, что у них на балу была именно эта скромница-просительница, а когда им представили настоящий облик мошенника, то удивлению приказчика, купца, дворянина, офицера и надзирателя не было предела.

Вещи, найденные у Дрыкина в ходе обыска, пристав показал заявителям, и большинство предметов было ими опознано.

«Ну что, Дрыкин, отправляю тебя завтра на отсидку, пусть там с тобой уже другие разбираются, – сказал усталый, но довольный Подгорецкий, проводив последнего заявителя, – ты, кажется, проходимец ещё тот!»

Был поздний вечер 31 декабря, когда становой пристав с чувством выполненного долга отправился домой, где, наконец-то, можно было позволить себе выпить бутылочку пива (крепких напитков Подгорецкий принципиально не признавал).

Семейное новогоднее застолье Подгорецким удалось в полной мере: посидели, поговорили, поздравили себя, ребяташек и хороших соседей и, умиротворённые, отправились на боковую.

Но около трёх часов пополуночи в дверь дома станowego пристава позвонили (*новомодный звонок Павел Петрович установил совсем недавно – А.П.*). Прибежал со съезжей (*это камера для арестованных при полицейской части – А.П.*) дежуривший в ту ночь городской Кошеверов. Обходя свою территорию, заметил он, что дверь полицейской части открыта. Заглянул, а там...

Что там – увидел через полчаса и Подгорецкий. Дежуривший ночью надзиратель, охранявший Ивана Дрыкина, был найден запертым в камере на его месте, со связанными руками и ногами, с кляпом во рту и только в нательном белье. Как всё произошло – надзиратель Суханов рассказал в подробностях. Оказалось, что Дрыкин, несмотря на тщательный обыск, умудрился где-то на теле спрятать несколько ассигнаций и уговорил надзирателя отметить Новый год (дал и сверх того, что стоит бутылка). А когда Суханов вернулся из трактира и подошёл к решётке, протягивая руку с вином, то сразу же отключился от сильного удара. Очнулся только через час, уже в камере, без одежды, оружия и ключей, доставшихся Дрыкину в качестве трофея вместо отобранных у него ранее вещей и денег.

Куда направился теперь уже не монашенка, а *лженадзиратель Дрыкин*, орловским полицейским выяснить не удалось. Информация о сбежавшем арестанте ушла в соседние губернские полицейские управления, но следы артиста-туляка так и затерялись на необозримых российских просторах.

Станowego пристава Подгорецкого после этих событий на некоторое время понизили в должности, и с тех пор он всегда встречал каждый последующий Новый Год только на рабочем месте – в полицейской части, строго следя за своими подчинёнными.

## **Новогодний «подарок» от купца Серебренникова**

*Сколько времени существует обычай отмечать Новый год – наверное, столько же существуют и связанные с этим замечательным праздником истории. Большинство из них, конечно же, художественные, то есть плод фантазии конкретного автора. Но иногда реальные события оказываются намного красочнее придуманных. Познакомься, читатель, с историей, случившейся под Новый год в нашем славном городе Орле 103 года тому назад.*

29 декабря 1913 года держателю орловского ресторана «Берлин» Ивану Мезенцову по телефону №102 позвонил, как думалось вначале ресторатору, вполне обычный клиент, представившийся купцом Серебренниковым. Свои имя-отчество клиент не назвал, а Иван Фёдорович переспросить не решился – больно уж резвый тон был у купчишки.

Ресторан «Берлин», размещавшийся в доме Скоропадских по улице Московской, за 30 лет своего существования приобрёл репутацию заведения, способного угодить самому взыскательному вкусу, и одним из правил ресторана было как раз умение не задавать посетителям лишних вопросов.



Ресторан «Берлин» находился в этом же здании

Поэтому Иван Фёдорович Мезенцов просто внимательно выслушал Серебренникова и даже успел записать, что клиент посетит ресторан 31 декабря, в 9 часов вечера, будет он с дамой и просит провести их через отдельный вход в отдельный кабинет с пианино. Клиент заказал крем шатлен, гренки, стерлядь дортуа Жюльен, жего шевроль пуавред, соус Муслин, дюшес Маркиз (прошу прощения у читателя, сам я этих блюд не знаю, просто перечисляю заказ, как он был назван в меню – А.П.). Из напитков Серебренников попросил выставить бутылку французского шампанского и бутылку 10-летнего Шустовского коньяка. Кроме того, купец уточнил, точно ли будет в номере букет из живых цветов,

заявленный в рекламе ресторана? Услышав утвердительный ответ, Серебренников разговор закончил.

31 декабря, без четверти девять вечера, купца, одетого по последней моде, и его даму, с лицом, закрытым вуалью, в их кабинет проводил половой (*официант* – А.П.) Бобров. Что потом происходило в отдельном кабинете почти в течение двух часов – ни содержатель ресторана «Берлин» Мезенцов, ни его подчинённые, не знали, тем более, что дополнительных заказов от купца не поступало.

Однако в четверть двенадцатого ночи отдельный кабинет спешно, едва успев накинуть на лицо вуаль, покинула дама, севшая в экипаж, уже ожидавший её у входа на углу Московской и Молочного базара.

А спустя 15 минут в общий зал ресторана «Берлин» вышел и купец Серебренников, основательно потерявший свой лоск и успевший стать краснолицым. В зале играл струнный оркестр из девяти солистов под управлением известного дирижёра г.Покой. Только-только оркестр начал проигрывать очередной романс, и один из солистов уже вспомнил про «Очи чёрные», как Серебренников, перебив певца, предложил свою версию исполнения, закончил которую зажигательным плясом вприсядку, подметая пол ресторана полой пижонского фрака. Жаль, конечно, что эффектное окончание было смазано тем, что исполнитель, потеряв равновесие, сел на свою широкую «пятую точку».

Подскочившие половые аккуратно приподняли купца за локти и попытались проводить его в заказанный кабинет, но Серебренников легко отбросил дюжих малых, сказав, что провожатых ему не надобно. По пути в кабинет купец приказал принести ему ещё бутылку коньяку от Шустова. Заказ выполнил половой Селихов, который заметил полный беспорядок на месте отдыха Серебренникова. Но обратиться половому купец не дал, отправив его громко и в соответствующем направлении.

Когда в 12 часов полуночи захлопали в общем зале пробки от шампанского, Серебренников снова вышел на общее обозрение, ещё более красный, но, как ни странно, твёрдо стоявший на ногах. Держа в руках моднейший котелок, купец, не говоря ни слова, сразу же направился к выходу из ресторана. Половой Селихов, «контролировавший» отдохнувшего гуляку, остановить его не решился, но хозяину о не расплатившемся клиенте сообщил. В помощь Селихову содержатель ресторана отправил ещё одного полового, Боброва, и буфетчика Голенева.

Втроём им удалось догнать, остановить возмущённого купца и повести его под «белы ручки» обратно. Но когда работники ресторана доставили сопротивлявшегося Серебренникова до дверей общего зала, он вдруг дико и громко заорал: «Караул! Грабят!»

Растерявшиеся половые и буфетчик отпустили Серебренникова. А он потребовал провести его к телефону и тут же позвонил в полицию.

Явившемуся через полчаса в ресторан помощнику станового пристава Серебренников подал уже написанное им заявление, в котором обвинил хозяина ресторана и его работников в том, что они, когда купец находился в общем зале, похитили из его номера портмоне с 400 рублями, а потом, таща его обратно в ресторан, ещё и избили.

Оторопевшие от обвинений содержатель Мезенцов, половые Бобров, Селихов и буфетчик Голенев не нашлись даже, что и сказать на такую наглую ложь. А купец гордо надел на лысеющую напомаженную голову котелок и покинул «Берлин», так и не заплатив 50 рублей за гастрономические удовольствия.

Разбирал «Дело о краже и избиении» Орловский съезд мировых судей. Владельцу ресторана Мезенцову, при подготовке к судебному заседанию, удалось собрать много любопытной информации о купце В.Н.Серебренникове. Оказалось, что это не первая его выходка (или находка) по уходу из заведений, не расплатившись. Правда, чаще он ограничивался одним коньяком в буфете ресторана или гостиницы. В общем, ещё одного такого любителя «халявы», да к тому же, до предела самовлюблённого и гонористого, трудно было найти в разномастном орловском купеческом сообществе.

А о шутке, которую однажды, подвыпив, совершил Серебренников, говорили в своё время в губернском центре целую неделю. Это было во времена его молодости. Гулял однажды купец в ресторане «Вена». Широко гулял, с цыганами. Но рассчитался точно по меню – и даже на чай половому полтинник дал. А потом заказал к подъезду сразу два извозчика, да не простых, а самых лучших. Оба прибыли и ждут. Выходит Серебренников из ресторана, вальяжно подходит к первому экипажу и кладёт на сиденье свой цилиндр (тогда ещё он в таком головном уборе ходил). А сам развалился на сиденье второго экипажа, назвал извозчикам адрес и рукой взмахнул обоим: «Гони!». И помчали те – двумя каретами, в одной – шляпа, в другой – сам купец.

Так к подъезду собственного дома и подкатил Серебренников – к удивлению своих родственников и соседей, увидевших, что он из второго экипажа не торопясь выходит, а извозчик первого цилиндр форсистому купцу с почтением и поклоном подаёт.

В общем, Мезенцов понял, что с наскоку такого «ферта» не возьмёшь, и потому в качестве свидетелей собственной невиновности полтора десятка человек в суд попросил вызвать. И когда судебное заседание состоялось, на каждое слово Серебренникова нашлось два

свидетельских показания «против». Только купец скажет: «А...», как в ответ ему - сразу же «Б» следует.

В результате съезд мировых судей полностью оправдал содержателя ресторана «Берлин» И.Мезенцова и трёх его работников, посоветовав уже им самим подать в суд на купца – за клевету.

Но ресторатор отказался от такой идеи: с момента скандала в «Берлин» посетители потоком потекли, а в отдельный кабинет, «прославленный» Серебренниковым, даже очередь пришлось установить. И потерянные от скандалиста деньги Мезенцов с лихвой компенсировал. Однако самого Серебренникова с Нового, 1913 года, больше в «Берлине» не принимали.

### **«Нужна большая партия сена...» (реклама в Орле 100 лет тому назад)**

*На окраине американского кладбища в небольшом городке в штате Калифорния в начале XX века любой посетитель этого скорбного места мог увидеть большой мраморный камень с надписью: «Джон Смит. Застрелился 13 декабря 1913 года. Самоубийство совершил с помощью пистолета «кольт».*

*А ниже на мраморе размещалось художественно выполненное изображение этого огнестрельного оружия, даны все его характеристики, написан адрес магазина оружия и как до него добраться.*

*В Орловской губернии в те же годы рекламное искусство таких высот ещё не достигло, поскольку объявления сочиняли сами продавцы или владельцы товара. Но и они в новом для себя ремесле добивались иногда приличных результатов.*

*Поскольку единственным СМИ в Орловской губернии в начале XX века были газеты, именно в них и сосредотачивалась основная масса рекламы. В самой популярной и тиражной газете края, в «Орловском вестнике», из четырёх её полос, рекламе полностью были отданы половина первой и вся четвёртая страница.*

### **«Плата по таксе»**

Судя по объявлениям, в 1912 году первой и самой насущной потребностью орловчан была забота о собственном здоровье. Имена и адреса орловских частнопрактикующих врачей, предлагавших горожанам свои услуги, печатались только на первой полосе «Орловского вестника». Почти три десятка докторов, специалистов по болезням лёгких, сердца, брюшной полости, по внутренним, кожным (с особенным упором на лечении сифилиса), нервным, глазным, ухо-

горло-носовым, зубным и женским заболеваниями предлагали орловчанам избавиться их от недугов с раннего утра до позднего вечера.

Большинство врачей были, конечно же, мужчинами. Но имелись и женщины в этом большом сообществе. Зубной врач Екатерина Яковлевна Драудзинь, к примеру, приглашала больных в дом Бажинова на углу Московской и Покровской улиц с 9 утра до часу дня, а потом с 3 часов дня до 7 вечера, обещая при лечении скидку для учащихся.

**Магазинъ А. Н. Дугина.**  
Орель, Болховская улица, соб. д.

ПОЛУЧЕНЫ  
ПИСТОЛЕТЫ  
„браунингъ“  
большие  
и малые,  
РУЖЬЯ:  
„ЗАУЕРЪ“, „ПИПЕРЪ“ и „БЕРДАНЪ“  
Императорскаго завода; порохъ, дробь;  
мѣдные тазы для варки варенья, повар-  
сныя плиты Сушевскаго завода, керо-  
синовые самовары Patent, спиртовныя и  
керосиновыя кухни, флаги „Термосъ“,  
ацетиленовыя карбитныя фонари для ав-  
томобилей и велосипедовъ, звонки и гуд-  
ки для велосипедовъ, автомобильныя  
очки для ѣзды 85 коп., американскія газоно-косилки 10 р., револь-  
веры „Пугачъ“ 75 коп., карманныя зажигательницы для папиросъ  
отъ 30 коп., кестедробители птицеводовъ, гнѣзда, подклады, кормуш-  
ки, поилки для куръ. Аппаратъ для опредѣленія зародыша яицъ  
30 коп., „Душъ-Калья“ и газы для обливанія брезентовыя и оцин-  
кованныя, садовые подовѣчки и керосино-газовые фонари, сепара-  
торы, молокоотбры и маслобойки.

Большой выборъ металлическихъ вѣнковъ и лентъ въ нихъ.  
Цѣны безъ запроса. Съ почтеніемъ А. ДУГИНЪ



Зубная лечебница (кстати, замечательное слово, намного лучше, нежели больница – А.П.) Перельмана и Даревского предлагала искусственные зубы по цене от рубля за штуку, пломбирование – за 75 копеек и даже, – просто совет (подешёвке, за 25 копеек).

Владелец аналогичной зубной лечебницы М.Д. Каплан, кроме искусственных зубов, рекламировал золотые коронки-обтураторы (искусственное нѣбо), пломбирование и извлечение (какая тонкость,

а? – не выдёргивание, не удаление, а именно так – А.П.) зубов без малейшей боли по новым способам. И цены эта лечебница установила божеские – «по таксе».

Сразу несколько докторов-акушеров сообщали о своей готовности немедленно прийти на помощь женщинам и роженицам. Причём, почти все обещали сугубую секретность при организации приёма и обследования.

Вот одно такое объявление: «Убежище для беременных и рожениц Красновской, для секрета – отдельная комната, акушерский массаж и оспопрививание. Покровская улица, дом Сабурова, рядом с церковью Покрова» (очень важное уточнение – Бог рядом – А.П.).

И ещё одно: «Родильный приют Н.А.Сентяниной. комната для беременных – секретная, совершенно изолированная».

Какие хорошие русские слова, давно забытые нами, есть в этих объявлениях – *лечебница, родильный приют, убежище для беременных, всё как-то теплее, душевнее.*

### *О пистолетах, ружьях, медных тазах и прочем...*

Судя по рекламе «Орловского вестника», в Орле и губернии в 1912 году было, всё, что имелось и в крупных российских городах, даже самые новые и модные тогда товары: патефоны, граммофоны и пластинки к ним, велосипеды, линолеум, сельскохозяйственные машины. Правда, всё это рекламировалось с небольшой орловской «изюминкой». Орловский представитель фирм-производителей американских сельхозмашин, сообщая, у кого и где в Орле эти машины продаются, сделал небольшое добавление: «Сельскохозяйственное бюро при Орловской губернской управе, а также А.И.Мещерин нашими представителями не являются и машин от нас не получают».

А разве можно было пройти равнодушно мимо такой рекламы: «Магазин А.Н. Дугина, улица Болховская, собственный дом. Получены пистолеты «Браунинг», большие и малые, ружья «Зауер», «Пипер», Берданки Императорского завода, порох, дробь, медные тазы для варки варенья, поварские плиты Сущёвского завода, керосиновые самовары «Patent», фляги «Термос», автомобильные очки за 85 копеек, револьверы «Пугач» за 75 копеек... С почтением А. Дугин».

Орловский купец Н.Ф. Веников в двух номерах «Орловского вестника» дал два объявления. В первом он сообщил, что его «похоронное бюро, находящееся в Орле против церкви Покрова, имеет в большом количестве памятники лабрадоровые, мраморные, гранитные и прочие. А также венки, золотую и серебряную парчу. Гробы металлические, дубовые и обитые». Другое объявление гласило, что в доме Серебренникова, при церкви Покрова, у Веникова большой выбор мебели и зеркал. В общем – «и для мёртвых, и для живых» - приятное разнообразие.

100-704 3

**Г. А. ГИЛЕВИЧЪ**  
ОРЕЛЬ, Болховская, домъ Морозова.

Единственное представительство велосипедовъ  
ВСЕМИРНО-ИЗВѢСТНЫХЪ ФАБРИКЪ  
ЭНФИЛЬДЪ, ГУМБЕРЪ, ДУКСЪ, БЛОКЪ,  
Английск. В. С. А., Спеціаль и др.

Собственная сборка велосипедовъ, за что награжденъ серебрян. и медалью.  
Въ большомъ количествѣ чиста и принадлежи. къ велосипедамъ  
ЦѢНЫ ВЪВЪ КОНКУРЕНЦИИ. ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА ПЛАТЕЖА

ИЗВѢЩЕНИЕ ОТЪ ИЗОБРЕТАТЕЛЕЙ  
**МЫЛА ОЛЕО-ВАЗЕЛИНЪ РОЯЛЬ КОНГО**  
**Э. БОДЛО и К<sup>о</sup>.**  
ФАБРИКА МОСКВА, 3-я Мѣщанская, № 49.

РОЯЛЬ SAVON БОДЛО  
ОЛЕУ VASELINE  
Э. БОДЛО и К<sup>о</sup> МОСКВА • EBAUDELOT & C<sup>o</sup>

Въ виду многочисленныхъ подражаній нами изобрѣтеннаго Мыла олео-вазелинъ Рояль-Конго, мы, въ предупрежденіе всѣмъ на будущее время поддѣлокъ, выпустили наше мыло съ новымъ вышнемушпозномъ этикетомъ, съ нашей фабричной маркой, утвержденной правительствомъ, подъ названіемъ ш. 41-365-20  
мыло Олео-Вазелинъ Рояль-Бодло. Продается всадѣ.

Сохранили аромат времени сообщения вот такого вида: «Очки и пенснэ по рецептам господ врачей в оправках из стали, никкеля, черепахи, золота. Изготавливаются скоро! Дороже всех плачу за бриллианты, жемчуг, золото, серебро. Ювелирный магазин А.Г.Корчмарского, Болховская улица, против книжного магазина Шемаева».



В современных объявлениях часто можно прочесть: «Срочно продаётся...». В 1912 году предпочитали такую формулировку: «По случаю продаётся совершенно новое пианино».

В поисках нужного товара сейчас мы пишем: «Требуется, ищущий...». «Орловский вестник» 1912 года опубликовал просьбу одного нуждающегося: «Нужна большая партия сена...».

Я до последнего времени был убеждён, что специалисты, предлагающие

легковерным быстро разбогатеть, – это изобретение современных жуликов. Оказывается, – нет. Такое вот объявление с удивлением узрел я среди прочих в сентябрьском номере самой популярной орловской газеты начала XX века: «10-50 рублей прибыли! Ищу для распространения легко продаваемого предмета энергичных красноречивых людей на постоянное место. Письменно предлагаемый адрес: Ревель, 31, почтовый ящик 52». И как этот объявитель до Орла добрался – уму непостижимо!

Работе в те годы было посвящено сравнительно небольшое место («Ищу место приказчика, управляющего, готовлю к переэкзаменовке» и т.д.). Немного и объявлений о продаже, сдаче в аренду недвижимости («Отдаются барские квартиры, роскошно отделанные 5-6 комнатные, передняя, людская, кухня, ванная комната, два хода – парадный и чёрный, два клозета... Гостинная улица, дом господ Скоропадских»).

### *О шашлыке из молодого барашка и стерляди дортуа Жюльен*

Ну и конечно, нельзя обойти тему общественного питания (используя современную формулировку) в орловской рекламе тех лет. Два объявления я процитирую – они очень аппетитны.

От 18 июля 1912 года: «Вновь открытый в Орле Кавказский погреб русских виноградных вин А.Б.Петровой (Болховская улица, дом Леваковых, под Купеческим клубом) имеет всегда самые лучшие вина как для продажи на вынос, так и для распивки на месте.

Есть общий зал и семейные кабинеты. В погребе подаются холодные и горячие туземные закуски и настоящий кавказский шашлык из молодого барашка».

От 6 сентября 1912 года: «Первоклассный ресторан «Берлин» извещает глубокоуважаемых посетителей ресторана, что с сегодняшнего дня, ежедневно в течение зимнего сезона, во время обедов от 2 часов до 6 часов вечера и ужина от 10 часов вечера до 2 часов ночи, будет играть новый концертный струнный оркестр под управлением известного солиста-скрипача, исполнителя цыганских романсов, Г.Покой. Оркестр состоит из 9 исключительных солистов.

Меню обедов на сегодня:

1. Крем Шатлен или Консоме-Моктюр, Гренки, пате-гриб, риколи
2. Стерлядь дортуа Жюльен
3. Жего Шевроль пуаврад, Кнодоль
4. Шуфлер, соус Муслин
5. Дюшес Маркиз (названия не проверял, мог и ошибиться – А.П.)

Сегодня во время ужина дамам будут предложены букеты из живых цветов. Ресторан заново отремонтирован и будет превращён из тропических заграничных растений в зимний сад.

При ресторане имеются отдельные залы и кабинеты. Вход в кабинеты отдельный. В каждом кабинете имеется пианино... Ресторан помещается в доме Скоропадских. Содержатель И.Ф.Мезенцев».

На этой слюноотделительной ноте я и заканчиваю рассказ об орловской рекламе столетней давности.

С совершеннейшим почтением к читателю Александр Польшин

## «Последний кирасир» (предисловие к воспоминаниям Юрия Мейера)

Уважаемый читатель, автором воспоминаний, с отрывками из которых ты сейчас познакомишься, является Юрий Константинович Мейер, - личность, долгое время не упоминавшаяся в орловской краеведческой литературе. Скорее всего, это произошло в силу того, что в годы гражданской войны он с оружием в руках сражался против большевиков в составе Добровольческой армии генерала Деникина, а потом, эмигрировав за границу, всю жизнь боролся с Советской властью силой печатного слова. Однако, прежде чем я несколько подробнее расскажу о долгой и не совсем обычной для нас, орловчан, жизни Мейера, хотел бы, для начала, остановиться на истории его семейства.

Предок Юрия Константиновича, Мартин Мейер, переселившийся в Россию из Германии во времена Екатерины Великой и дослужившийся



Юрий Константинович Мейер

до чина майора, получил от императрицы в конце XIX века во владение село Спасское-Кубань (Малоархангельского уезда Орловской губернии), где семья Мейеров с того времени осела на постоянное жительство.

Сын Мартина, Николай, тоже выбрал военную карьеру и, начав службу юнкером в мае 1818 года, ушёл в отставку полковником в апреле 1848 года. За 30 лет воинского служения Николай Мартинович Мейер стал кавалером четырёх российских орденов (Святой Анны 4-ой, 3-ей и дважды - 2-ой степени). У Николая Мартиновича и его жены Софии Петровны было двое сыновей, старший из которых, Александр, родившийся 27 сентября 1834 года,

в 15-летнем возрасте был зачислен в кондукторскую роту Николаевского инженерного училища. По окончании его в 1854 году в чине военного инженер-прапорщика начал службу в армии, но, в отличие от отца, военная карьера А.Н.Мейера длилась недолго: он вышел в отставку 30

мая 1860 года в чине поручика и почти 50 лет прожил потом в своём имении.

За это время Александр Николаевич Мейер (родной дед автора воспоминаний – А.П.), добился больших успехов – как в собственном хозяйстве, так и на гражданской службе. Имение его, первое время достаточно скромное по размерам (в 1862 году земли в нём имелось 366 десятин), постепенно прирастало земельными участками и успешно развивалось. Сам же А.Н.Мейер быстро завоевал авторитет у малоархангельского дворянства, которое стало выдвигать его на различные выборные должности, а с 1888 года и до первой русской революции Александр Николаевич являлся уездным предводителем дворянства, что говорило о его незаурядных личных и организаторских качествах.

Что касается семьи главного дворянина Малоархангельского уезда, то и здесь всё было в порядке: он хоть и женился, когда ему было уже за 30, но зато на верной, любящей его женщине, которая родила Александру Николаевичу трёх сыновей и трёх дочерей. Старшим из детей (1870 года рождения) был Константин Мейер, отец будущего автора воспоминаний. Константин Александрович получил, как бы сейчас сказали, среднее образование в Орловской мужской гимназии, а потом большую часть своей жизни жил за пределами Орловской губернии, поскольку занимал довольно высокую должность в Удельном ведомстве. Перед Первой мировой войной и революциями он стал управляющим Мургабским имением императора Николая II – одним из самых больших и экономически процветавших хозяйств императорской семьи (оно находилось в Туркестане).

Константин Александрович Мейер в 1896 году женился на Анне Фёдоровне Гончаровой, происходившей из дворян Бессарабской губернии (её отец был генерал-лейтенантом и командовал бригадой – о нём в этой книге – отдельный очерк – А.П.). У молодой пары в сентябре 1897 года родился первенец, которого крестили как Георгия, а уж когда и как он превратился в Юрия, я не знаю, – но это произошло. Проживали молодые тогда сначала в городе Вольске Вологодской губернии, а потом в Саратове, в котором Юрий Мейер с серебряной медалью закончил Первую Самарскую мужскую гимназию.

На всех летних каникулах Константин Александрович Мейер обязательно привозил семью в родное имение на Орловщину, в милую его сердцу Кубань (Спасское). Эти поездки и пребывание в гостях у деда, уездного предводителя дворянства (пока он был жив), а потом у тёток и дядей запомнились мальчику Юре на всю жизнь – так, что он в своих мемуарах описал (спустя 80 лет!) Кубанское имение на нескольких

страницах с мельчайшими и очень яркими подробностями (эти отрывки достойны отдельной публикации – А.П.).

Осенью 1915 года Юрий Мейер по конкурсному экзамену был принят в Императорский Александровский лицей в Петербурге, а осенью 1916-ого, отвечая на призыв студентов в войска, поступил вольноопределяющимся в лейб-гвардии Семёновский полк.

С 1 февраля по 1 сентября 1917 года Юрий Константинович провёл на ускоренных офицерских курсах при Пажеском Корпусе и был произведён Керенским в чин прапорщика общевойсковой кавалерии. Как раз после этого начинается период, описанный им в приведённом выше отрывке из его мемуаров, когда новоиспечённый прапорщик в конце 1917-начале 1918 года находился в Орле, городе его родителей, не чужом и ему самому. Именно поэтому так зрительно ярки и окрашены эмоционально эти страницы, но, кроме всего прочего, они насыщены конкретными историческими деталями, которых не встретишь больше нигде.

После отъезда из Орла Юрий Мейер с родителями сумел добраться до Киева, в котором осенью 1919 году вступил в Добровольческую армию. Служил командиром кавалерийского взвода 3-го эскадрона Лейб-гвардии Кирасирского Его Величества полка. Воевать ему пришлось недолго, до серьёзного ранения, после чего вместе с госпиталем он был перевезён в Турцию. После выздоровления переехал в Югославию, где поступил в немецкую торговую фирму. Позже стал хозяином собственного дела и небольшого банка.

С началом II Мировой войны Мейер присоединился к Русской Освободительной Армии генерала Власова и работал в Главном Гражданском Управлении Комитета Освобождения народов России. После разгрома фашизма обвинений в военных преступлениях союзники ему не предъявили. Наоборот, американцы предложили Юрию Мейеру должность преподавателя русского и немецкого языков в Школе военной разведки американской армии. Юрий Константинович проработал в ней (сначала в Мюнхене, а потом в Оберамергау) 8 лет, после чего переехал в США и поселился в Вашингтоне.

Здесь, в пригороде столицы, Анакосте, он в течение 15 лет преподавал в Школе разведки американского ВМФ и, в отличие от большинства русских, принимал деятельное участие в американской политике: состоял в республиканской партии и являлся членом Президентского Республиканского клуба. В 1973 году Мейер стал одним из основателей Конгресса Русских Американцев, несколько сроков затем входя в состав Главного Правления этой организации.



Здесь стояла Спасская церковь села Кубань, в которой крестились, венчались и уходили в последний путь многие представители семейства Мейеров

Будучи глубоко верующим православным христианином, стал секретарём, а затем и Председателем финансового комитета первого прихода Русской Зарубежной церкви в Вашингтоне. В 50-ые годы XX века сумел собрать 250 тысяч долларов на постройку здесь первого православного храма. По мере сил и возможности помогал русским детям и старикам, возглавляя Русское Детское Общество и Русско-Американское Общество Помощи.

Юрий Константинович принимал деятельное участие и в эмигрантской журналистике, сотрудничая с русскоязычными газетами Парижа, Сан-Франциско, Парижа, Буэнос-Айреса, Нью-Йорка. Мемуары свои он написал уже в самом конце жизни, в 90-летнем возрасте.

Умер Ю.К.Мейер 12 декабря 1993 года, на 97-ом году жизни, похоронили его на одном из кладбищ Вашингтона. Он был последним офицером Лейб-гвардии Кирасирского Его Величества полка, именно по этой причине мемуары его и получили такое название – «Последний кирасир».

Рукопись мемуаров была передана дочерью Мейера в фонд Общества истории Гражданской войны в России (Москва), где сейчас и хранится, а большой отрывок из неё был опубликован в томе VI альманаха «Русский Архив». А теперь – обещанные отрывки.



Пруд - единственное, что сохранилось от усадьбы Мейеров в селе Кубань

## Из «Воспоминаний Юрия Мейера»

### *Орёл в 1917-1918 годах*

... В ноябре (1917 года – А.П.) я уехал в Орел, получив в Главном Штабе с помощью полковника А. Н. Фролова приказ о причислении меня к запасному Конно-артиллерийскому дивизиону. Здесь я застал полный развал. Большинство офицеров разъехалось по домам, часть, как капитаны Бауман и Старосельский, пробиралась на юг, откуда приходили вести о создании вооруженных сил для борьбы с большевиками. Как ни странно, к Рождеству я оказался единственным офицером в дивизионе.

Под моей командой осталось 2–3 писаря в канцелярии и взвод вестовых, на ответственности которых был уход за лошадьми, которых

было свыше 400, но они все были больны чесоткой. Ветеринар считал, что ее можно вылечить, втирая в пораженные места чистый спирт.

Я отправился в Городской исполком и был там принят председателем Михаилом Ивановичем Буровым, бывшим рабочим железнодорожных мастерских. Я просил его выдать ордер на получение нескольких ведер чистого спирта с рективизировочного завода. Буров сразу же перешел к делу: «Дам, но половину мне». Мы так и сделали. Я сам съездил в розвальнях на завод, погрузил четверти со спиртом и привез половину на дом Бурову. Остальная часть досталась вестовым и, конечно, больше способствовала их бодрому настроению, чем лечению лошадей.

В конце концов, в феврале месяце я разослал по соседним волостям объявление, приглашавшее крестьян разобрать этих лошадей. Так я ликвидировал конский состав. Тем временем и все солдаты разошлись, и дивизион оказался тоже ликвидированным.

... В апреле 1918 года я вернулся в Орел. Я уже упоминал, что Орел был полной противоположностью Самары. Это был город, который как бы замерз за сто лет до нашего времени. Промышленности в нем не было, в мое время никто не строил новых домов, кроме разве гостиницы «Берлин» — потом переименованной в «Белград» и принадлежавшей гетману Павлу Скоропадскому.

В Орле, правда, еще до войны был электрический трамвай, построенный Бельгийским обществом, с потешными, почти квадратными вагончиками. Прицепные были открытые, с рядами поперечных скамеечек, под брезентовой крышей.

Правда, помимо мужской и женской государственных гимназий, в которых в свое время учились мои отец и мать, был еще Институт благородных девиц и славный Бахтина Кадетский корпус.

Верхняя часть города состояла из тихих улиц и переулков, вдоль которых в садах и палисадниках скрывались скромные, большей частью одноэтажные дома орловских помещиков. Я уже говорил, что Орловская губерния была дворянской, и многие помещики на зиму переезжали в городские дома, кроме того, все время увеличивался тот процент бывших землевладельцев, которые, продав последнюю землю, окончательно обосновывались в городе, находя службу в акцизном управлении, в казенной палате и быстро развивавшемся земстве.

Бунин убедительно описал эту жизнь в своем произведении «Жизнь Арсеньева». Когда произошла полная смена властей во всей России после февральской революции, бывшие сановники сбежали в родной город.

Весной 1918 года в Орле насчитывалось 11 бывших губернаторов. Дуайеном нужно было считать Сергея Николаевича Свербеева, нашего посла в Берлине в 1914 году. Он был барин и дипломат старой школы (но губернаторских обязанностей он не исполнял никогда, тут Мейер ошибается, Курляндским губернатором был его родственник Дмитрий Дмитриевич Свербеев – А.П.). С ним в Орле жили три его сына: Димитрий, Владимир и Сергей, так называемый Долгоносик, потом в Гражданскую войну ставший вольноопределяющимся моего полка.

В начале Садовой улицы был дом Николая Павловича Галахова, тоже бывшего губернатора (если быть точным – вице-губернатора Орловской губернии – А.П.) и бывшего офицера Семеновского полка, красавца-старика с замечательными голубыми глазами и большими белыми усами. Он приходился близким родственником И. С. Тургеневу, и его городской дом был обставлен мебелью, привезенной из Спасского-Лутовинова, имения Тургенева. При советской власти дом Галахова был превращен в музей имени Тургенева; уже в Америке, через много десятков лет, я в магазине В. П. Камкина купил сортимент открыток этого музея. Меня кольнуло в сердце, когда я увидел на открытках кресла карельской березы в гостиной и красного дерева диван в кабинете, на котором мне пришлось довольно часто сидеть в 1918 году, когда я посещал дочь Николая Павловича, Киру Николаевну, которая была моей помощницей по службе в швейной мастерской.

На той же Садовой жил В. С. Мятлев, известный сатирик-поэт, офицер Лейб-Гвардии Гусарского Его Величества полка. Было время, когда весь Петербург и Москва декламировали его саркастические поэмы.

В Орле мы чувствовали нити, протянутые к временам Тургенева. Так, в самом конце Садовой на довольно крутом обрыве в болотистую широкую долину речки Орлика стоял дом, который описан в «Дворянском Гнезде». При мне в этом доме с садом, выходившим на обрыв, жила милейшая семья Морица Оттоновича Паррота, члена суда, и его четырех сыновей - Владимира, Александра, Сергея и Глеба.

Между прочим, потрачу несколько строк на комичный случай. Несмотря на приход большевиков, мы, молодежь, еще усиленно цеплялись за остатки прежнего быта, играли в саду Дворянского собрания в теннис по всей форме, в белых костюмах. В Орле была прехорошенькая и милая барышня, только что кончившая гимназию, Таня Лосева, за которой я усиленно ухаживал. После тенниса как-то мы пошли с ней на Орлик, под Дворянским Гнездом сели в лодку, и я стал грести по капризным извилинам речонки мимо крестьян, косивших на берегу. Один из них, покатываясь со смеху, закричал мне, указывая на

мои белые теннисные брюки: «Что же ты, барчук, срамишь девушку, в одном исподнем без штанов щеголяешь!»

Так в начале лета доживали последние дни помещики в Орле: Матвеевы, Талызины, Боборыкины, Левшины, Куракины, Оливы, Шамшевы, Блохины, Шепелевы-Воронович, Володимировы. Беспечность и непонимание ими надвигавшейся грозы были непостижимы. Так, в дни, когда Ленин боролся со смертью после выстрела Доры Каплан, и все газеты исходили бешеной слюной, провозглашая массовый террор, Владимир Сергеевич Олив серьезно развивал мысль об организации своего рода дворянского клуба, где мы все могли бы часто встречаться.

Скоро и в Орле была организована ЧеКа, во главе которой стал латыш Рамо. Летом и в начале осени она почти никого не арестовывала, собирала информацию. Здесь выяснилось одно верное правило: при терроре надо было жить в городе, в котором вас никто не знал, в котором вы не служили и были незаметным. ЧеКа вылавливала только коренных жителей города, всем известных как домовладельцев и бывших чиновников.

... Вернувшись из Петрограда в Орел, надо было думать, на что жить.

До этого я получал жалование из артиллерийского дивизиона, но за полной его ликвидацией приходилось искать службу. От всех прежних учреждений к весне 1918 года в Орле остались лишь комитеты Объединенных земств и Союза городов, то есть те общественные либеральные организации, которые, начиная с 1915 года, пришли на помощь царскому правительству и организовали по всей России производство всего нужного для армии.

В частности, они использовали все токарные станки для изготовления стальных стаканов для артиллерийских снарядов. Самый общественный дух этих организаций давал возможность им поддерживать отношения с новой большевистской властью. И вот такому комитету удалось получить от орловского исполкома заказ на изготовление френчей для Красной армии. Материалом для этого были старые военные длиннополые шинели, лежавшие горами на интендантском складе. Имелись и нужные для производства мастерские. К френчам прибавился заказ на латание старых солдатских сапог.

Мастерские были в большой орловской пересыльной тюрьме. Перед самой войной для них было выстроено новое здание и на верхнем этаже было в большом зале установлено 56 швейных машин с электрическим погоном. Кроме того, были помещения для кройки с большими столами. Мастерские пустовали, как и вся тюрьма. Уголовные сидельцы

как родственный элемент были выпущены на волю, а политических еще почти не было.

Так вот, комитетом во главе с председателем Губернской земской управы Сергеем Николаевичем Масловым, милейшим человеком и видным членом конституционно-демократической партии, было решено поручить мне руководство изготовлением френчей, с заданием возможно быстрее набрать нужное число швей.

Заведующим сапожной мастерской был назначен Владимир Сергеевич Олив. Работницы были набраны весьма быстро. Это все были или окончившие в этом году гимназию и институт барышни, или ученицы 8 класса, свободные во время летних каникул. У Олива рабочий коллектив состоял из гимназистов, кадет и вольноопределяющихся демобилизованного артиллерийского дивизиона. Единственным настоящим специалистом был у меня закройщик, старый рабочий интендантства, чахоточный и тихий человек.

В помощь мне была назначена Кира Николаевна Галахова, в свое время считавшаяся первой красавицей Орла. Как видите, на общем фоне большевистской власти и надвигающегося террора бывшие люди сумели организовать свое гнездо. Настроение у молодежи было беззаботное, и перерыв на завтрак на тюремном дворе превращался в непередаваемое веселье и повальное ухаживание сапожников с нижнего этажа за моими швеями.

Что же касается работы, то можете себе представить, что я и Олив могли организовать в таком деле, о котором до этого времени вообще не слышали. Я мог поддерживать внешнюю рабочую дисциплину среди девиц, и благодаря тому, что машины были электрические, мастерская выполняла производственную норму, то есть сдавала к вечеру нужное число френчей, но каких?.. Дело в том, что шинельное старье было самых разнообразных оттенков: серых - от светлых до темных, некоторые были зеленоватые, некоторые с синеватым отливом и даже встречались с каким-то фиолетовым налетом. Френч состоял из 23 частей, отдельных рукавов, частей воротника, накладных четырех карманов, лацканов и т. д. Мой закройщик бесповоротно отказался кроить все части френча из одной шинели, что обеспечило бы однотонность френча. Он расправлял полы шинели, накладывал в толстую стопу эти полотнища и потом по лекалам выкраивал сразу по десятку каждых частей френча. Из этих нарезанных кусков его помощники набирали сортименты по 23 частям и передавали такие пакеты в швейную мастерскую.

Рассортировать эти горы нарезанных частей по оттенкам цветов не было никакой возможности: для этого потребовалось бы несколько десятков работниц. Поэтому готовые френчи были похожи скорее на одежду арлекина. Один рукав был серый, другой желтый, нашивные карманы представляли собой скромный спектр. Я в панике доложил об этом комитету, опасаясь, что при приемке заказчиком получится грандиозный скандал и всех нас за явный саботаж пошлют на тот свет. Но беспечность была велика, и решение вышло — продолжайте в том же духе! Я и продолжал еще полтора месяца.

Потом мне пришлось уйти, но я знаю, что карикатурные френчи были приняты без всяких последствий для бракоделов. Уйти же мне пришлось из-за неизбежной в тот год в каждом русском городе регистрации военнослужащих и возможного призыва в Красную армию. С этого момента в моей жизни началось ловчение, явление столь присущее всем угнетенным и преследуемым. На регистрацию я пошел, но сразу же после этого направился в открывшееся военное учреждение ОКАРТУ (Окружное артиллерийское управление). Начальником его был очень почтенный старый артиллерийский полковник. Я был принят туда военным писарем и таким образом забронировал себя от призыва в строевую часть.

Моим начальником был бывший губернатор (*если правильнее – вице-губернатор Курляндский в 1914-1917 годах – А.П.*) Борис Николаевич Хитрово. Другие служащие все тоже были представителями чуждого по советской номенклатуре класса. В то время в Орле еще не было расстрелов. Они, наверное, внушили бы нам осторожность. Теперь, с вершины моих 90 лет обозревая пройденный извилистый путь, я с внутренним содроганием вспоминаю, какие неосторожные глупости столько раз в жизни мне приходилось делать. Не только я сам рисковал жизнью, но мог обречь на расстрел всю канцелярию ОКАРТУ.

Дело сводилось к следующему. В Орле открыла действия украинская комиссия, получившая от советской власти право выдавать пропуска украинцам для выезда на родину, на Украину. Правительство в Киеве было гетманское, русофильское, поэтому русские, пожелавшие бежать из-под советского ига, старались превратиться в украинцев и создавали соответствующую для себя легенду, не смущаясь полным незнанием украинского языка.

Такого рода прошения принимались комиссией благосклонно, и приблизительно через месяц просители получали на украинском языке свидетельство о том, что они украинцы и имеют право вернуться к себе на родину. Кроме того, надо было иметь свидетельство из советских учреждений, в том числе для людей призывного возраста, о том, что они

регистрировались и свои военные обязанности выполнили. Так вот, мой рискованный поступок сводился к тому, что я двум своим знакомым, поручику Князеву и другому офицеру, фамилию которого я, к сожалению, позабыл, выдал удостоверения на бланке ОКАРТУ с печатью и подделанной подписью начальства о том, что они служили в ОКАРТУ и по предъявлении украинских документов отпускаются со службы.

Б. Н. Хитрово пришел в дикий ужас, опасаясь, что на пограничном пункте в хуторе Михайловском советские чиновники могут что-то заподозрить, проверяя документы Князева и другого офицера, и запросят ОКАРТУ, что выяснит подлог. Теперь я с ужасом вспоминаю мою тогдашнюю беспечность, но в те времена, помню, я даже мало волновался.

От Орла до границы с тогдашней Украиной было недалеко, всего 4 часа езды поездом. В хуторе Михайловском был пропускной пункт. Поскольку мы при переходе имели при себе документы украинской комиссии с придуманной нами легендой о своей жизни, с указанными местами рождения на Украине, мы не решились взять с собой наши подлинные русские документы, я, в частности, мое метрическое свидетельство, аттестат зрелости, лицейский диплом, приказ о производстве. Все это осталось в Орле.

Я помню, что такой потере мы не придавали большого значения. Наша наивность была безгранична: мы предполагали, что скоро сможем вернуться в освобожденный от большевиков Орел. Советская власть тогда казалась нам такой противоестественной и поэтому обреченной на свержение...

### **Тринадцать из тридцать седьмого** (история одной орловской семьи)

*Прежде, чем я, читатель, начну очередной рассказ, несколько вступительных слов. Дело в том, что однажды, в декабре 2014 года, получил я обычное письмо, от которых уже отвык. Было оно от незнакомой мне орловчанки Ольги Михайловны Михайловой. Она писала, что прочла с удовольствием мой очерк о генерале Гончарове в газете «Орловский вестник» и сообщила, что её родной дед, Семён Емельянович Милешко, служил в упоминавшемся мною 142 пехотном Звенигородском полку. Ольга Михайловна заявляла, что у неё имеется фотография деда и некоторые документы по его семейству. Это меня очень заинтересовало, мы созвонились, а спустя короткое время состоялась наша первая встреча на квартире Михайловой в Орле. Потом их было ещё несколько. А результатом долгих и очень*

познавательных бесед со старожилкой стали несколько новых очерков, которые я и предлагаю твоему вниманию, дорогой читатель.

Для начала посмотри на эту фотографию, сделанную неизвестным фотографом летом 1937 года. На ней – большая семья жителя Орла, отставного подполковника Семёна Милешко (он – в центре, с внуком Славиком – А.П.). С правой стороны от внука и мужа – жена Семёна Емельяновича – Анна Семёновна (в девичестве – Нецветаева – А.П.). Остальные персонажи на старой фотографии – их дети, зятья и внуки.



Семья подполковника Милешко

### *Из Малороссии до Орла. Звенигородский полк*

Как читатель легко может догадаться, Семён Милешко – не коренной орловчанин. Он родился в Малороссии (на Украине), в селе под старинным городом Каменцом-Подольским. Точная дата его появления на свет нам неизвестна. Отец Семёна был механиком на сахарном заводе, принадлежавшем местному «сахарному королю» (вполне возможно, что одному из знаменитых братьев Терещенко – А.П.). В детстве Сеня дружил с одним из сыновей сахарозаводчика, и уж чего-чего, а сладкого продукта напробовався вдоволь. Уже в старости, когда его, как деда, внучка Оля спрашивала, почему он совсем без зубов, Семён Емельянович отвечал, что слишком много сахара когда-то ел.

Но от сладкой жизни скоро остались лишь воспоминания: умерли в одночасье один за другим отец и мать. Семья стала бедствовать. А неподалёку стояла какая-то воинская часть, и Семёна в 12 лет родственники решили отдать туда в качестве воспитанника (так в те

годы называли будущих «сынов полка» - А.П.). Но поскольку детям малороссиян воспитанниками по закону было стать невозможно, Семён «превратился» в русского (не меняя самой фамилии) и оставался таковым до конца жизни. Украинскую речь от него с тех пор никто не слышал.

Как удалось Семёну Милешко поступить потом в военное училище и закончить его, мы, наверно, уже не узнаем. Но он получил чин подпоручика и продолжил службу в Киеве. Женился, родился сын Николай. А потом случилась трагедия в жизни Семёна Милешко: жена ему изменила, когда он находился со своей частью в походе.

Брак супругов был расторгнут духовной консисторией. Сын Николай остался с отцом, но на Семёна Милешко священник наложил 10-летнюю епитимью (*запрет* - А.П.) на повторное супружество.

В середине 1880-ых годов Милешко получил назначение в 142 пехотный Звенигородский полк, с которым отныне оказалась связана вся его жизнь. Некоторое время служба проходила в Ельце, а в последующие годы - в Орле, где сын Николай поступил в Орловский Бахтина кадетский корпус, готовясь, по примеру отца, к военной карьере.

За почти два десятилетия службы Семён Емельянович Милешко вырос в чинах до подполковника, командуя вначале 9 ротой 3 батальона Звенигородского полка, а в последний год перед уходом в отставку - 4-ым батальоном. Как командира и человека его уважали младшие офицеры и солдаты.

### *Жёны, дети, дома́ Семёна Милешко*

В Орле Семён Емельянович Милешко нашёл и вторую свою «половину», женившись на Александре Петровне Кукоб. У них с супругой родилось четверо детей: сын Владимир и дочери - Вера, Татьяна и Гали (*да, именно так, Гали, есть, оказывается и такое православное имя, обозначающее «куница», «ласка» - от греческого - А.П.*).

К сожалению, счастливый брак продлился меньше 10 лет: в 1908 году Александра Петровна скончалась от тяжёлой болезни. Но через год нашлась женщина, рискнувшая выйти замуж за вдовца с четырьмя несовершеннолетними детьми. Анна Семёновна Нецветаева была из известного орловского священнического и очень многодетного рода. О четверых детях мужа она стала заботиться как о своих собственных, тем более, что была образованной и воспитанной девушкой со специальным образованием: 16 лет трудилась за границей, в Германии, гувернанткой у русских, живших там постоянно. Вернувшись в Россию, Анна Нецветаева приехала к родителям в Орёл и работала в одной из частных

женских гимназий, в которую привёл однажды своих дочерей овдовевший Семён Емельянович Милешко. В 1909 году они поженились, а в 1910 году у новой супружеской пары родился сын Александр.

А теперь о том, где жила семья Милешко. Некоторое время они снимали жильё, но вскоре обзавелась своим собственным. Причём, в отношении первого дома, на Михаилоархангельской улице (рядом с храмом, со стороны Орлика), дело обстояло так. Племянник Семёна Емельяновича, Василий Масинёв, тоже офицер Звенигородского полка, женился на дочери орловского купца Григорьева, и тот – бесплатно – отдал Милешко – как родственнику – для жилья полностью второй этаж своего большого дома.

Посмотри, читатель, на фотографию. Обычно, при взгляде на данный снимок, все говорят, что на нём – известная в Орле Михаило-Архангельская церковь. Да, так оно и есть. Но храм находится на заднем плане, а на переднем хорошо виден каменный двухэтажный дом. В «Памятной книжке Орловской губернии на 1916 год» (страница 16) сказано, что это дом Милешко. На самом деле здание никогда не принадлежало этому семейству. Но, видимо, звание и должность Семёна Емельяновича сказались – и дом получил его имя. Может, это правильно и символично: дети офицера рождались именно здесь.



Храм Михаила Архангела и дом Милешко на берегу реки Орлик

А к 1916 году семья Милешко покинула это гостеприимное жилище, переселившись на 1-ую Пушкарную, 32. Семён Емельянович, сумев накопить небольшой капитал и имея приличную офицерскую пенсию, купил здесь, в глубине двора, одноэтажный, но достаточно просторный деревянный дом. Имелись при нём небольшой двор и земельный участок. И если двухэтажное здание у храма Михаила Архангела не сохранилось (*его разобрали во время строительства капитального Тургеневского моста – А.П.*), то дом №32 по 1-ой Пушкарной цел, и в нём продолжают жить. Правда, уже совсем другие люди (*посмотри, читатель, на фото*).



Дом №32 по улице 1-я Пушкарная

### ***От дифтерита, тифа и НКВД***

Старший из сыновей Милешко, Николай, после Орловского Бахтина и Киевского Владимирского кадетских корпусов (*в Киеве жила его мать, та самая, первая жена Семёна Емельяновича*), закончил военно-артиллерийское училище, получил звание подпоручика и служил в 1909 году в 33 артиллерийской бригаде.

Благополучно первое время складывалась и судьба детей Семёна Милешко от второго брака. Старшие получили приличное гимназическое образование, все три дочери вышли замуж, а сын

Владимир закончил – в продолжение учёбы в Орле – медицинский факультет Московского университета.

Беды в семействе начались в годы гражданской войны. Сначала умер от дифтерита младший из сыновей – Александр. Старший сын от второго брака, Владимир, врач одной из частей Красной Армии, заразился тифом и скончался где-то в прифронтовой полосе.

Умер в 1928 году один из внуков, а в 1933 году отправился в вечный покой зять Семёна Емельяновича, Михаил Михайлов, оставив вдовой младшую дочь Гали с четырёхлетней внучкой Олей.

Ну а потом пришёл 1937 год. И была вот эта фотография, которую ты, читатель, рассмотрел в самом начале. Семья тогда собралась, как никогда, – в полном размере, и решили увековечить памятное событие.

Но когда все, кто на снимке, получили его – каждый свой экземпляр – то кто-то вдруг подсчитал, что на фотографии – ровно 13 человек, и, не сдержавшись, воскликнул: «Плохая примета!»

Примета стала сбываться очень скоро: друг за другом были арестованы, как «враги народа», зятя Семёна Емельяновича Милешко. Муж его средней дочери Татьяны, Андрей Григорьевич Павлоградский, помощник бухгалтера обувной мастерской промкомбината (*на общем снимке – сидит, крайний справа – А.П.*), особой «тройкой» УНКВД по Орловской области, 15 ноября 1937 года был приговорён к расстрелу, и в тот же день в Орле приговор привели в исполнение.

Николая Андреевича Рыжика, мужа Веры, старшей дочери Семёна Емельяновича Милешко, та же «тройка» приговорила к расстрелу 8 декабря 1937 года. С жизнью бухгалтер финансово-экономического техникума простился через четыре дня. Две малолетних дочки остались без отца.



Ольга Михайловна Михайлова

Арестовывали в те страшные дни и самого Семёна Емельяновича. Жена собрала ему узелок, не надеясь на то, что они уже когда-то свидятся. Но через два дня отставной подполковник вернулся. Почему так случилось – мы уже не узнаем. А вот два однополчанина Милешко, которые регулярно навещали его дом на 1-ой Пушкарной,

чтобы сразиться в преферанс, - бывшие штабс-капитаны Пармен Артемьев и Борис Барт, были расстреляны.

Спустя два года, в 1939-м, старуха-смерть, всё-таки, добралась и до последних взрослых мужчин с этой «проклятой» фотографии. В Киеве скоропостижно скончался Николай Милешко - самый старший (от первого брака) из сыновей Семёна Емельяновича Милешко, бывший офицер-артиллерист. Для главы семейства это стало последним ударом: жена, дочери и внуки проводили его к месту вечного покоя на Крестительское кладбище.

Могины отставного подполковника и всех погребённых рядом членов его семьи не сохранились: спешно отступая из Орла в начале августа 1943 года, по этой части Крестительского кладбища, прямо по захоронениям, прошли немецкие танки.

### *Милешкина память*

К настоящему времени из чёртовой дюжины лиц на снимке 1937 года остались в живых два человека. Посмотри, читатель, на фото: в правом верхнем углу стоит восьмилетняя девочка с бантом на голове. Это Оля Михайлова, ныне - ветеран войны и труда Ольга Михайловна Михайлова. В 2014 году она отметила своё 85-летие, но сохранила отменную и очень живую память. Большею частью именно от неё я узнал всё то, о чем ты, читатель, прочитал в этом очерке. Одну из стен квартиры Ольги Михайловны украшает большой портрет деда, подполковника Семёна Милешко, помещённый в симпатичную, под старину, раму. С фотографии я начал эту историю - фотографиями и закончу.



Подполковник Семён Милешко



Михаил Алексеевич Михайлов, его зять

## Как американский авиаконструктор свою сестру и племянницу в Орле от голода спас

*Есть в самом центре Орла здания, которые мало кто видел, и потому они мало кому известны. Одно из них, о котором и пойдёт речь далее, находится во внутреннем дворе, образованном домами на пересечении улиц Горького и Ленина. Почтовый адрес этого объекта – улица Ленина, д.37а. Вот он на снимке, сделанном мною совсем недавно.*

### *Дом на Болховской*

Дом одноэтажный, но достаточно приличных размеров, с небольшим крыльцом по центральному входу. На первый взгляд – выглядит симпатично, поскольку совсем недавно отремонтирован (*по крайней мере, снаружи – А.П.*). В настоящее время строение явно принадлежит какой-то организации, но какой именно – уточнить мне не удалось.

Историю этого здания и жизни некоторых его обитателей мне рассказала Ольга Михайловна Михайлова.

Дополнительные подробности я узнал из книги профессора Вадима Михеева «Петербургские крылья Америки», с которой я познакомился тоже благодаря Ольге Михайловне.



Дом по улице Ленина, 37а

По её словам, дому на бывшей Болховской (*ныне – улице Ленина – А.П.*) - чуть больше 100 лет, построен он был незадолго до начала Первой Мировой войны одним из офицеров 142 пехотного Звенигородского полка, Василием Прохоровичем Масинёвым, племянником родного деда Ольги Михайловны и – значит, её родственником тоже.

Поручик Масинёв, начальник вьючно-пулемётной команды Звенигородского полка, уроженец Малороссии, удачно женился в Орле на дочери местного купца Михаила Григорьева (*имя её нам пока неизвестно – А.П.*). Некоторое время молодожёны жили в доме тестя, на Кромской улице. А потом, подкопив денег к полученному ранее приданому, Василий Масинёв решил выстроить собственный дом на Болховской улице. Купил небольшой земельный участок, и дело закипело. Где-то к 1912 году жильё было готово. Василий Прохорович благоустроил и двор, посадив несколько плодовых деревьев и разбив небольшой фонтан – старался для своих маленьких дочек. Эх, если б знал поручик, до чего доведёт его любовь к красоте!

### *Вера*

Летом 1914 года началась Первая Мировая война. Василий Масинёв в составе полка отбыл на фронт. История участия 142 пехотного Звенигородского в боях оказалась короткой и трагической. В августе 1914 года, во время Восточно-Прусской операции полк, входивший в состав 2-й армии генерала Самсонова, попал в окружение и был практически полностью разгромлен. Большая часть солдат и офицеров погибла, а некоторые, в числе которых оказался и поручик Масинёв, попали в плен.



Георгий, Нина и Вера Ботезат

Василий Прохорович находился вначале в одном из австрийских лагерей, а потом был определён к какому-то из местных хозяев. У него научился пленный офицер мастерству краснодеревщика, да так, что и после революции с помощью этой профессии на хлеб зарабатывал.

В 1918 году возвратился на родину поручик. Здесь судьба и свела его с медсестрой, которая вначале в силу профессиональных обязанностей, а потом из-за возникшей симпатии ухаживала за приболевшим поручиком тщательнее и внимательнее, чем за другими ранеными и больными. Звали эту молодую женщину Вера Ботезат.

Когда Василий Масинёв узнал историю её жизни, он долго потом не уставал удивляться. Вера родилась в семье бессарабского

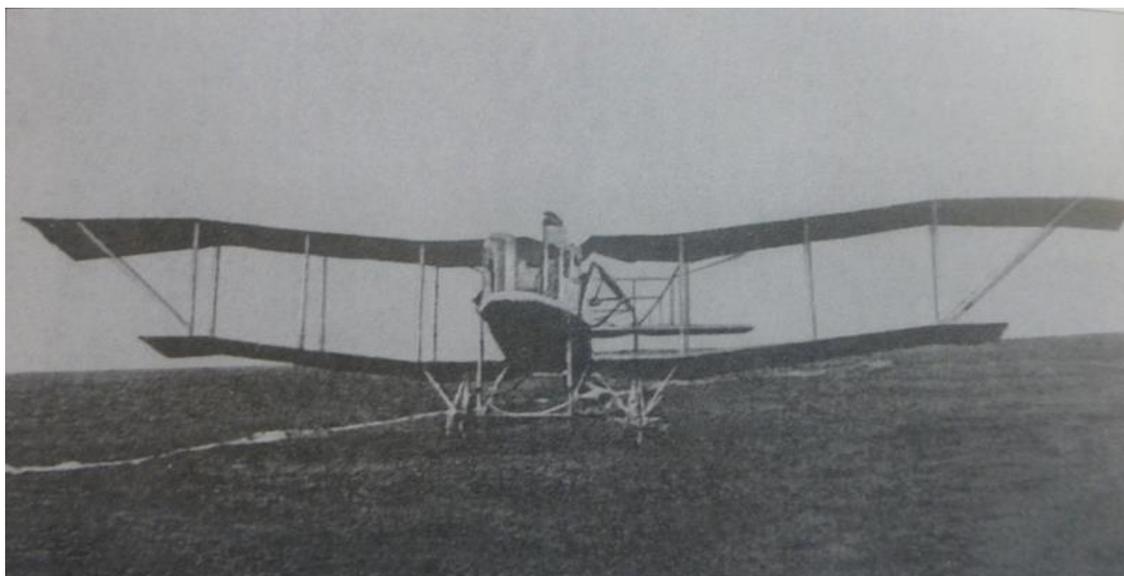
потомственного дворянина Александра Ильича Ботезата и законной его жены Надежды Львовны (в девичестве – Рабутовской, потомственной русской дворянки – А.П.).

Ботезаты принадлежали к одному из старейших и знатнейших молдавских родов, основатель которого, турецкий воин, перешёл на службу к православному князю Молдавии и принял христианство (фамилия «Ботезат», в переводе с молдавского, означает «крещёный» – А.П.). Молдавский государь пожаловал Ботезату имение около города Яссы.

Потомок этого крещёного турка, Александр Ильич Ботезат, окончил историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета и слыл полиглотом. Свободно владея семью языками, Александр Ильич служил в Министерстве иностранных дел Российской империи, вначале – в России, а потом за рубежом.



Георгий Ботезат



Один из истребителей Георгия Ботезата

Вскоре после рождения первенца – сына Георгия, Ботезата перевели в русскую дипломатическую миссию во Францию. Вот там, в Париже, у молодой четы одна за другой появились на свет две дочери – Нина (1884 года) и наша героиня Вера (1886 года рождения).

Некоторое время Ботезаты жили вполне благополучно, брат и сёстры учились в престижных парижских школах. Но в 1900 году от сердечной болезни скоропостижно скончался Александр Ильич. Вдове и детям пришлось вернуться в Россию.

Было очень трудно Надежде Львовне рассчитывать на то, что удастся дать сыну и дочерям хорошее образование. Однако нашёлся хороший знакомый, кишинёвский промышленник и меценат, Егор Рыжкан-Дерожинский, который давал стипендии талантливым студентам и гимназистам. К нему и обратилась Надежда Львовна Ботезат. Меценат встретился с детьми, побеседовал с ними и, восхищённый их знаниями и талантом, выделил деньги для обучения.

Дочери поступили в Сорбонну: Нина – на математический факультет, Вера – на медицинский. Спустя несколько лет они благополучно получили дипломы о высшем образовании и вернулись в Россию. С началом Первой Мировой войны Вера Ботезат оказалась в качестве врача в одном из госпиталей, а спустя некоторое время повстречала свою судьбу в лице Василия Масинёва.

Василий Прохорович благополучно добрался до Орла, и здесь ему сообщили страшную весть. Младшая дочь Наталья, играя однажды во дворе своего дома, подошла чересчур близко к воде, упала в фонтан и утонула. Жена не вынесла трагедии и вскоре тоже скончалась. Старшую дочь забрал на воспитание дед, Семён Емельянович Милешко. Как уж дальше разворачивались события – точно не известно, но только Вера Ботезат, ещё находившаяся в Орле, узнала об этих событиях. А спустя некоторое время Василий Масинёв предложил ей стать его женой.

Поселились супруги в том самом доме на улице Болховской. Но разгоралась уже вся гражданская война, и бывший офицер Звенигородского полка с женой-военврачом отправились добровольцами в Красную Армию. Кидало их по многим фронтам, по городам и весям, но выжили, уцелели Масинёвы. По окончании гражданской войны супругов демобилизовали. В 1921 году у них родилась дочь Ирина.

### *Георгий - спаситель*

И поехало тогда семейство на родину мужа – в Орёл. Жильё здесь у них имелось. Но в губернском городе в начале 20-ых годов были большие проблемы с продовольствием, можно сказать, «царствовал» настоящий голод. Нехватка витаминов сказывалась на здоровье маленькой Иры. И тут семью Масинёвых спас старший брат Веры – Георгий Ботезат. О нём стоит обязательно сказать несколько слов, потому что он был выдающейся личностью, до недавнего времени совсем забытой на родине.

До революции Георгий сумел получить, обучаясь в нескольких учебных заведениях в России и за рубежом, высшее техническое образование и стал одним из пионеров русской авиации. В годы Первой Мировой войны он входил в состав Управления Военно-воздушного флота Военного Министерства России.

В годы гражданской войны Георгий Ботезат эмигрировал в США, где сравнительно быстро добился признания. Преподавал в нескольких университетах, а в практическом плане крупнейшие его успехи – постройка первого в ВВС США вертолёта и создание фирмы по выпуску промышленных вентиляторов, которые поставлялись в американскую армию.

Георгий Александрович, не создав семьи и будучи очень неприятельным в личной жизни, всегда покровительствовал оказавшимся в нужде. Узнал он и о проблемах сестры Веры и её семьи.

В начале 20-ых годов XX века в РСФСР действовало благотворительное Американско - российское общество (АРО). С его помощью американцы имели возможность подкармливать голодающих в России родственников. Эмигранты переводили в Страну Советов валюту, за которую родственники получали в специальных пунктах продукты питания.

Василий Прохорович Масинёв ежемесячно ездил из Орла в Москву, откуда возвращался с пакетами муки, крупы, жиров и сухого молока для маленькой дочки. Ирина Васильевна Попова (Масинёва) потом вспоминала, что *«...благодаря дяде Жоржу, которого я никогда не видела, я и выжила»*.

Первое время Георгий Ботезат слал сёстрам частые и длинные письма, в которых рассказывал о своём американском житье-бытье, писал, как скучает и ждёт встречи. К концу 20-ых годов в Советской России опустился «железный занавес», связь с заграничными родственниками могла закончиться тюрьмой и, опасаясь за сестёр, американский авиаконструктор Ботезат разом оборвал переписку.

Некоторое время он ещё присылал сестре Вере посылки с дорогими вещами, но вскоре из-за высоких пошлин и этот способ помощи родным стал для них недоступен.

Георгий Александрович Ботезат скончался в феврале 1940 года, так и не увидев больше ни сестёр, ни племянницы Ирины.

## Три служительницы Эскулапа

*В этом очерке я продолжу рассказ о семье Масинёвых. 10 лет прожили они в Орле. Василий Прохорович работал в советских учреждениях, а его жена, Вера Александровна, талантливейший врач-диагност и лекарь, стала основным кормильцем семьи. Старшая дочь, Гали, закончив Первую Орловскую Советскую девятилетнюю школу имени Ломоносова, поступила на медицинский факультет Саратовского университета.*

### **Эвакогоспиталь №2929**

К сожалению, к началу 30-х годов хозяйка семейства сама стала испытывать большие проблемы со здоровьем, часто болела, и ей потребовалась смена климата. Поэтому в 1931 году Масинёвы перебрались вначале в Геленджик, а потом – в Подмоскovie, в посёлок Кратово Раменского района. Вокруг посёлка располагались хвойные лесонасаждения, образуя особый прохладный микроклимат, поэтому здесь ещё с дореволюционных времён стали селиться дачники, среди которых уже в советские годы оказалось множество известных личностей: писатели, артисты, режиссёры, Герои Советского Союза. В таком вот окружении и жила семья Масинёвых.



Семья Масинёвых в Орле (1925-1926 год)



Вера Александровна Масинёва  
(Ботезат)

Вера Александровна работала в Раменском роддоме, а любящий муж – был рядом, на должности счетовода. Старшая дочь, Гали, получив диплом врача, работала в одной из больниц Подмосковья, а младшая, Ирина, по примеру мамы и сестры, поступила в 1-ый Московский мединститут. Так все три представительницы семьи Масинёвых оказались на службе по охране здоровья советских граждан.

В первые же дни Великой Отечественной войны на фронт была мобилизована Гали Васильевна Масинёва *(во всех официальных документах она значилась привычным для писарей и кадровиков именем Галина – А.П.)*. Служила она начальником

медицинской части в эвакогоспитале под №2929, который первое время располагался в городе Орехово-Зуево, а после переместился в Гжатск *(современный город Гагарин в Смоленской области – А.П.)*. К концу войны эвакогоспиталь №2929 подчинялся командующему 3 Белорусским фронтом и ещё дважды менял дислокацию, базируясь в городах Вильнюс *(Вильнюс, столица Литвы – А.П.)* и Инстенбурге *(Восточная Пруссия, современный город Черняховск в Калининградской области – А.П.)*.

Гали Васильевна Масинёва, со своим саратовским медицинским образованием, не подвела маму *(уже не буду писать – «приёмную» – А.П.)*, закончившую Сорбонну. Начав войну в звании капитана медицинской службы, она закончила её майором в том же эвакогоспитале и в той же должности. Четыре года Масинёва являлась бессменным председателем врачебной комиссии, проверив свыше 4000 раненых, почти половина из которых вновь ушла на фронт – сражаться с врагом.

Обладая огромным авторитетом среди медперсонала и больных, Гали Васильевна в любых условиях *(особенно это было нелегко в первые месяцы войны – А.П.)* умела



Майор медслужбы  
Галина Васильевна  
Масинёва

организовать лечебную, приёмо-сортировочную и эвакуационную работу своего госпиталя на 2000 раненых так, что никогда в работе её подчинённых не наблюдалось сбоев.

Медицинская часть под руководством Масинёвой умудрялась ещё и проводить обучение медицинских сестёр, санитарок и инструкторов лечебной физкультуры. Гали Васильевна вполне по заслугам была награждена вначале медалью «За оборону Москвы», а к концу войны – орденом Красной Звезды.

Довелось майору медицинской службы в составе своего госпиталя ещё и на Дальнем Востоке побывать, где громили Японию. Здесь ЭГ-2929 фактически превратился в спецгоспиталь, поскольку перешёл на обслуживание военнопленных – сначала японцев, а потом немцев и интернированных лиц. И только в 1947 году Г.В.Масинёва была демобилизована. Все послевоенные годы она работала детским врачом в Подмосковье, заслужив множество благодарностей и добрых отзывов от родителей вылеченных ею детишек. Скончалась Гали Васильевна Масинёва в 1994 году, в возрасте 85 лет.

### *Последний приют*

Младшей её сестре, Ирине Васильевне (Поповой – в замужестве), на фронте побывать не довелось. Но и в тылу тяжёлой работы в качестве медработника хватало. Закончив 1-ый Московский институт, Ирина Васильевна первое время трудилась врачом-гинекологом в Раменском роддоме, сменив там свою замечательную маму, Веру Александровну, а последние 20 лет – в спецполиклинике Лётно-исследовательского института (ЛИИ) в городе Жуковском. Душевным отношением к людям и высоким профессионализмом Ирина Васильевна снискала уважение и любовь своих пациентов. Свою единственную дочь она назвала в честь бабушки – Верой. Умерла Ирина Васильевна на 92-ом году жизни.



Ирина Васильевна  
Попова

Все три верные служительницы Эскулапа – мама, Вера Александровна Масинёва, и обе дочери – нашли вечный покой на Бутовском кладбище в Москве (*район Южное Бутово, территория Бутовского природного лесопарка – А.П.*).

Мужчины из рода Масинёвых воевали, защищая Родину, а женщины – спасали жизни защитников. Вечная память им всем память!

## Глава вторая, духовная

### Герой и священномученик Серафим (Чичагов)

Некоторое время назад в краеведческом отделе областной библиотеки имени Бунина мне удалось познакомиться с книгой, которая произвела на меня большое впечатление, тем более, что часть материалов этого солидного дореволюционного издания оказалась посвящена нашему краю и его людям.

Называется эта книга «Орловская епархия в 1906-1908 годах, при Преосвященном епископе Серафиме (Чичагове)». Выпущена она была в год начала Первой Мировой войны в Кишинёве местной епархиальной типографией. После ознакомления с ней мне захотелось, чтобы и ты, читатель, узнал о человеке, который возглавлял Орловскую епархию всего лишь около трёх лет, а сумел оставить в сердцах и душах наших земляков неизгладимый след.



Леонид Михайлович Чичагов –  
в военной форме



Владыка Серафим (Чичагов)

У Леонида Михайловича Чичагова (такое имя он носил в миру до августа 1898 года) – героическая и мученическая судьба. Родился будущий владыка 9 января 1856 года семье генерал-майора Михаила Никифоровича Чичагова. В роду Чичаговых были и адмиралы, один из которых отличился в Отечественную войну 1812 года.

Мальчик рано, в 10 лет, осиротел, но мать и родственники сумели дать ему достойное образование – естественно, военное. Карьера Леонида Чичагова развивалась стремительно. Он быстро рос в званиях, особо отличившись в русско-турецкую войну 1877-1878 годов. Вот его показатели:

*«За оказанные отличное мужество и храбрость в делах с турками под горным Дубняком и Телишем 12 и 16 октября 1877 г. отмечен - Орденом Св. Анны 4-й степени с надписью "За храбрость",*

*За переход через Балканы 13-19 декабря 1877 г. - Орденом Св. Станислава 3-й степени с мечами и бантами;*

*За дела с турками 3, 4 и 5 января 1878 г. под Филиппополем - Орденом Св. Анны 3-й степени с мечами и бантами;*

*За храбрость при осаде и взятии Плевны - пожалован саблей с дарственной надписью от Императора».*

В 34 году он уже был полковником, но внезапно и круто поменял свою судьбу и ушёл в 1890 году в отставку, а через три года в Московском Синодальном храме Двенадцати апостолов Л. М. Чичагова рукоположили в сан диакона. Так началась новая жизнь бывшего профессионального военного – на ниве духовной, в которой Леонид Михайлович тоже преуспел.

14 августа 1898 г. он был пострижен в мантию под именем "Серафим". Это случилось после того, как скоропостижно ушла из жизни любимая жена, подарившая ему четырёх прекрасных дочерей.

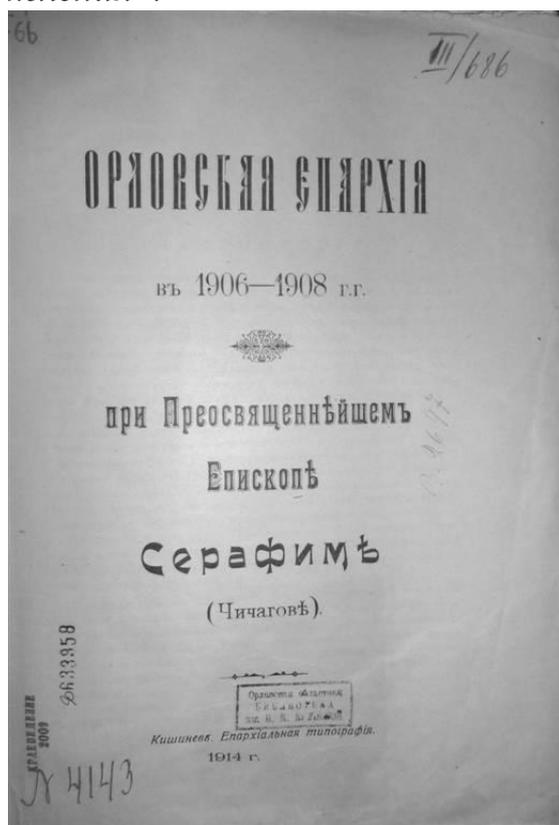
Преосвященный Серафим занимал последовательно несколько кафедр, будучи владыкой в нескольких православных епархиях, но особо можно выделить его трёхлетнее пребывание в должности епископа Орловского и Севского (1906-1908 годы).

Вот что об этом пишут православные источники:

*«В Орловской епархии он деятельно проводил возрождение христианской жизни в народе. Для этой цели он распространял среди духовенства литературу, проводил частые беседования и умножал благотворительность среди народа.*

Именно на Орловской кафедре святитель Серафим пришел к ставшему определяющим всю его дальнейшую архипастырскую деятельность убеждению, что полнокровное развитие епархиальной жизни возможно лишь на основе активно действующих приходских общин. Впоследствии это свое убеждение святитель формулировал следующим образом: "Духовное... возрождение России возможно только тем путем, каким совершалось ее духовное рождение. А именно: необходимо вернуться к церковно-общественной жизни древнерусского прихода, чтобы приходская община единодушно занималась не только просвещением, благотворительностью, миссионерством, но и нравственностью своих сочленов, восстановлением прав старших над

младшими, родителей над детьми, воспитанием и руководством молодого поколения".



Икона священномученика Серафима

Уже в 1906 г., претворяя в жизнь Постановление Святейшего Синода от 18 ноября 1905 г. об устройении и возрождении приходской жизни, святитель Серафим организовал в храмах своей епархии приходские советы, в обязанности которых наряду с обеспечением условий для нормального развития пастырско-литургической и административно-хозяйственной жизни приходов должно было входить разрешение всей совокупности духовно-просветительских и социально-благотворительных задач, стоявших перед приходами, и прежде всего – создание больниц, библиотек, школ и других образовательных учреждений. Последствия этой активной деятельности святителя Серафима не замедлили проявиться в жизни вверенной ему архипастырскому попечению епархии, и вскоре после своего назначения на Орловскую кафедру в одном из своих писем он с удовлетворением отмечал: "С 1-го февраля, со дня моего приезда в Орел, я еще не спал ни одной ночи как следует. Бью набат, стремясь к скорейшему возрождению приходской жизни. Веду беседы с миром и клиром по городам и в залах Думы. Последствия прекрасные. Трудно поднимать духовенство, но мир поможет, если епископы будут жертвовать собой".

Та жертвенность епископов, о которой писал святитель Серафим, была свойственна прежде всего ему самому, поэтому его деятельность как среди орловского епархиального духовенства, так и среди всего русского епископата,

*встречала все большее признание и уважение. Свидетельством все возрастающего авторитета святителя Серафима в качестве епархиального владыки стало назначение его в 1907 г. присутствующим членом Святейшего Синода.*

*Однако надеждам святителя Серафима на то, что его многолетнее пребывание в столь полюбившейся ему Орловской епархии позволит осуществить его замыслы по возрождению в ней церковной жизни, не суждено было сбыться. Святейший Синод счел необходимым поручить святителю Серафиму управление епархией, в которой церковные дела находились в еще более сложном положении, нежели это имело место в Орловской епархии ко времени прибытия туда владыки Серафима, и 16 сентября 1908 г. был принят указ о его назначении на Кишиневскую кафедру. Вновь, как это уже неоднократно бывало в жизни святителя Серафима, успешно начав очередное церковное деяние, он не имел возможности непосредственно участвовать в его завершении».*

За организацию приходской жизни в Орловской епархии епископ Серафим был пожалован императором Орденом Св. Анны 1-й степени (1908 г.).

В послереволюционные годы он неоднократно подвергался преследованиям, хотя по отношению к Советской власти занимал довольно лояльную позицию. Последняя его должность, с 1928 по 1933 год – митрополит Ленинградский и Гдовский. Уже будучи в преклонном возрасте, в 81 год, больной, он 7 декабря 1937 года решением тройки при УНКВД СССР по МО был обвинён в причастности к "контрреволюционной монархической организации" и приговорен к высшей мере наказания – расстрелу. Митрополита Серафима расстреляли и похоронили в Бутово, на так называемом полигоне НКВД 11 декабря 1937 г. Реабилитация его состоялась 10 ноября 1988 г.

*По воспоминаниям близким к нему людей, это был «духовный писатель, энергичный и красноречивый проповедник. С редкой энергией он заботился об укреплении строгого порядка, основанного на незыблемых основах православия, возрождению приходов, устройению жизни Церкви. Живое мощное слово его раздавалось за каждым богослужением. Отличался кипучей, идейной деятельностью и горячим стремлением поставить духовенство на подобающую высоту».*

Митрополит Серафим был разносторонне одаренным человеком: музыкант, живописец, писатель, врач. В московском храме во имя пророка Божия Илии (в Обыденном переулке) есть образ Спасителя в белом хитоне и образ преподобного Серафима, молящегося на камне, написанные им.

Он канонизирован православной церковью 23 февраля 1997 года в чине священномученика

Священномученик Серафим Чичагов - покровитель православного воинства, врачей и ученых. К нему обращаются за молитвенной помощью в болезнях и немощах, при семейных неурядицах, укреплении веры в гонениях и искушениях.

## **О том, как в Орле в 1917 году епископа избирали и о том, как 20 лет спустя его расстреляли**

*Видел ли ты когда-нибудь, читатель, заходя в православный храм, чтобы в нём стоял обычный длинный стол, застеленный красной скатертью, на этом столе возвышалась урна для голосования, а за самим столом сидели члены президиума? Не видел? Я тоже. А между тем именно такую картину наблюдали в Троицком соборе при Архиерейском доме в Орле все, кто заходил в храм утром 12 августа 1917 года.*

### **Выборы**

Здесь, в центре православной Орловщины, происходило событие, невиданное до того дня, - выборы правителя Орловской епархии, епископа Орловского и Севского, кафедра которого была вакантна. Обычно в таких случаях Священный Синод Русской православной церкви своим Указом просто назначал главного пастыря той или иной епархии. Но из-за произошедшей в феврале буржуазной революции даже церковь поддалась демократическим веяниям.

За три дня до этого года газета «Орловские епархиальные ведомости» в своём очередном номере (№№30-31) сообщила всему духовенству и мирянам губернии о том, что в епархии грядёт небывалое событие: 12 августа состоится Епархиальный собор, который изберёт «Архипастыря на вдовствующую Орловскую кафедру».

Однако самому собору предшествовала большая подготовительная работа. Первоначально 10 августа в Орёл съехались 287 делегатов губернского епархиального съезда. Из своего состава делегаты (*вообще-то, в те годы использовалось чисто русское слово – выборщики – А.П.*) избрали президиум и секретарей. Председателем президиума стал священник И.Д.Соколов, а его заместителями – священник Л.Казанский и матрос Балтийского флота В.Н.Кузин.

После этого съезд в течение полутора суток обсуждал главный вопрос повестки дня – «Обсуждение «Наказа о порядке избрания епископа на

*Орловскую кафедру». 11 августа, к 13.00, после всестороннего обсуждения, «Наказ» был утверждён.*



Архиерейский Дом и Троицкий собор Орла

Приняв такой важный документ и пополнившись в тот же день выборщиками от монашества, духовно-учебных заведений и мирян, Епархиальный съезд превратился в Епархиальный собор.

Перед его официальным открытием председательствующий, священник И.Соколов, совершил молебен, по окончании которого обратился к собравшимся с кратким напутственным словом. После этого из зала была удалена посторонняя публика и представители прессы.

Затем делегаты обменялись мнениями по вопросу о «желательных кандидатах» на Орловскую епископскую кафедру, а уже после перерыва начался сбор записок с именами этих кандидатов. Подавляющее большинство их содержало два имени – епископа Серафима, временного управляющего Орловской и Севской епархией, и епископа Углицкого Иосифа.

После оглашения содержания записок Епархиальным Собором был создан Распорядительный Комитет (из 12 человек), главные задачи которого состояли в проверке полномочий членов Епархиального Собора и подготовке к приготвлению выборов.

День 12 августа для делегатов Епархиального собора начался в кафедральном Петропавловском соборе, в котором представитель от Священного Синода, архиепископ Гродненский и Брестский Михаил, и временный правитель Орловской епархии епископ Бельский Серафим совершили торжественную литургию, по окончании которой состоялся молебен.

После этого все делегаты направились в Троицкий собор при Архиерейском доме.

Попасть внутрь его можно было, только предъявив именной билет выборщика, удостоверявшего его личность. Пропустили в Троицкий собор и представителей печати.

А вот какой была дальнейшая процедура. При входе в храм выборщики получили избирательные бюллетени (в отличие от современных листов это были твёрдые карточки – А.П) с конвертами.

Последними в Троицкий собор, сопровождаемые торжественным звоном колоколов, прибыли архиепископ Гродненский и Брестский Михаил и епископ Бельский Серафим.

Облачившись в мантию и омофор, архиепископ Михаил обратился к выборщикам: *«Отцы и братие! Клер и миряне церкви Орловской! По постановлению Священного Синода Аз недостойный прибыл в Ваш Богоспасаемый град для принятия участия при избрании кандидата на вакантную Орловскую кафедру. Вам предстоит совершить великое и важное дело... Помолимся Господу Богу».*

После этого обращения и прочитанных сразу же молитв епископы удалились в алтарь, и Царские врата за ними были закрыты.

Президиум занял свои места за тем самым столом, о котором я упомянул вначале. Для того, чтобы выборщики убедились в честности



Епископ Орловский и Севский  
Серафим (Остроумов)

проводящихся выборов, им показали открытую пустую урну, которую на глазах делегатов запечатали.

В 13.10 выборщиков, пофамильно, стали приглашать на голосование. Каждый из них, предварительно написав имя своего кандидата на бюллетене и запечатав его в конверт, подходил к избирательной урне и опускал в неё конверт. У 347 делегатов Епархиального собора ушло на это более часа. Последним опустил свой конверт соборный протодиакон Троицкого собора Т.А.Архангельский.

После этого члены президиума вскрыли урну и в течение часа вели подсчёт голосов. Результаты голосования были объявлены в четвёртом часу пополудни. 308 выборщиков оказали доверие Преосвященному Серафиму, епископу Бельскому, временно управлявшему Орловской епархией. 34 делегата предпочли епископа Углицкого Иосифа. Викарий Елецкий Амвросий и бывший епископ Орловский Макарий получили по одному голосу. Три бюллетеня были признаны недействительными (если уж говорить о явке в целом, то всего выборщиков по губернии было избрано 379 человек, а в работе Епархиального собора участвовало 347, т.е. 91 процент, очень приличная цифра – А.П.)

По окончании процедуры члены президиума подписали *Акт об избрании епископа Орловского и Севского*. Этот документ был доставлен архиепископом Гродненским и Брестским Михаилом в Священный Синод, который Указом №8503 от 22 августа 1917 года утвердил результаты выборов. Так Преосвященный Серафим, бывший епископ Бельский, стал первым народным избранником, архипастырем Орловской церкви.

### *Жизнь и смерть владыки Серафима*

Епископу Серафиму (в миру – Михаилу Митрофановичу Остроумову), шёл на момент избрания тридцать седьмой год. Родился он в Москве, в семье псаломщика при храме Ильи-пророка. Закончил Московскую духовную семинарию, а потом Московскую духовную академию со степенью кандидата богословия (в 1904 году). Семь лет он прослужил настоятелем одного из самых дальних монастырей Русской православной церкви – Яблочинского Свято-Онуфриевского (Бельский уезд Седлецкой губернии, ныне это территория Польши). При отце Серафиме монастырь превратился из захудалого в один из самых процветающих, с четырьмя школами при нём (в них обучалось более 400 учеников), с гостиницей и чайной для паломников, с аптекой и медицинской амбулаторией. Монастырь бесплатно кормил обедами нищих.

В январе 1914 года отец Серафим стал ректором Холмской духовной семинарии, а с апреля 1916 года - епископом Бельским. Именно с этой духовной должности он и был направлен в Орёл в конце мая 1917 года в качестве временно управляющего Орловской и Севской епархиальной кафедрой.

А после народного избрания епископа Серафима ждала трудная и горькая судьба. Несколько раз во время своей архипастырской службы в Орле он арестовывался. В 1922 году, после третьего ареста, владыка был заключён в тюрьму по обвинению в «активном сопротивлении конфискации церковного имущества». В июне того же года был вынесен приговор: «7 лет тюрьмы». Заключение Преосвященный отбывал в Орловском «центrale». Сколько именно отсидел из этого срока Серафим – источники расходятся (от нескольких месяцев до полутора лет).

Будучи в Орле, владыка Серафим в мае 1924 года за свою подвижническую деятельность был возведён в сан архиепископа, а в конце 1926 года в очередной раз его арестовали и выслали за пределы Орловской епархии.

В ноябре 1936 года, будучи уже архиепископом Смоленским и Дорогобужским, Серафим был снова арестован как «один из руководителей контрреволюционной группы церковников».

27 марта 1937 года Особым Совещанием при НКВД СССР, вместе с восемью другими священнослужителями, он был приговорён к 5 годам лишения свободы. Отбывая наказание в Казахстане, был вторично привлечён к уголовной ответственности по обвинению в «организованной антисоветской деятельности» и 28 ноября 1937 года тройкой при Управлении НКВД по Смоленской области приговорён к расстрелу.

Приговор привели в исполнение 8 декабря 1937 года. По некоторым данным, произошло это в Катынском лесу под Смоленском.

Реабилитировали Преосвященного Серафима дважды – в ноябре 1958 года (президиум Смоленского областного суда) и июле 1989 года (прокуратура Смоленской области).

17 июля 2001 года определением Священного Синода архиепископ Серафим (в миру – Михаил Остроумов) был причислен к лику святых новомучеников и исповедников Российских для общероссийского почитания. День его Памяти установлен 8 декабря.

## Родионовы с улицы Пуховой

*Как часто, проходя мимо пока ещё сохраняющихся старинных домов на некоторых улицах Орла, мы не задумываемся о том, какие события связаны с этими зданиями и с жившими в них людьми. И это – до тех пор, пока судьба каким-то своим, только ей ведомым, способом не повернёт нас к этой самой истории.*



Дом №193 по улице Маяковского

### *Командир 6-й роты Звенигородского полка*

Вот так и мне, совсем недавно, довелось побывать у нынешних хозяев дома № 21 по улице Маяковского (*дореволюционное название – Пуховая*). Олег Соков, преподаватель Орловского государственного университета, кандидат технических наук, и его жена Татьяна оказались людьми, которые хотят знать как можно больше о своих родословных корнях, тем более, им по наследству достался огромный фотоархив. С его помощью Олег и поведал мне то, что к настоящему времени ему удалось узнать о предках.

Прадед Олега Сокова, Николай Иванович Родионов, по не совсем подтверждённым данным, появился на свет в Ельце в 1860 году, в

офицерской семье. Отец его рано ушёл из жизни, и мальчика воспитывал дядя.

Как и положено детям военных, Николай Родионов поступил в Чугуевское юнкерское пехотное училище и по окончании его был направлен в 142 пехотный Звенигородский полк, с которым оказалась связана вся его дальнейшая служба. Большая её часть прошла как раз в Орле, где, уже в 40-летнем возрасте и в чине штабс-капитана, Николай Родионов, наконец-то, женился на здешней уроженке, красавице Александре Коломейцевой (невеста была моложе на 14 лет).

Молодые жили вначале на съёмной квартире в доме Гаврилова на 3-ей Курской улице, где родились у счастливых родителей трое детей: Борис, Николай и Маргарита (будущая бабушка Олега Сокова – А.П.).

*Вот, читатель, фото, на котором семейство Родионовых снято ещё в период проживания в доме на 3-ей Курской.*



Семья Родионовых

Жизнь и служба в Звенигородском полку проходила достаточно спокойно, вплоть до начала русско-японской войны волноваться не приходилось. Звенигородцев, в конце концов, тоже направили на фронт, но они опоздали: военные действия завершились позорным для России миром. И полк возвратился обратно. На память о фронтовом поезде остались фотографии. *Вот одна из них.*

А по возвращении в Орёл жизнь Родионовых вновь потекла по накатанной колее. В 1910 или 1911 году большая семья сняла у мещанки

Чебыкиной большую и просторную усадьбу на улице Пуховой, в которую входило два приличных деревянных дома: один выходил окнами непосредственно на улицу, а второй прятался в глубине двора.

К этому времени Николай Родионов, дослужившись до капитана, несколько лет как командовал 6-ой ротой 142 пехотного Звенигородского полка. Подходил срок ухода в запас по выслуге и с повышением, денежное содержание у офицера было неплохое, и потому, сумев накопить достаточную сумму, Николай Иванович в 1912 году выкупил у Чебыкиной арендуемую усадьбу (*сохранилась, кстати, купчая по этой сделке – А.П.*).



Звенигородцы во время поездки на русско-японскую войну  
(в центре, во втором ряду - Николай Родионов)

Подполковник Родионов надеялся, что заслужил спокойную и обеспеченную жизнь для себя, жены и детей. Но тишь да благодать продолжались только два года: началась Первая Мировая война. Подполковник Родионов был мобилизован на фронт, но Олегу Сокову не удалось проследить фронтовой путь прадеда. Дело в том, что 142 пехотный Звенигородский в самом начале боевых действий попал в страшную мясорубку на территории Восточной Пруссии. Значительная часть солдат и офицеров погибла, другие попали в немецкий плен. Но Николаю Родионову повезло, и он живым возвратился домой.

В 1918 году подполковник стал одним из тех офицеров царской армии, кто перешёл на сторону большевиков. Красный командир Родионов воевал за новую Россию, и, находясь в Таганроге, скончался от острого почечного заболевания. Там же, на юге, его и похоронили.

### *Владыка Серафим и его верная прихожанка*

Александра Васильевна, жена, узнала об этом не сразу. Переживала долго и сильно. Но надо было поднимать на ноги троих несовершеннолетних детей. Ей это удалось. И опору, кроме собственной сильной воли, Родионова нашла в религии. Верила Александра Васильевна в Бога и до революции, но теперь её обращение к Всевышнему стало ещё более ревностным. Ходила молиться в одну и ту же церковь – Успения Божией матери на Черкасской улице (на её закладке в 1842 году присутствовал митрополит Филарет Амфитеатров). В этом храме после своего возвращения из тюрьмы (по амнистии, раньше срока) служил епископ Серафим (в миру – Михаил Митрофанович Остроумов) – настоящий «ревнитель благочестия» Орла и не только.



Владыка Серафим  
(фото из архива семьи Соковых)

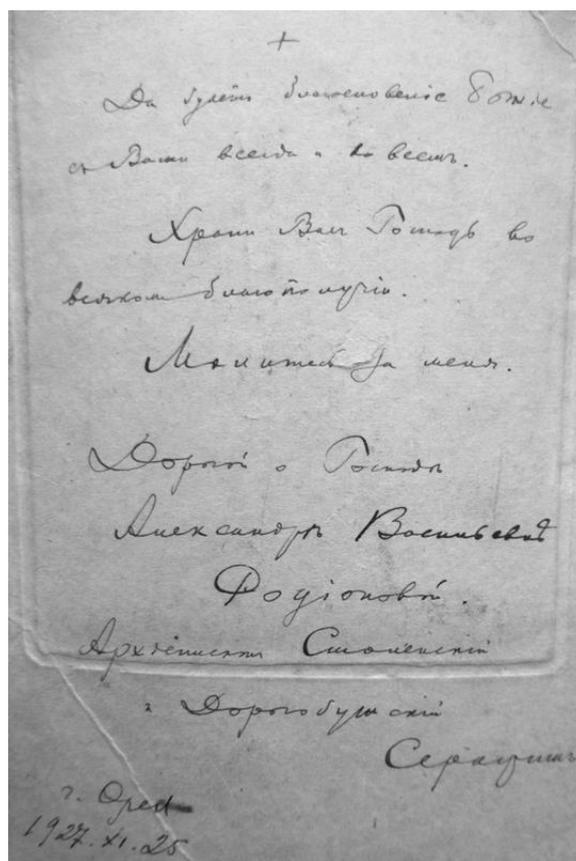
О нём я достаточно подробно рассказал в предыдущем очерке. Но в орловском периоде биографии епископа имеются до сих пор не исследованные «тёмные пятна». Жил Серафим в небольшом домике на Черкасской улице и служить начал в расположенной неподалеку единоверческой церкви в честь Успенья Божией матери. Проповедовал он так, что храм всегда был полон народа. Владыка мог утешить и успокоить души страждущих. Одной из самых верных прихожанок Серафима стала и вдова Александра Родионова.

Во многих источниках сказано, в конце 1926 года в очередной раз владыку арестовали и выслали за пределы Орловской епархии. Что ж, это возможно. Но тогда совершенно точно вскоре после его назначения архиепископом Смоленским и Дорогобужским (это случилось 1 ноября

1927 года) Серафим приезжал в Орёл. Наверняка, у него оставались здесь незавершённые дела.



Владыка Серафим (Остроумов)



Текст на обороте снимка

И одним из важнейших среди них оказалась встреча со своими прихожанами 25 ноября 1927 года. Эту дату однажды приводил краевед Владимир Власов в статье, посвящённой архиепископу Серафиму (она была опубликована в «Орловской правде» в ноябре 2005 года – А.П.). Там тоже фигурировала фотография.

Теперь, благодаря сохранившимся в семье Соковых ещё двум снимкам владыки стало ясно, что тот приехал в Орёл прощаться и – возможно, навсегда. Вот эта фотография и надпись на обороте:

«Да будет благословение Божие с Вами всегда и во всём.  
Храни Вас Господь во всяком благополучии.  
Молитесь за меня (так можно написать, зная свою судьбу – А.П.).  
Дорогой о Господе Александре Васильевой Родионовой.  
Архиепископ Смоленский и Дорогобужский Серафим.  
Орёл, 1927, XI, 25».

А потом он уехал в Смоленск, где в ноябре 1936 года был снова арестован как «один из руководителей контрреволюционной группы церковников».



Олег Соков у своего дома № 21 по улице Маяковского

27 марта 1937 года Особым Совещанием при НКВД СССР, вместе с восемью другими священнослужителями, он был приговорён к 5 годам лишения свободы. Отбывая наказание в Казахстане, был вторично привлечён к уголовной ответственности по обвинению в «организованной антисоветской деятельности» и 28 ноября 1937 года тройкой при Управлении НКВД по Смоленской области приговорён к расстрелу. Приговор привели в исполнение 8 декабря 1937 года.

*Хранить фотографии расстрелянного «врага народа» в довоенные и первые послевоенные годы было очень опасно, но Александра Васильевна Родионова не побоялась. И теперь эти семейные снимки – часть истории города Орла.*

## Глава третья, военная

### Генерал-лейтенант Корф, барон и рыцарь

Корфы – старинный, знатный рыцарский род, уходящий своими корнями в Вестфалию. Абсолютное большинство Корфов были военачальниками (16 из них носили генеральское звание), сенаторами, государственными деятелями.

Хотя Корфы состояли в родстве со многими знатными родами Европы (Врангели, Клейсты, Остен-Сакены, Клопманы, Кетлеры, Розены, Воронцовы) их, по большей части, отличала закрытость, многие браки в их семьях заключались между близкими родственниками, а приверженность старым традициям, щепетильность и расчётливость стали отличительной чертой этого рода.

Писатель Набоков (как представитель семейства) очень образно охарактеризовал своих родственников: *«В живучих старых родах определённые физиономические характеристики повторяются раз за разом, словно некие указатели либо клейма творца. Нос Корфов (к примеру, мой) – это добротный немецкий орган с крепким костистым хребтиком и чуть покатым, явственно желобчатым кончиком. Выражая презрение либо изумление, Набоковы приподнимали брови, относительно густые лишь у переносицы и почти пропадающие ближе к вискам.*

*С другой стороны, женщин из рода Корфов я вижу вполне отчётливо – прекрасные лилейно-розовые девы с высокими, румяными pommettes, бледно-голубыми глазами и той маленькой, похожей на мушку родинкой на щеке, которую моя бабушка, мой отец, трое или четверо его сестёр и братьев, некоторые из моих двадцати пяти кузенов и кузин, моя младшая сестра и мой сын Дмитрий наследовали в различных степенях проявленности, будто более или менее чёткие копии одной и той же гравюры».*

Одним из самых известных военачальников этого знатного немецкого рода был Фёдор Карлович Корф. Он родился в 1773 (по другим источникам, – в 1774, 1776 или даже 1779 году), в семье Курляндского губернского предводителя дворянства. Получив в доме отца прекрасное образование, тринадцати лет поступил вице-вахмистром в Лейб-гвардии Конный полк. В 1794 году Теодор (так на немецком звучало его имя) был выпущен в армию капитаном.

Действительную службу начал в Конно-Гренадерском Военного ордена полку, с которым в том же году принял участие в войне с Польшей. За штурм Праги (пригорода Варшавы) был награжден орденом святого Георгия 4 класса (*«...за отличное мужество, оказанное 24-го октября при взятии приступом сильно укрепленного Варшавского*

*предместия, именуемого Прага, где, находясь в числе волонтеров, первым взошел на батарею»).*

С воцарением Императора Павла карьера Корфа пошла чрезвычайно быстро: в течение одного лишь 1798 года он был произведен в ротмистры и в полковники, а в 1800 г. и в генерал-майоры - с назначением командиром драгунского принца Евгения Вюртембергского полка (впоследствии - Лейб-драгунский Псковский).



Генерал Фёдор Карлович Корф

Император Александр I также благоволил к Корфу, и в 1801 году он был назначен шефом своего полка и сохранял это звание до 1814 года. Походы 1806 и 1807 гг. были началом его военной известности. Назначенный бригадным командиром (Корф командовал сразу двумя полками - Орденским кирасирским и Псковским драгунским), он участвовал почти во всех сражениях в Пруссии и особенно отличился в битве под Прейсиш-Эйлау, где получил ранение в руку, и за это сражение он был награжден орденом Георгия 3-й степени (*«В воздаяние отличного мужества и храбрости, оказанных в сражении против французских войск 27-го января при Прейсиш-Эйлау»*).

*сражении против французских войск 27-го января при Прейсиш-Эйлау»*).

Вылечившись от раны, Фёдор Карлович возвратился в армию, сражался под Гутштадтом и за боевые отличия был награжден золотой шпагой с алмазами и прусским орденом Красного Орла I степени.

В сражении при Гольмине несколько раз водил свои полки в атаку и, по донесению начальника дивизии, князя Голицына, *"всюду ободрял подчиненных, храбро делал отпор превосходной числом неприятельской коннице и поражал ее"*. Орден Святого Владимира 3 степени был наградой Корфу за это сражение.

В 1810 г. за успешное выполнение Корфом поручения по разграничению границ России с Австрией, уступившей нам Тарнопольскую область, он был пожалован генерал-адъютантом и после непродолжительного командования 2-й кавалерийской дивизией в апреле 1812 года назначен командиром II резервного кавалерийского корпуса, вошедшего в состав 1-й Западной армии.

Прикрывая движение этой армии к Дриссе, Корф успешно отбивал атаки кавалерии Мюрата у Свенцяи. *«Не взирая на непомерно превосходную неприятельскую кавалерию, благоразумными распоряжениями и мужеством не только отражал нападения неприятельские с успехом, но и часто одерживал видимую над ним поверхность, равномерно при отступлении армии от Дорогобужа, командуя резервным корпусом, подкреплял арьергард армии в бывших ежедневных с неприятелем сражениях».*

При отступлении от Смоленска в течение суток упорно оборонял Петербургское предместье этого города (удостоен алмазных знаков ордена святой Анны I степени), а *"славным днем в жизни Корфа стал великий день Бородина"*, ибо здесь ряд атак двух его кавалерийских полков имел результатом то, что поле битвы осталось за нами».

Командующий русской армией, М.И.Кутузов, в своём представлении к награждению Корфа за Бородинское сражение, написал: *"Командуя 2-м и 3-м кавалерийскими корпусами,, с отменною храбростию", присутствием духа и благоразумием часто опрокидывал неприятельскую конницу... и много способствовал последней кавалерийской атаке, которая положила конец сражению".* Наградой за Бородино был ему чин генерал-лейтенанта.

Затем Корф принимал участие в сражениях при Малоярославце, Вязьме (здесь Псковский кирасирский полк под его командой уничтожил французских кирасир и после этого получил французские латы) и Красном (награждён орденом Святого Владимира 2 степени). В 1813–1814 гг. генерал-лейтенант храбро сражался при Пределе, Рохлице, Вальдгейме, Дрездене, Бишофсверде, Плове, Бауцене, Рейхенбахе, Герлице, Гольдберге, Кацбахе и Левенберге (где им было отбито у французов 2 орла, 16 пушек и захвачено 3500 человек пленных), под Лейпцигом. После блокады Майнца он участвовал в сражениях под Парижем и, наконец, при новом появлении Наполеона был вторично со своим кавалерийским корпусом в Париже.

В 1815 г. при распределении командного состава армии по старшинству Корф получил в командование 2-ю драгунскую дивизию,



Памятная доска на стене Успенского мужского монастыря в Орле

но в 1816 г. он вновь был назначен командиром II резервного кавалерийского корпуса, которым и командовал до смерти своей в 1823 г. По отзыву современника, А.И.Михайловского-Данилевского, барон Корф был *"человек души возвышенной, всеми любимый и уважаемый. Мягкий характером, добрый до безрасчетливости, за правоту готов был жертвовать всем. Чуждый притворства и лести, он не терпел их в подчиненном. Мощный телом, исполин ростом, бодро переносил он военные труды, обладая притом особенным искусством, когда все другие нуждались в хлебе, угощать товарищей своих вкусными и прихотливыми обедами"*.

Генерал-лейтенант Фёдор Корф умер в Орле от воспаления легких 30 Августа 1823 г. и похоронен был на кладбище около архиерейского дома. На его могиле офицерами 2-й кирасирской дивизии на собранные ими 10 000 рублей поставлен был памятник работы известного скульптора, профессора Мартоса.

К сожалению, ни могилы, ни памятника Корфу не сохранилось. Но в 1997 году на стене действующего ныне Успенского мужского монастыря (улица Ермолова, 11а), была размещена мемориальная плита с надписью: *«Герой Отечественной войны 1812 года, генерал-лейтенант и генерал-адъютант, командир 2-ого резервного кавалерийского корпуса барон Фёдор Карлович Корф (1773-1823). Здесь на территории Успенского мужского монастыря похоронен Ф.К.Корф»*.

## **Орловский приют генерала Гончарова**

Губернская газета «Орловский вестник» 6 марта 1902 (в №62) на первой странице поместила короткую информацию - некролог: *«Жена и дети извещают о кончине генерал-лейтенанта Феодора Осиповича Гончарова, последовавшей 5 сего марта»*. На следующий день в газете появилось дополнительное извещение, подписанное вдовой покойного, Марией Адамовной, что *«Вынос тела в Петропавловский собор состоится в пятницу, 8 марта, а погребение будет на Троицком кладбище»*.

### *Родом из Одессы*

В последний путь проводить своего бывшего командира пришли все офицеры из квартировавших в Орле 141-го пехотного Можайского и 142-го пехотного Звенигородских полков. И не надо было вышестоящему начальству отдавать по этому поводу приказ, поскольку за годы командования 1-й бригадой 36-й пехотной дивизии Фёдор Осипович Гончаров заслужил не просто непререкаемый авторитет, но также искреннее уважение подчинённых. И было за что!

Фёдор Гончаров родился в 1830 году в Одессе, в семье столоначальника Карантинной конторы, которая в первой половине XIX века контролировала черноморское побережье от проникновения на него чумы и холеры с турецких торговых судов. Титулярный советник Осип Гончаров женился по большой любви на 18-летней Елизавете Гинкуловой, дочери настоятеля Свято-Николаевского собора в Овидиополе (что рядом с крепостью Аккерман). Красавица-молдаванка, «брюнетка с чёрными глазами», она подарила мужу двух детей и скончалась в возрасте 22 лет, когда младшему из сыновей, Степану, не исполнилось ещё и года.

На смерть супруги безутешный Осип Гончаров сочинил стихи:

*«Твой – в небесах бессмертный дух,  
а прах сей камень покрывает.  
Кто ж без тебя, мой милый друг,  
меня в сей жизни утешает?  
Одни тобой рожденные сыны –  
твой образ драгоценный».*

Детей с младенчества воспитывали дедушка и бабушка, а после их смерти – одесский родственник, тем более, что вскоре ушёл из жизни сам отец, так и не смирившийся с потерей любимой жены.

### ***Ранен под Чолоком***

Учились братья Гончаровы в Одессе, в престижном Ришельевском лицее. Фёдор Осипович, закончив его по юридическому отделению в 1851 году, сразу же поступил на военную службу в Литовский пехотный полк. В его составе Фёдор Гончаров стал участником Восточной (Крымской) войны, отличившись летом 1854 года в сражении с турками под Чолоком.

Чолок – это река в Закавказье, впадающая в Черное море. В мае 1854 года значительный турецкий отряд (около 12 тысяч – А.П.) двинулся от Батума на Озургеты, имея в виду конечной целью Кутаис. Навстречу им направились русские войска (10 тысяч штыков при 18 орудиях) под начальством князя Андронникова. 2 июня они беспрепятственно заняли город Озургеты, откуда турки отошли на сильную оборонительную позицию за рекой Чолок. Их силы, с прибывшими подкреплениями, возросли к 4 июня до 30 тысяч человек. И, несмотря на это, князь Андронников решил атаковать неприятельскую позицию. Оборона турок была упорна, они переходили в контратаки, при отражении которых важную роль сыграли два батальона стрелков Литовского

полка. В одном из них храбро дрался с турками и был ранен подпоручик Фёдор Гончаров.

Противник уступил отчаянному натиску наших войск и обратился в бегство, бросив свой лагерь, всю артиллерию (13 орудий с зарядными ящиками), вьючный транспорт из 500 мулов и казну.

### *Командир Можайцев и звенигородцев*

После окончания Крымской войны Фёдор Гончаров продолжил службу на Кавказе, к окончанию которой был отмечен серебряной медалью «За покорение Кавказа 1859-1864» и Черным крестом с мечами «За службу на Кавказе» (1864 год).

К 1870 году он дослужился до чина полковника и стал командиром Воронежского резервного батальона. Спустя несколько лет такую же должность Гончаров занимал в Полтаве, а в конце 80-ых годов XIX века, получив генеральское звание, Фёдор Осипович был назначен командиром 1-ой бригады 36 пехотной дивизии. Эта воинская часть Российской Императорской армии, входившая в 13 армейский корпус, базировалась на территории Орловской губернии. Её 2-ая бригада (143-й Дорогобужский и 144-й Каширский пехотные полки) квартировала в Брянске, а штаб 1-й бригады (141-й Можайский и 142-й Звенигородский пехотные полки) находился в губернском Орле.

Вот здесь и провёл последние годы жизни Фёдор Гончаров – вначале командуя 1-й бригадой, а последние три года находясь в запасе. Несмотря на приличный возраст (под 70 лет – А.П.), Фёдор Осипович, ни в чём не уступал более молодым подчинённым. К тому же, он умел с ними обращаться, поэтому авторитет генерал-лейтенанта был непререкаем. Этому, конечно, способствовали его боевой опыт и награды (шесть российских орденов). Живя в Орле, Фёдор Осипович стал орловским дворянином.

### *Жена и дети генерала*

А теперь пришла пора поговорить о семейной жизни храброго генерала. 30 апреля 1865 года в Симферопольском кафедральном соборе он венчался с дочерью командира Селенгинского пехотного полка Марией Адамовной Сабашинской. Брак по любви оказался очень крепким и многодетным: 11 сыновей и дочерей родилось у супругов в течение 17 лет. Трое детей – Фёдор, Мария и Евгения – умерли в детстве или в молодые годы. Младшая из дочерей, Евгения Фёдоровна, скончалась 27 августа 1897 года (в 19 лет) и стала первой из Гончаровых, похороненных в Орле на Троицком кладбище.

Пятеро сыновей – Михаил, Александр, Николай, Степан, Митрофан, следуя отцу, стали профессиональными военными, а четверо из них, как и батюшка, начинали служить в Литовском полку.

Самый младший, Митрофан Фёдорович Гончаров, закончив кавалерийское училище, в чине корнета, в составе 51 Драгунского Черниговского полка, отправился на русско-японскую войну. Во время разведки, при переправе через р. Тайдзыхе под Ляояном (29 июля 1904 года), он погиб геройской смертью. 1 июля 1908 года его прах перевезли в Орел и захоронили рядом с матерью (*Мария Адамовна пережила мужа всего на два года – А.П.*), отцом и сестрой на Троицком кладбище. Где именно их могилы – отыскать теперь едва ли возможно.

Непосредственно с Орлом оказалась связана жизнь ещё двух дочерей генерал-лейтенанта. Анна Фёдоровна Гончарова («брюнетка с чёрными глазами») вышла замуж за сына предводителя Малоархангельского уездного дворянства – Константина Александровича Мейера. Венчание их проходило 5 мая 1895 года в церкви Бахтина кадетского корпуса. А потом молодые уехали по месту службы мужа в Самарскую губернию. Там у них родился единственный сын – Георгий (Юрий) Константинович Мейер, ставший, кстати, первым внуком генерала Гончарова. Он тоже впоследствии избрал военную карьеру, участвовал в гражданской войне на стороне белых и в 1920 году эмигрировал за границу. Прожил там долгую жизнь, оставив после себя мемуары, в которых большое место уделил Орлу и Орловщине.

Юлия Фёдоровна Гончарова («светлая блондинка с голубыми глазами») училась в Смольном и Екатерининском институтах благородных девиц. Она стала женой Петра Африкановича Сафонова, потомственного орловского дворянина, младшего сына «старинного приятеля» И.С.Тургенева Африкана Васильевича Сафонова, того самого, кому принадлежал одно время знаменитый дом Лизы Калитиной на Верхне-Дворянской улице (*ныне – улица Октябрьская, д.1 – А.П.*). Юлия Фёдоровна Сафонова служила классной дамой в Николаевской женской гимназии, начальницей которой была старшая сестра её мужа, Зинаида Африкановна. У П.А. и Ю.Ф. Сафоновых было трое детей, первый сын, Кирилл, умер в младенчестве в 1907 году, и его похоронили там же, где уже покоились его дедушка и бабушка, - на Троицком кладбище Орла.

О Михаиле Фёдоровиче Гончарове, старшем из всех детей генерала, стоит сказать отдельно. Он дослужился до полковника, а потом вышел в отставку. Увлекался археологией и писанием «Семейной хроники» Гончаровых, благодаря которой и стали известны многие подробности, о которых ты, читатель, узнал.

Я же выражу слова признательности члену Историко-родословного общества (Москва) Г.В.Ровенскому, исследование которого по родословию дворян Гончаровых было использовано мной при написании данного очерка.

*Р.С. И напоследок. Как ни удивительно, хотя генерал-лейтенант Фёдор Осипович Гончаров никакого отношения не имел к Наталье Николаевне Гончаровой, жене Александра Сергеевича Пушкина, но именно в архиве генерала оказались стихи великого поэта «Я жил тогда в Одессе пыльной». Советую прочесть их, читатель. Пушкинский образ грязного, но мирного города, где*

*«...ходит гордый славянин,  
Француз, испанец, армянин,  
И грек, и молдаван тяжёлый,  
И сын египетской земли,  
Корсар в отставке Морали»,*

*поневоле заставит нас вспомнить Одессу сегодняшнего дня. И сравнение это будет не в пользу современной...*



Ришельевский лицей в Одессе (дом Вагнера)

## ***142-й Звенигородский пехотный полк и его офицеры***

*О том, что Орёл – «город первого салюта», знают многие в нашей стране уже более 70 лет. А в 2007 году Орёл стал ещё и одним из трёх первых «городов воинской славы России». Подавляющее большинство россиян, да и самих орловчан уверены, что эти почётные звания областной центр заслужил за отличия в Великой Отечественной войне. В основном, так оно и есть, но воинская слава и доблесть Орла создавалась многие годы и даже десятилетия.*

### **Спасти полковое знамя**

Отдельные страницы героической истории города связаны с воинскими частями, дислоцировавшимися в Орле во второй половине XIX – начале XX века. Одной из них был 142 пехотный Звенигородский полк, входивший в состав 36 пехотной дивизии. О нём я и поведу далее речь.

Коротко скажу об истории полка. Он был сформирован 13 октября 1863 года из трёх батальонов Якутского полка, а наименование 142-го Звенигородского пехотного получил 25 марта 1864 года. Через полтора десятка лет полк стал четырёхбатальонным. В русско-турецкой (1877-1878) и русско-японской (1904-1905) войнах участвовать ему не довелось.

Зато с началом Первой Мировой 142-й Звенигородский пехотный попал в страшную «мясорубку» во время Восточно-Прусской операции. Полк под командованием полковника Венецкого входил тогда в состав 2-ой армии генерала Самсонова. В сражении с немецкими войсками при Танненберге (26-30 августа 1914 года) эта армия потерпела тяжёлое поражение. 142-й Звенигородский пехотный полк вместе с несколькими другими частями оказался в окружении, отчаянно сопротивлялся и потерял убитыми большинство своих солдат и офицеров.

Когда возникла угроза пленения оставшихся в живых, то они (известны имена двух героев) пытались любой ценой сохранить полковые регалии. Поручики Лапин и Исаев сорвали знамя с древка, разрезали полотнище на части и поделили его между офицерами, которые и хранили знамя в плену, так же был спасён Георгиевский крест со знамени. Его выломали из наверхия древка, и один из офицеров полка пронес его через весь плен.

В декабре 1914 года в лагере Оснабрюк немцы нашли на пленном поручике Исаеве кусок полотнища, с надписью «С нами Бог». Но Исаев даже под пытками не стал давать немцам никаких показаний. Этот фрагмент знамени вплоть до 1945 года хранился в Берлинском Цейхгаузе и был возвращён на Родину только в конце Второй Мировой войны. Большую же часть полотнища спасли и после Первой Мировой

войны вывезли из Германии в Россию, где в 1919 году куски полкового знамени были представлены в штаб Добровольческой армии и впоследствии сданы в русский храм в Белграде. Здесь они хранились до 1945 года.

### *Дядя и племянник*

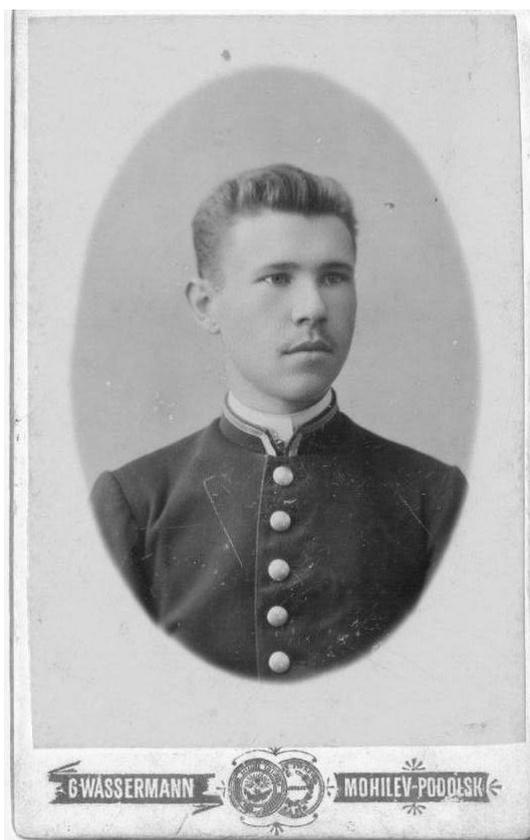
А теперь о других офицерах-звенигородцах, чьи фамилии стали мне известны благодаря знакомству с внучкой одного из них, жительницей Орла, Ольгой Михайловной Михайловой. В её маленькой уютной однокомнатной квартире по улице Комсомольской на почётном месте висит портрет человека в мундире подполковника Российской императорской армии. Это родной дед Ольги Михайловны – Семён Емельянович Милешко.

Уроженец Малороссии, в середине 1880-ых годов Милешко получил назначение в 142 пехотный Звенигородский полк, с которым отныне оказалась связана вся его жизнь. Некоторое время служба Семёна Емельяновича проходила в Ельце, а в последующие годы – в Орле. Как командира и человека его уважали младшие офицеры и солдаты.

Незадолго до начала Первой мировой войны Милешко вышел в отставку, поселившись со своей большой семьёй в купленном на военные накопления домике по 1-ой Пушкарной улице.

В 142 пехотном Звенигородском служил и родной племянник подполковника С.Е.Милешко – Василий Масинёв. В 1899 году он поступил в полк вольноопределяющимся, через три года получил офицерский чин и занимал в полку должность начальника вычно-пулемётной команды. В самый канун Первой мировой войны Василий Прохорович был произведён в капитаны и в этом чине отправился на фронт. В сражении под Танненбергом Масинёв попал в плен и пробыл в нём почти четыре года. По возвращении в Орёл он добровольно вступил в Красную Армию. Служил, правда, в нестроевых частях – делопроизводителем Орловского губвоенкома, потом – завхозом отдела снабжения 55 стрелковой дивизии, а в 1920-ом году – начальником 32 этапного участка Южного фронта и Северо-Кавказского фронтов.

Во время долголетних военных скитаний бывший капитан царской армии нашёл свою вторую половину – выпускницу медицинского факультета французского университета Сорбонна Веру Ботезат, которая работала врачом в одном из госпиталей Красной Армии. Вместе с нею Василий Прохорович вернулся в Орёл, в свой дом, построенный им на Болховской улице за несколько лет до начала Первой Мировой войны.



Василий Масинев (фото 1899 года)



Василий Прохорович Масинев со старшей дочерью Гали (1909 год)

### *Катками - по судьбам, танками - по могилам*

В Орле, после окончания гражданской войны, «осели» на постоянное жительство и ещё два бывших офицера 142 пехотного Звенигородского полка - штабс-капитаны Пармен Артемьев и Борис Барт. Первый служил в полку командиром 11 роты, второй - адъютантом командира 4 роты. Всем звенигородцам пришлось встраиваться в советскую действительность.

Самый старший из них, Семён Емельянович Милешко, заработавший в императорской армии хорошую военную пенсию, сразу же после революции её лишился и был вынужден сначала подрабатывать в советских учреждениях, а потом занялся садом и огородом возле собственного дома. И надо сказать, достаточно успешно: большую часть продуктов питания для семьи он выращивал сам, иногда даже кое-что продавая на рынке. Три его дочери, благополучно выйдя замуж, тоже, вроде бы, устроили свою жизнь.

Василий Масинёв, племянник Семёна Емельяновича, трудился начальником отдела в службе сборов Орловско-Витебской железной дороги, а потом несколько лет работал счетоводом в разных организациях Орла.



Оркестр 142-го Звенигородского полка

По словам Ольги Михайловны Михайловой, дядя с племянником и их семьи тесно общались друг с другом, благо их дома находились неподалёку.

Иногда в гости к Семёну Емельяновичу Милешко приходили поговорить и сыграть партию-другую в преферанс два вышеупомянутых бывших офицера, его товарищи по полку – Пармен Парменович Артемьев и Борис Павлович Барт. Они служили в советских учреждениях Орла и были значительно моложе отставного подполковника Милешко, но это не мешало им ни в беседах, ни за карточным столом.

Казалось бы, жизнь всех «бывших» понемногу наладилась, но так только казалось. С середины 30-ых годов начался новый этап поиска «врагов народа». В 1937 году были арестованы два зятя Семёна Емельяновича Милешко - Андрей Григорьевич Павлоградский, помощник бухгалтера обувной мастерской промкомбината, и Николай Андреевич Рыжик, бухгалтер Орловского финансово-экономического техникума. Оба они особой «тройкой» УНКВД по Орловской области были приговорены к расстрелу. Приговоры привели в исполнение немедленно.

Арестовали в том же году и однополчан Милешко, которые регулярно навещали его дом на 1-ой Пушкарной, - бывших штабс-капитанов, уроженца Ливен Пармена Артемьева и смолянина Бориса Барта. Они тоже были расстреляны.

Семён Емельянович в те дни готовился к худшему. Жена собрала ему узелок заранее. Отставного подполковника вскоре действительно арестовали и увезли в неизвестном направлении. Но через два дня Милешко вернулся. Старуха-смерть с косою прошла мимо. Почему так случилось - мы уже не узнаем, видно, как-то сумел Семён Емельянович повлиять на допрашивавших его работников НКВД, а может, и возраст сказался - ведь было ему уже далеко за 70.



Подполковник  
Семён Емельянович Милешко

Правда, после таких испытаний бывший подполковник «протянул» недолго: он скончался в феврале 1939 года. Похоронили С.Е.Милешко на Крестительском кладбище Орла. Его могила, как и захоронения всех погребённых рядом членов его семьи, не сохранились: спешно отступая из Орла в начале августа 1943 года, по этой части кладбища прошли немецкие танки.

### *Василий Масинёв - последний из звенигородцев*

Василию Масинёву, последнему их четырёх звенигородцев-офицеров, повезло больше, чем товарищам. В таких случаях говорят, что «Не было бы счастья, да несчастье помогло». Заболела в 1931 году его жена Вера Александровна, сама прекрасный врач-диагност и лекарь. Ей потребовалось срочно поменять климат. И семья Масинёвых, бросив собственный дом в Орле (если точнее, передав его бесплатно местным властям с условием проживания в одной из комнат сестры Василия Прохоровича), переехала сначала в Геленджик, а потом в Подмоскowie. Так бывший капитан исчез из-под пристального наблюдения всевидящего ока НКВД. И благодаря этому не был арестован, остался жив и умер собственной смертью в феврале 1955 года. Похоронили

Василия Прохоровича Масинёва на Бутовском кладбище в Москве, рядом со скончавшейся ранее женой.

Где могилы расстрелянных в 1937 году Пармена Артемьева и Бориса Барта – один Бог знает.

Подробности биографий и фотографии славных звенигородцев я получил от тех, кто бережно хранит их память – от Ольги Михайловны Михайловой и Веры Андреевны Поповой – внучек – соответственно – Семёна Емельяновича Милешко и Василия Прохоровича Масинёва.

## **Генерал с родины Соловья-разбойника**

*Есть в Хотынецком районе, у самой границы с Карачевским районом Брянской области, легендарное село Девять Дубов, одно из самых древних в здешних, когда-то лесных и почти непроходимых, а ныне основательно поредевших, местах. Именно тут, по преданиям, русский богатырь Илья Муромец, едучи в Киев-град, победил Соловья-разбойника, который никому проходу-проезду не давал.*

*Илья Муромец, как показали исследования историков, был реально существовавшим историческим персонажем. Закончив ратный труд, он посвятил свою дальнейшую жизнь служению Богу, постригшись в монахи Феодосиева монастыря. В 1643 году Илья Муромец был причислен к лику святых. Русское воинство считает богатыря одним из своих покровителей.*

### **Под покровительством Ильи Муромца**

Наверняка Илью Муромца считал своим небесным защитником и поручик Андрей Цуриков, один из многочисленных представителей старинного и достаточно многочисленного дворянского рода, владевшего вотчинами в Орловской, Курской и Воронежской губерниях. Только в Орловской губернии Цуриковы имели земли в Севском, Мценском, Орловском, Малоархангельском и Карачевском уездах.

Андрею Афанасьевичу Цурикову принадлежало имение при карачевском селе Девять Дубов и близлежащем сельце Юрьево. Закончив службу военную, он жил здесь обычной помещичьей жизнью. У него и жены его Федосьи Николаевны родилось пятеро детей: Мария, Сергей, Владимир, Николай, Афанасий и Алексей. После смерти Андрея Афанасьевича в начале 80-ых годов XIX века вдова и дети унаследовали это имение.

Именно Цуриковы из Девяти Дубов, вдохновляемые легендой о покровительстве Ильи Муромца, и прославили свой род на воинской

службе. Трое из детей Андрея Афанасьевича – Сергей, Владимир и Афанасий Андреевичи, - дослужились до генеральских званий.

Генерал от кавалерии Афанасий Цуриков обогнал в чинах и званиях всех своих однофамильцев и родственников. О нём и будет мой рассказ.

### *Командир 51 Черниговского драгунского полка*

Родился будущий генерал 1 июня 1858 года. Обучался вначале дома, а потом - в Орловской Бахтина военной гимназии. В службу вступил в августе 1874 года. Окончил Николаевское кавалерийское училище (1876 год) и поступил в лейб-гвардии Уланский Его Величества полк. В апреле 1877 года был переведён командиром эскадрона в лейб-гвардии Гродненский гусарский полк, в составе которого стал участником русско-турецкой войны 1877-1878 годов. Воевал храбро, о чём свидетельствует первая, полученная им в 20-летнем возрасте награда, - орден Святой Анны 4-ой степени.



Афанасий Андреевич  
Цуриков

После присвоения в 1881 году звания поручика Афанасий Цуриков поступил в Николаевскую академию Генерального штаба, которую закончил в 1883 году по первому разряду. За 10 последующих лет службы он вырос до полковника.

Когда в конце XIX века приказом императора Николая II был возрождён расформированный в 1826 году за участие в восстании декабристов 51 Черниговский драгунский полк, первым его командиром стал Афанасий Цуриков. Он командовал полком, который базировался в Орле, с 1896 по 1901 год. Шефом Черниговского полка была Великая Княгиня Елизавета Фёдоровна.

18 мая 1899 года она впервые посетила наш город с целью знакомства с подшефным полком. Вместе с нею прибыл её муж, Великий князь Сергей Александрович, в то время – командующий войсками Московского военного округа, и многочисленное высокое начальство.

Почётный караул полка достойно встретил гостей на вокзале, а потом и все черниговцы показали свои умения во время смотра на

учебном плацу. По окончании смотра Великая княгиня выразила офицерам полка благодарность.

На завтраке в офицерском собрании, где подводились неофициальные итоги визита, Афанасий Андреевич Цуриков, сидевший рядом с Великой княгиней (по правую руку от неё), произнося второй тост, предложил всем присутствующим выпить за здоровье Елизаветы Фёдоровны. В общем и целом, за всё время визита, командир полка не ударил в грязь лицом перед членами императорской семьи.

Русско-японскую войну Афанасий Цуриков встретил генерал-майором, начальником штаба 10-го армейского корпуса, который принимал самое непосредственное участие в военных действиях (оборона д. Сахепу и оборонительные бои у д. Падавязе - 2, 3 и 4 октября 1904 года). В конце войны, «за отличия в делах против японцев», генерал Цуриков был удостоен сразу двух орденов - Святой Анны 1-ой степени с мечами и Святого Станислава 1-й степени с мечами. А вскоре - ещё и золотым оружием «За храбрость».

### *Брусилов, Цуриков, Корнилов*



Генерал Брусилов

В январе 1914 года Афанасий Андреевич Цуриков был назначен командиром 24-го армейского корпуса, а через три месяца удостоился и нового чина - генерала от кавалерии.



Генерал Корнилов

С началом Первой мировой войны корпус генерала Цурикова вошёл в состав 8 армии генерала Брусилова, принимал участие в сражениях на реках Золотой и Гнилой Липе. 22 августа (4 сентября) войска 24-ого корпуса овладели Галичем. Командир корпуса Цуриков доносил Брусилову, что противник бежит, что взято до 40 орудий, что сильные форты

оставлены без выстрела. В ночь с 23 на 24 августа был взят Николаев. Так блестяще завершилась Галич-Львовская операция русских войск, ставшая значительным этапом в Галицийской битве в самом начале Первой мировой войны.

Удачное наступление армии Брусилова чуть позже было подкреплено умелой обороной позиций южнее Перемышля, а в октябре 1914 года началось новое наступление 8 армии – на карпатском направлении. К 7 ноября именно 24 корпусу генерала Цурикова удалось сбить австро-венгерские войска с главного хребта. За бои в Карпатах он был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени.



Генерал Цуриков (слева от женщины) во время проводов в 24-й корпус

В составе корпуса А.А. Цурикова воевала 48-я пехотная дивизия под командованием генерала Лавра Корнилова (*да, того самого, организатора будущего мятежа – А.П.*). Сам Лавр Георгиевич, обладая несомненной личной храбростью, проявил во время наступлений недисциплинированность, нарушая приказы командира корпуса. В результате этого 48 дивизия дважды попадала в окружение и несла тяжёлые потери.

Во время второго окружения дивизия почти полностью была уничтожена, а сам Корнилов попал в плен (откуда впоследствии бежал – А.П.). Брусиллов собирался отдать Корнилова под суд за невыполнение приказов, но Цуриков умолил его этого не делать – «не наказывать за храбрость, хотя бы и бессмысленную». В результате Брусиллов объявил в приказе выговор и Цурикову, и Корнилову.

В конце 1916 года генерал Цуриков пошёл на повышение – стал командующим вначале 10-й, а потом – 6 армией (на Румынском фронте). После Февральской революции одним из первых командующих Афанасий Андреевич ввёл полковые комитеты, с которыми сумел наладить сотрудничество, и его армия даже после свержения самодержавия сохраняла свою боеспособность.

Во время выступления генерала Л.Г. Корнилова Цуриков не стал, как когда-то, защищать своего бывшего подчинённого, – он занял позицию поддержки Временного правительства и на совещании 28 августа 1917 года вместе с представителями комитетов подписал



То, что осталось от склепа  
Цуриковых в селе Девять Дубов

что сохранилось. Сама помещичья усадьба была ещё в 20-ые годы XX века уничтожена полностью. Остался только фамильный склеп Цуриковых, который в советское время использовался как склад инвентаря. Потолок его

резолуцию, объявлявшую Корнилова изменником и требовавшую предания его суду. После Октябрьской революции генерал Цуриков оставался некоторое время на своем посту.

В декабре 1917 года он ушёл в отставку. Жил в Одессе, крайне нуждался, зарабатывая на жизнь шитьем сапог. В 1920 году, в числе нескольких бывших генералов царской армии, поступил на службу в РККА, был членом Особого совещания при Главнокомандующем всеми вооруженными силами республики. С марта 1921 года стал инспектором кавалерии РККА. Умер в Москве 23 мая 1923 года.

*P.S. От имени Цуриковых в селе Девять Дубов и сельце Юрьево мало*

ещё совсем недавно украшала светлая Богородичная звезда на темно-синем небе. Но её уничтожили мародёры во время длительных поисков несуществующего клада. Гробы, по одной версии, просто выкинули, по второй, - где-то перезахоронили, но где - неизвестно.

До настоящего времени два населённых пункта Орловской области (в Мценском и Малоархангельском районах) носят фамилию ушедшего в историю известного дворянского рода, когда-то владевшего здесь многими именьями и землями.

## Поляк из Орла Андрей Зайончковский

150-летний юбилей генерала и выдающегося военного историка Андрея Медардовича Зайончковского, случившийся в декабре 2012 года, никак не был отмечен на его родине, как, впрочем, и где-либо в России. Лично мне это кажется чрезвычайно несправедливым, поскольку капитальные труды известного учёного, посвящённые Крымской и Первой Мировой войнам, до сих пор не потеряли своей актуальности. А генерал Брусиллов, его командир и почти земляк, ставил Андрея Медардовича в ряд лучших военачальников начала XX века.



Генерал Андрей Медардович  
Зайончковский

### **Командир 85-го Выборгского пехотного полка**

Один из пяти детей начальника Орловской телеграфной станции, Андрей Зайончковский родился в Орле 8 (20 – по новому стилю – А.П.) декабря 1862 года, но по происхождению принадлежал к старинному польскому дворянскому роду Зайончек, известному ещё с пятнадцатого века и оказавшемуся в России в самом конце века XVIII-ого в связи с разделами Речи Посполитой.

Здесь мне придётся сказать пару слов о фамилии будущего военачальника и военного историка. Во всей доступной литературе о нём она произносится через «й» после первого слога «За», но вот в

Алфавитном Указателе Дворянских родов Орловской губернии, написание это выглядит несколько иначе: «Заіончковскій», то есть, в современном виде должна произноситься как «ЗаИончковский». Конечно, это не очень существенно, поскольку звук слышится тот же, но, тем не менее...

Андрей получил начальное военное образование в Орловском Бахтина кадетском корпусе, а потом закончил Николаевское инженерное училище, из которого был выпущен подпоручиком в 5-ый сапёрный батальон Российской Императорской армии.

Уже в 26 лет Зайончковский – выпускник Академии Генерального штаба, служил, в основном, по гвардии и был вхож ко двору императора Николая II (*в разное время был помощником двух Великих Князей – Михаила Николаевича и Александра Михайловича – А.П.*).

Начало русско-японской войны он встретил в чине полковника, командуя 85-м пехотным Выборгским полком, и отличился с ним в сражениях на реке Шахэ и под Мукденом.

Три ордена, золотое оружие «За храбрость», звание генерал-майора и назначение командиром бригады в 3-ю Сибирскую пехотную дивизию стали наградами храброго выпускника Академии Генштаба. После окончания русско-японской войны Андрей Зайончковский был назначен командиром элитного лейб – гвардии Егерского полка, а с 1908 по 1912 год командовал 1-ой гвардейской (Петровской) бригадой 1-ой гвардейской пехотной дивизии.

#### **«Один из наших лучших военачальников...»**

В конце июля 1912 года генерал-лейтенант Зайончковский стал начальником 37-й пехотной дивизии, с которой и вступил в Первую Мировую войну. С марта 1915 года Андрей Медардович - командир XXX армейского корпуса, который в конце августа того же года вошёл в состав 8-ой армии генерала А.А.Брусилова.

Вот что написал сам Брусилов в мемуарах «Мои воспоминания»:

*«Я был очень рад этому назначению, так как знал Зайончковского уже давно и считал его отличным и умным генералом. У него была масса недругов, в особенности среди его товарищей по службе в генеральном штабе. Хотя вообще офицеры генерального штаба друг друга поддерживают и тащат кверху во все нелёгкие, но Зайончковский в этом отношении составлял исключение, и я редко видел, чтобы так нападали на кого-либо, как на него. Объясняю я это себе тем, что по складу и свойству его ума, очень едко и часто злого, он своим ехидством обижал штабных соратников. К этой характеристике можно ещё прибавить, что это был человек очень ловкий и на ногу не давал себе наступить, товар же лицом показать умел. Что касается*

*меня, то я его очень ценил и считал одним из наших лучших военачальников, невзирая на его недостатки. Но у кого их нет? Его достоинства значительно превышали его недочёты».*

В составе 8-й армии ХХХ армейский корпус Зайончковского летом 1916 года участвовал в наступлении войск Юго-Западного фронта, где действовал на Ковельском направлении.

26-27 мая (8-9 июня) он форсировал реку Стырь, а во время контрнаступления армии 22-26 июня (5-9 июля) в боях у Гусятина разбил 2-й австро-венгерский корпус и форсировал реку Стоход.

После вступления в войну Румынии, в июле 1916 года, Зайончковский был назначен командиром XLVII армейского корпуса (61-я пехотная дивизия генерал-майора П.Н. Симанского и 1-я Сербская добровольческая дивизия полковника С. Хацича), предназначенного для помощи союзнику. 22 августа 1916 года Зайончковский при поддержке 19-й румынской дивизии перешел в наступление на Базарджик и 24 августа заставил болгарские войска отступить.

После разгрома румынских войск и сдачи 27 августа Силистрии корпус вобрал в себя остатки отступавшей 3-й румынской армии и образовал Добруджанскую армию, командующим которой был назначен Зайончковский. 1 сентября встречным ударом у Кокаджи он остановил продвижение 3-й болгарской армии, а 4 сентября отбил контратаку противника. На этом активная роль генерала Зайончковского в Первой Мировой войне закончилась.

22 октября 1916 он был назначен командиром XVIII армейского корпуса, 2 апреля 1917 года переведен в резерв чинов при штабе Петроградского Военного округа, а 7 мая А.М.Зайончковского увольняют от службы с мундиром и пенсией.



Могила генерала А.Зайончковского на Новодевичьем кладбище

### *Рядом с Брусиловым*

Казалось, с военной карьерой он распростился навсегда. Но вскоре произошла Октябрьская революция, и Андрей Медардович Зайончковский стал одним из немногих высших офицеров старой русской армии, кто принял новую власть и вступил вскоре в Красную Армию. Большую роль сыграл его профессионализм во время нахождения в должности начальника штаба 13 армии, той самой, которая одержала победу над деникинцами во время Орловско-Кромского сражения в октябре 1919 года.

В 1922 году Андрей Медардович Зайончковский перешёл на преподавательскую работу в Военную Академию имени Фрунзе и проработал в ней до самой кончины.

Теперь следует сказать ещё об одной странице его биографии. Советская разведка 20-ых годов представила Зайончковского перед зарубежной эмиграцией как руководителя подпольной Монархической Организации Центральной России (МОЦР), созданной, на самом деле, с целью ликвидации активных врагов Советской власти. О том, «стучал» ли он на своих коллег и друзей – история умалчивает. Об этих событиях был снят популярный в 80-ые годы XX века фильм под названием «Операция «Трест»».

И, наконец, стоит сказать о научной деятельности Андрея Медардовича. Начиная с конца XIX века, Зайончковский публиковал свои историко-военные сочинения. Первым, ещё в конце XIX века, стал «Учебник прикладной тактики» (1899 – 1900 годы). За ним последовали труды, посвящённые истории Крыма: «Оборона Севастополя» и «Исторический путеводитель по Севастополю» (1904 и 1907 годы). Потом появились и главные произведения в жизни полководца и военного историка: «Восточная война 1853-1856 годов в связи с современной ей политической обстановкой» (Т.Т. 1-2, 1908 – 1913 годы) и сразу несколько монографий, посвящённых Первой Мировой войне. Они неоднократно переиздавались, в том числе, и в наше время, поскольку исторической своей ценности не потеряли.

Андрей Медардович Зайончковский скончался 22 марта 1926 года в Москве. Похоронили его на кладбище Новодевичьего монастыря, рядом с его командиром, генералом Алексеем Брусиловым.

Род Зайончковских дал России много известных людей, но мой персонаж, генерал от инфантерии и военный историк, превзошёл их всех.

## Орёл в судьбе гетмана Скоропадского

*Об этом человеке – море разлитое информации на просторах интернета, огромное количество книг и статей в периодических изданиях, и потому я не буду подробно перечислять его звания, регалии, заслуги и тому подобное.*

*Остановлюсь лишь на нескольких, как мне кажется, существенных моментах неординарной биографии Павла Петровича Скоропадского.*

### **Особа, приближённая к императору**

24 года он прослужил в Российской Императорской армии, пройдя путь от корнета Кавалергардского полка до генерал-лейтенанта, командующего 34 армейским корпусом в Первую Мировую войну. Участвуя в русско-японской войне 1904-1905 годов, был награждён золотым оружием «За храбрость», а за два десятилетия беспорочной службы удостоился десятка орденов.

Павел Петрович был особой, приближённой к императору (генерал-адъютант Николая II), но, будучи по происхождению из старинного дворянского малороссийского рода (его прапрадед – брат гетмана И.Скоропадского во времена Петра I, пришедшего вместо предателя Мазепы – А.П.), проявил активность вскоре после Февральской революции и быстро стал одним из самых известных военных и политических деятелей зарождавшегося украинского независимого государства.

Скоропадский первым начал проводить украинизацию частей разлагавшейся царской армии, надеясь, таким образом, повысить их боевой дух, а позже он же формировал украинскую национальную гвардию.

Пик деятельности Павла Петровича пришёлся на последние числа апреля 1918 года, когда он устроил государственный переворот, свергнув правительство Центральной Рады и став гетманом – при поддержке немецких оккупационных войск, занимавших к этому времени многие районы Украины.

Немецкая составляющая биографии Скоропадского очень существенна. Так уж вышло, что родился он на территории Германии (3 мая 1873 года – в городе Висбаден земли Гессен – А.П.), в Первую Мировую войну, как русский генерал, храбро воевал с германцами, но в 1918 году, во времена своего гетманства, пользовался их покровительством – до тех пор, пока они не заподозрили в нём слишком большое стремление к независимости.



Павел Петрович Скоропадский



Скоропадский и его жена

Поэтому, по свидетельству одного из современников гетмана, лично встречавшегося с ним незадолго до отречения, бывшего депутата Государственной Думы Н. В. Савича, *"...немцы в последний момент перед эвакуацией выпустили против гетмана и его правительства петлюровские и галицийские банды, желая тем подложить свинью союзникам. ...Они поняли, что ... сам Скоропадский такой же самостийник, как и любой русский человек подмосковного района"*.

Брошенный покровителями, Скоропадский 14 декабря 1918 года отрекся от должности гетмана Украины и удалился в эмиграцию. Вплоть до своей смерти Павел Петрович проживал на территории Германии. Скончался бывший гетман Украины 26 апреля 1945 года в монастыре Меттен (Бавария) после ранения, полученного при бомбардировке американской авиацией железнодорожной станции Платлинг близ Регенсбурга, где в этот момент находился Скоропадский. В 50-ые годы 20 века его прах перезахоронили в Оберстдорфе (ныне – известный горнолыжный курорт на юго-западе Баварии, одно из самых красивых мест в Альпах – А.П.).

### *Семья и дом*

А теперь, уважаемый читатель, - о личной жизни Павла Скоропадского и его связи с Орловщиной.

11 января 1897 года, 23-летний, тогда ещё поручик, будучи «адъютантом Кавалергардского Ея Величества Государыни

Императрицы Марии Фёдоровны полка», взял в жёны 18-летнюю Александру Дурново, представительницу известного в нескольких губерниях России (в том числе и на Орловщине) дворянского рода. Брак состоялся вопреки первоначальной воле отца невесты, генерала от инфантерии Петра Дурново, который хотел для своей единственной и горячо любимой дочери более солидного жениха. Но спустя несколько месяцев генерал смирился, увидев, как нежно молодые относятся друг к другу. Не только красивая, но ещё и умная, начитанная, в меру ироничная, Александра замечательно дополняла мужа. Они пронесли свою любовь через всю их 48-летнюю совместную жизнь.



Семья Скоропадских

Шестеро детей родилось у Скоропадских в счастливом браке – Мария, Елизавета, Пётр, Данила, Павел (умер в три года) и Елена. Павел Петрович служил и воевал, и потому всю тяжесть заботы о детях взяла на себя Александра Петровна. В зимнее время года Скоропадские жили, в основном, в Санкт-Петербурге, а на лето уезжали в свои имения в Тростянец или Положки (Черниговская губерния).

Но время от времени Александра Петровна с детьми проживала, как ни удивительно, в Орле, где у Скоропадских был собственный двухэтажный дом на улице Гостиной, напротив городской думы. Как и когда семейство стало орловскими домовладельцами – пока не известно. Скорее всего, недвижимость в губернском городе приобрёл отец Павла –

Пётр Иванович Скоропадский. В 1906 году в доме Скоропадских, на втором этаже, находилась первоклассная гостиница «Берлин» (в годы Первой Мировой войны переименованная в «Белград» - А.П.).

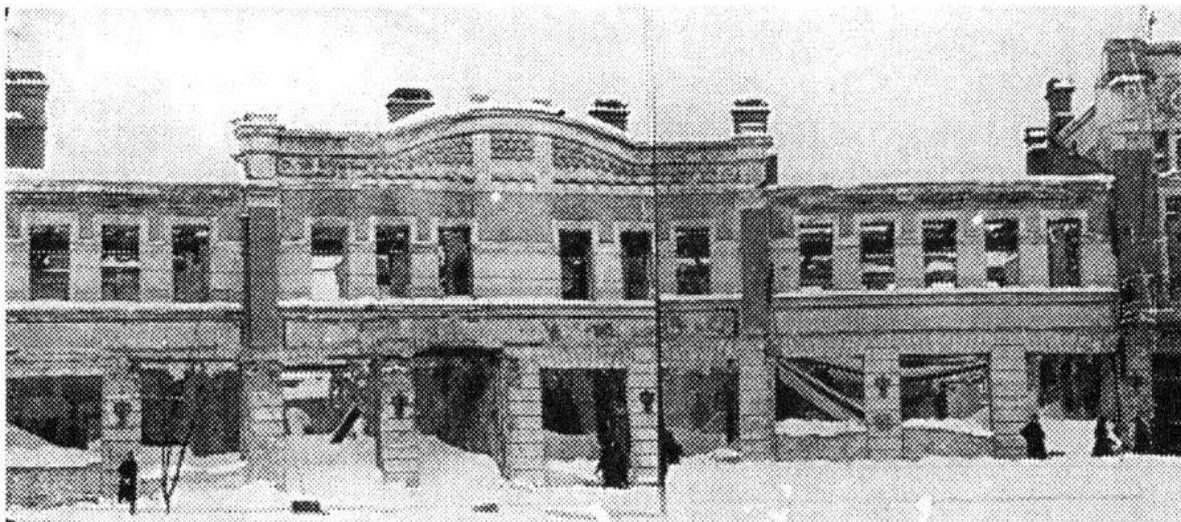


В форме гетмана

По всей видимости, в один из таких приездов Скоропадским пришлось задержаться в Орле на более продолжительное время. Доказательства этому я нашёл в Государственном архиве Орловской области, в фонде 492 (опись 1, единица хранения 1). Среди десятков «Свидетельств об окончании гимназий, училищ и других учебных заведений» имеется в фонде *«Выпись из метрической книги за 1899 год под №288, выданная из церкви Святых Праведников Захария и Елисаветы, что при Кавалергардском Ея Величества полку», выданную 31 декабря 1899 года в городе Санкт-Петербурге».*

В ней сказано, что 14 ноября 1899 года у адъютанта Кавалергардского Ея Величества Государыни Императрицы Марии Фёдоровны полка поручика Павла Петровича Скоропадского и законной его жены Александры Петровны, урождённой Дурново, оба православного вероисповедания, родилась дочь Елизавета (вторая по старшинству - А.П.). Восприемниками девочки (крестными отцом и матерью) стали родные дедушка и бабушка - генерал от инфантерии Пётр Павлович Дурново и вдова действительного статского советника Мария Андреевна Скоропадская. В какой именно женской гимназии обучалась в Орле Елизавета Скоропадская - мне пока выяснить не удалось. А вот по времени - это было в период Первой Мировой войны, в которой участвовал Павел Скоропадский.

А потом начались события двух подряд революций, гражданская война в центре России и на её национальных окраинах. Связи между главой семейства и женой с детьми в таких условиях не было никакой. И только когда Павел Скоропадский стал гетманом Украины, он начал энергичные поиски семьи, которые, в конце концов, увенчались успехом.



Гостиница «Берлин» в 1944 году. Сейчас на этом месте Банковская школа

Адъютант Скоропадского, полковник Зеленецкий, в мае 1918 года разыскал Александру Петровну и детей в Орле и настоятельно порекомендовал ей немедленно уехать вместе с детьми из города. Совет был принят, и с большими приключениями – через Петроград – Александра Скоропадская сумела добраться до Киева, где семья, наконец-то, после долгого перерыва, объединилась. Так – уже навсегда – Скоропадские попрощались с Орлом.

Что касается их орловского дома, то в короткий период нахождения в городе деникинцев (13-20 октября 1919 года) в нём находился их штаб. После революции здание занимали Дворец Труда, Тогсин (универмаг).



Дворец труда

Во время оккупации Орла гитлеровцами в Доме Скоропадских размещалось одно из их карательных учреждений. Отступая из города в августе 1943 года, гитлеровцы взорвали здание. Долгое время считалось, что от него сохранились только подвал и фундаменты. Но несколько лет назад выяснилось, что значительная часть стен дома Скоропадских, всё-таки, сохранилась, и при восстановлении здания в послевоенный период их лишь достроили новыми элементами – колоннами, портиками и другими в стиле неоклассицизма. В настоящее по адресу улица Гостиная, 4 размещается Орловская банковская школа (колледж).

### **В назидание потомкам**

В заключение, уважаемый читатель, - две цитаты. Вот первая из них: «...Узкое украинство - исключительно продукт, привезенный нам из



Книга о Скоропадских

Галиции, культуру каковой целиком пересаживать нам не имеет никакого смысла: никаких данных на успех нет, и это является просто преступлением, так как там, собственно, и культуры нет. Ведь галичане живут обедами от немецкого и польского стола. Уже один язык их ясно это отражает, где на пять слов – четыре польского или немецкого происхождения...».

И второе высказывание: «Насколько я считаю необходимым, чтобы дети дома и в школе говорили на том же самом языке, на котором мать их учила, знали бы подробно историю своей Украины, ее географию, насколько я полагаю необходимым, чтобы украинцы работали над созданием своей

*собственной культуры, настолько же я считаю бессмысленным и губительным для Украины оторваться от России, особенно в культурном отношении».*

Не помешало бы современным украинским политическим «деятелям» почаще обращаться к этим мыслям Петра Скоропадского и прочитывать их на сон грядущий – возможно, не возникло бы той кровавой бойни, которую они устроили собственному народу.

## **Раиса Абакумова – героиня Брестской крепости**

*Война - это дело мужчин. Именно мужчины обязаны с оружием в руках защищать родину, когда на нее нападает враг. А женщины, - женщины провожают отцов, мужей, братьев, сыновей на фронт, а проводив, ждут их возвращения домой. Ждут со страхом и надеждой.*

*Ждут! Но не просто сидят в печали, а работают с утра до поздней ночи, не покладая рук, производя для своих мужчин то, с чем можно воевать – оружие и то, без чего долго не провоюешь: продовольствие, обувь, одежду, оружие.*

*Но, к сожалению, война такая страшная и жестокая штука, что она частенько заставляет и женщин, - матерей, жен, дочерей, сестер - не только много работать в тылу, но и помогать мужчинам непосредственно на фронте.*

*Тысячи девушек и женщин нашей страны ушли на фронт, чтобы воевать – в качестве врачей, медсестер, санинструкторов, фельдшеров, телефонисток, зенитчиц, разведчиц, даже снайперов и лётчиц.*

*Были среди них, конечно же, и орловчанки. Сколько женщин нашего края сражалось с фашистами, мы точно не знаем, да и, вряд ли теперь узнаем (никто в годы войны такой статистики не вел).*

### **Воскресшая Раиса**

Но совершенно точно, были их сотни и тысячи. Я хочу вспомнить об одной из тех, кто уже в первый день войны, 22 июня 1941 года, спасал раненых из-под страшнейших обстрелов и бомбежек, о Раисе Абакумовой – военфельдшере (это звание существовало в Красной Армии до 1943 года и соответствовало армейскому званию лейтенанта – А.П.), операционной сестре 95-го медико-санитарного батальона 125-го стрелкового полка 6-й Орловской стрелковой дивизии.

До середины 50-ых годов XX века о подвигах этой мужественной женщины не знал никто, а когда известный писатель Сергей Смирнов «раскопал» историю героической обороны Брестской крепости и подвига её защитников, некоторое время считалось, что Раисы Абакумовой уже нет в живых. И лишь потом выяснилось: бывший "главный врач» Восточного форта Брестской крепости благополучно проживает на своей родной Орловщине.

Сергей Сергеевич Смирнов встретился с Раисой Ивановной, долго беседовал с нею, результатом чего стало создание им отдельной главы «Сестра» в его замечательной книге «Брестская крепость». Прежде чем процитировать отрывки из этой главы, скажу несколько слов по поводу довоенной биографии Р.И. Абакумовой.

Она родилась 1 сентября 1912 года в Орле, в семье рабочего. В 1932 году окончила Орловское медицинское училище и работала операционной сестрой в областной больнице. В октябре 1939 года по призыву была направлена в 125-й стрелковый полк. В июне 1941 года Р. И. Абакумова - военфельдшер, старшая операционная сестра 95-го медико-санитарного батальона. Жила Раиса с шестидесятилетней матерью, Натальей Николаевной, в крепости, в домах начальствующего состава на Кобринском укреплении.



Раиса Ивановна Абакумова



Портрет Раисы Абакумовой  
работы художника П. Дурчина

### ***Красавица, артистка, спортсменка, военфельдшер***

А теперь слово писателю и историку Сергею Сергеевичу Смирнову:

*«...Эту молодую, высокую и красивую женщину, хорошую спортсменку, непременно участницу клубной самодеятельности, любительницу песен и танцев, вспоминали потом многие найденные мной герои крепости. Но они помнили ее еще по довоенному времени и лишь знали, что она была в звании военфельдшера - носила три "кубика" на петлицах гимнастерки - и служила в санитарной части 125-го полка. Долгое время оставалось неизвестным, на каком участке обороны она находилась во время боев. Только после того, как отыскивались первые защитники Восточного форта, выяснилось, что Раиса*

Абакумова была именно там, в отряде майора Гаврилова. Люди рассказывали о ней много хорошего.

Иные из них прямо были обязаны ей жизнью: рискуя собой, Раиса выползала под огонь на линию обороны и оттуда вытаскивала раненых, относя их в укрытие. Она была организатором и "главным врачом" импровизированного госпиталя, устроенного в одном из казематов форта, бывшей конюшне.

Под ее руководством женщины самоотверженно ухаживали за ранеными и в самых тяжелых условиях делали все, чтобы облегчить страдания и спасти им жизнь. Все, кто рассказывал мне о Раисе Абакумовой, с восхищением говорили о ней как об истинной героине и глубоко сожалели о ее гибели.

Так было до 1955 года, когда я нашел под Москвой, в Шатурском районе, доктора Михаила Никифоровича Гаврилкина, который перед войной был врачом 125-го полка, то есть непосредственным начальником Раисы Абакумовой. Он очень тепло вспоминал о ней, но тоже мог рассказать лишь о довоенном периоде ее службы - Гаврилкин во время обороны крепости не был в Восточном форту...

Но когда я в разговоре упомянул о том, что Раиса Абакумова была убита, Гаврилкин пожал плечами.

- Вы ошибаетесь, - сказал он. - Раиса не погибла. Моя жена в годы оккупации жила в Бресте, и она часто встречала там Абакумову.

...От В. С. Раевской из Мценска Орловской области я узнал, что Раиса Абакумова была жива и здорова и работала в районной больнице в городке Кромы той же Орловской области.

Уже позднее, когда мы встретились с Раисой Ивановной в Москве, я спросил, знает ли она, что во многих статьях и очерках о ней писали как о погибшей. Оказалось, что однажды ей попался номер "Огонька" с очерком Златогорова, где говорилось о ее героической смерти. Она прочла, усмехнулась и сказала сама себе: "Ну и вечная тебе память, Рая!" По скромности она даже не подумала о том, чтобы написать в редакцию и опровергнуть рассказ о своей гибели.

### **Война. День первый**

Перед войной Раиса Абакумова жила в одном из домов комсостава в крепости вместе со своей шестидесятилетней матерью. В ту последнюю предвоенную ночь ей почти не пришлось спать: вечером она с подругой была на гулянье в городском парке и вернулась уже после полуночи, а в половине четвертого пришлось встать - рано утром в районе Бреста должны были начаться ученья, в которых ей предстояло участвовать.

Она уже оделась и умылась, а мать хлопотала, приготовляя завтрак, как вдруг раздался близкий взрыв, и горшки с цветами, стоявшие на окне, были сброшены на пол. Потом подалше прогрехотал второй, третий, и сразу же

взрывы замолотили с бешеной быстротой, и за их гулом внезапно прорвался истошный вой пикирующего самолета.

Мать торопливо подбирала цветы.

– Что ж это за ученья? – ворчала она. – Разве ж можно так сильно стрелять? Все горшки побили...

Раиса, испуганно прислушиваясь к тому, что происходило снаружи, словно очнулась от оцепенения.

– Да что ты, мама! Какие там ученья! – закричала она. – Это же война! Иди, скорее прячься где-нибудь, а я побегу в санчасть.

Она выскочила из дому и бросилась к главной дороге, ведущей к мосту через Мухавец. Взрывы гремели все чаще, и иногда над головой, свистя, проносились осколки. Кругом клубился дым, пахло каким-то странным, удушливым перегаром – наверно, от взрывов.

Мост был весь в дыму, и оттуда несло торопливое татаканье пулеметов. Какой-то боец вынырнул из этой пелены дыма, и, увидев Абакумову, крикнул:

– Доктор, туда не ходите – убьют! И тут же упал.

Она кинулась к нему. Боец был мертв – осколок раздробил ему затылок. И тогда Раиса подумала о том, что у нее нет своего привычного оружия – санитарной сумки.

Совсем недалеко у самой дороги белел одноэтажный домик санитарной части 125-го полка. Она побежала туда... (успев собрать по дороге нескольких женщин и детей – А.П.)

...Валы Восточного форта находились совсем близко. Но пробежать эти две-три сотни метров было нелегко. Громко плакали испуганные дети, женщины вскрикивали и цепенели при каждом близком взрыве. Они не успевали за ней – приходилось все время останавливаться и поджидать отстающих. Наконец, они все же добрались до ближнего вала и вбежали в первый попавшийся каземат.

Тут находились конюшни, в которых было уже много людей. Здесь укрылись женщины и дети из ближних домов комсостава, и обрадованная Раиса увидела среди них свою мать. Здесь сидели несколько безоружных и раненых бойцов, она сразу осмотрела их раны и перевязала, разорвав на бинты их нижние рубашки.

### **«Она пережила всё»...**

Было около полудня, когда в конюшнях появились командиры во главе с майором. Это был Гаврилов, принявший командование над гарнизоном форта и теперь обходивший все казематы.

Он подбодрил приунывших женщин, сказал, что врага скоро отобьют, а потом, заметив Раису, позвал ее. Она представилась, как положено – по военному.

– Вам, товарищ военфельдшер, я поручаю организовать здесь санитарную часть. Пусть вам помогают женщины – раненых будем сносить сюда, – сказал майор.

– Но у меня же ничего нет, товарищ майор, – взмолилась Раиса. – Бинты кончились, медикаментов не осталось никаких.

– Попробуем вам что-нибудь достать, – обещал майор. – А пока делайте все, что можете.

И она делала, что могла. Вместе с женщинами она постелила у стены каземата чистую солому, подготовив свой будущий госпиталь. Когда начали приносить раненых, они пустили на бинты свое белье, а вместо шин она прибинтовывала к перебитым рукам и ногам какую-нибудь доску или ложе разбитой винтовки. Пища, скудная и нерегулярная, отдавалась, прежде всего, детям и раненым. Так же было и с водой, когда ее удавалось достать...

...Сначала бойцы ползали за водой к Мухавцу, чтобы хоть немного облегчить страдания детей и раненых. Потом путь туда оказался отрезанным, но зато в соседнем валу обнаружили ледник с запасами льда.

Теперь Раиса сама ползала за льдом. Ползти надо было всего сорок – пятьдесят метров, но часть этого пространства простреливалась откуда-то немецким пулеметом, и каждый раз близкий посвист и чмоканье пуль о землю заставляли замирать ее сердце. Но людям надо было пить, и она снова и снова отправлялась в это путешествие...

...Все пережила она здесь, в форту, – и дымовые атаки немцев, когда всем им, включая детей и раненых, приходилось часами дышать через противогазы или сквозь влажные тряпки, и обстрел из танков, и взрыв тяжелой бомбы весом в 1800 килограммов, когда казалось, что кирпичные своды каземата сейчас не выдержат, и многотонная масса земляного вала над головами станет их общим могильным холмом.

А потом майор Гаврилов, страшный, исхудавший, помрачневший, пришел к ним и велел женщинам взять детей и идти в плен. Он не хотел слушать никаких возражений, и женщины, рыдая, стали собираться. Заметив, что Раиса отошла в сторону, майор прикрикнул на нее:

– Вам что, нужно отдельное приказание?

– Я никуда не пойду, товарищ майор, – сказала она. – Я военфельдшер, и мое место около раненых.

Он понял, что спорить бесполезно, и молча кивнул головой. Он даже не стал возражать, когда мать Раисы сказала, что она тоже не уйдет от своей дочери. Так и остались они с бойцами, эти две женщины, молодая и старая, решившие до конца разделить трагическую судьбу маленького гарнизона.

Их взяли в плен два дня спустя вместе с ранеными. Увидев на гимнастерке Раисы зеленоватые петлицы медицинской службы, немецкий офицер решил, что эта женщина – пограничник, и хотел тут же застрелить ее, но один из раненых, знавший немецкий язык, объяснил ему, что она – врач.

*Ее с матерью отделили от всех и отправили в Брест. Там они просидели несколько суток в каком-то подвале. Потом им удалось бежать. Раиса достала себе обычное платье, и они поселились в городе.*

*Страшные годы оккупации принесли им много тяжелых испытаний. Пришлось надрываться на трудной поденной работе на полях и огородах, пришлось голодать и побираться, пришлось перенести фашистскую тюрьму и туберкулез.*

*А когда к Бресту подходили наши войска, немцы схватили их и с сотнями других женщин и детей увезли на запад. Только после окончательной победы над Германией довелось им вернуться на Родину и побывать на родной Орловщине».*

### **В Орле её помнят**

Первое время Раиса Ивановна жила в Кромах, а потом переселилась в Орёл. Работала по специальности в областной больнице. Когда в 1956 году, уже после того, как о подвиге защитников Бреста узнала вся страна, там проводилось торжественное мероприятие, посвящённое созданию монумента в честь героической обороны крепости, для участия в нём, вместе с несколькими оставшимися в живых героями, пригласили и Раису Ивановну. Она шла, как ассистент, торжественно сопровождая 15 лет пролежавшее в земле боевое знамя Брестской крепости. Шла рядом с Героями Советского Союза Петром Гавриловым и Михаилом Мясниковым.

За мужество и героизм, проявленные при обороне Брестской крепости, Раиса Ивановна Абакумова была награждена орденом Красного Знамени.

Известная в Орле деятельница культуры и краевед, Нина Максимовна Кирилловская, хорошо знавшая героиню Бреста, вспоминает, что Раиса Ивановна «...была чудесная женщина, ...человек большого героического подвига, ...замечательной внешности, и прекрасных душевных качеств...»

Умерла Р.И. Абакумова в 1989 году, а в сентябре 1997 года, по решению Орловского городского Совета, на доме №28 по улице Шаумяна была установлена мемориальная плита с надписью: «В этом доме с 1961 по 1989 год жила уроженка города Орла, участница обороны Брестской крепости, лейтенант медицинской службы Абакумова Раиса Ивановна (1912-1989)».

55 лет тому назад, когда в СССР, наконец-то, отдали должное героям Брестской крепости, в Москве был выпущен комплект открыток



Абакумова Р.И. ул. Шаумяна,28. 19.09.2005  
*Мемориальная доска на доме в Орле, где жила Раиса Абакумова*

«Защитники Цитадели над Бугом». Посмотри, читатель, на портрет Раисы Ивановны Абакумовой, написанный художником П.Дурчиным, и вспомни ещё раз эту замечательную женщину в год 450-летия Орла.

## **Орлов из Орла**

*(несколько историй из жизни оккупированного города)*

*Истории, которые я сейчас, читатель, тебе поведаю, рассказал мне Николай Николаевич Орлов, 88-летний ветеран войны и труда, проживающий в настоящее время в доме №100 по улице Московской в городе Орле.*

*14-летним мальчиком, учеником 7 класса школы №32, встретил он начало Великой Отечественной войны. Жила тогда семья Орловых (отец, мать, два брата) на улице Русанова. Мать, Мария Ильинична, работала сестрой-хозяйкой в госпитале, который был организован в железнодорожном техникуме (здание бывшей Орловской духовной семинарии на улице Новосильской – А.П.).*

### **Неудачная попытка эвакуации**

Для взрослых война с самого начала стала трагедией, но пацаны из компании Коли Орлова (он был самым старшим) встретили сообщение радостно, рассуждая в разговорах между собой, как им дадут коней и сабли, и они помчатся рубить головы фашистам.

Коней и сабель ребята не дождались, зато пришёл день 3 октября 1941 года, который остался в памяти Коли Орлова на всю жизнь. Заводской район города горел, и дым был виден издали (наблюдавшим партийные активисты говорили, что идут учения), но в Железнодорожном районе продолжали ходить трамваи, работали магазины, а мальчишки играли в футбол в Семинарском саду. А потом прибежала домой из госпиталя мать и рассказала, что комиссар посоветовал им быстро собираться и уходить из города.



Николай Николаевич  
Орлов

Что можно собрать за полчаса и унести с собой в руках? Какое-то мелкое имущество, документы, да двух кур, единственную живность, водившуюся во дворе дома Орловых. И только они – мать и братья Женя и Коля – выбежали на улицу, как их буквально поглотила человеческая река – так много оказалось тех, кто стремился уйти из города. Эта многокилометровая река причудливо извивалась по улицам, направляясь в сторону Выгонки и далее, судорожно меняя направление под обстрелами.

Орёл Орловы покинули, но добраться сумели только до деревни Овсянниковой, когда вдруг налетел гитлеровский самолёт и начал «поливать» убегающую от немецкой армии человеческую массу пулемётными очередями. С криками и проклятиями, со слезами, спотыкаясь и падая, орловчане разбежались в разные стороны, спасаясь от смерти с небес. Кто-то там, на осеннем поле, и остался, закончив счёты с жизнью. Шарахнулись в сторону и Орловы, залегли ненадолго, а потом Коля сказал матери: «Давай вернёмся домой. Зачем убегать? Завтра всё равно наши придут!»

### *Брошенный госпиталь*

Не поверила, конечно, мать в такую возможность – но идти вперёд, в неизвестность, да ещё под пулями, они не рискнули – и вернулись в свой дом на улицу Русанова. Чуть позже к ним присоединился отец, который был зачислен в истребительный батальон и тоже город покинуть не смог. Так началась для Орловых и остальных орловчан оккупация.

Отступая из города, наши части не вывезли из госпиталя в железнодорожном техникуме оставшихся там раненых. Кто из них

мог ходить (даже на костылях), сами быстро покинули лечебное заведение, не ожидая добра от вошедших в город немцев. Тяжело раненные, не ходячие остались по палатам и подвалам (скрывались там от бомбёжек) и скоро стали страдать от жажды. Но взрослые жители не рисковали прийти на помощь, опасаясь наказания со стороны гитлеровцев.

А немцы несколько дней к госпиталю и не подходили, и не подъезжали. Вот тогда местные мальчишки, частенько бегавшие по Семинарскому саду и слышавшие, как просят раненые пить, стали носить им воду из Копыровского колодца за Афанасьевским кладбищем. Это было довольно далеко, но ближайший водопровод был уже разбит, колонки не работали, и приходилось ребятам напрягаться – хотя бы по половинке ведра, но притаскивали.

Когда в очередной раз (на второй или третий день) их водоносная бригада тащила очередную партию вёдер с водой и была как раз на полдороге, показались вдруг немецкие легковые машины. Они остановились напротив госпиталя, из каждого вышло по несколько немцев. Ребята замерли и спрятались в кустах, а гитлеровцы вошли в здание – и с этого времени здесь появился уже вражеский госпиталь. Как и куда вывезли наших раненых, ни Коля Орлов, ни его товарищи не видели. Но – почти стопроцентно – живыми их оккупанты не оставили.

### *Хлеб и конфеты от немца*

У Коли Орлова была в подчинении небольшая группа младших по возрасту – четверо юрких ребятшек, везде совавших свой нос, пусть и с опасениями по поводу возможного наказания. В один из первых дней оккупации, когда ещё не было больших проблем с едой, эта команда шныряла по городу, наблюдая за появившимися немцами. В районе улицы Московской, напротив современного кинотеатра «Родина», стояли немецкие танки. Один из танкистов поманил ребят к себе. Ноги у них от страха прилипли к земле, но потом, всё же, сумели мальчишки двинуться вперёд. Гитлеровец (у него был на пальце перстень с эмблемой: череп и кости) полез внутрь боевой машины и вручил каждому из пацанов по полбуханки хлеба и небольшую пачку круглых конфет.

Ребята, прижав подарки, снова будто окаменели. Но потом рванули так, что пятки «засверкали». Забрались в находившийся неподалёку полуразрушенный дом и стали разглядывать немецкие продукты. И Коле Орлову вдруг пришло на ум: «Пацаны, а ведь немец нас отравить хочет!» Бросил он свои хлеб с конфетами на землю, за ним – и остальные сделали то же самое. И домой побежали, но матерям ни слова о

случившемся не рассказали. Эти хлеб и конфеты всё время позже у ребят в памяти всплывали, когда голод в Орле начался, спустя каких-нибудь пару-тройку недель... А элеватор, который наши, отступая, успели поджечь, горел потом больше месяца. Удалось ли кому там хлебушком разжиться – Николай Николаевич не знает, Орловым точно не довелось.

### *Двенадцать факелов над городом*

А на третий или четвёртый день оккупации Коля Орлов и его друзья стали свидетелями ещё одного трагического события. Белым днём, около полудня, со стороны Болхова, по направлению к центру Орла вдруг стали приближаться наши самолёты «По-2» («кукурузники», как сказал Николай Николаевич, но в войну у них такого прозвища ещё не было, «рус фанер», так их презрительно звали немцы первое время, пока эти будущие разведчики и ночные бомбардировщики не показали вскоре свою выдающуюся боеспособность – А.П.). Эти 12 небесных тихоходов летели звеньями по три штуки, по всей видимости, перебазировались с одного аэродрома на другой и явно не подозревали, что Орёл уже в руках фашистов.

И когда большая часть «По-2», летевших без всякого вооружения и без сопровождения истребителей, оказалась над центром города, гитлеровцы открыли по ним огонь с убойных позиций из пулемётов трассирующими пулями (их светящиеся следы были хорошо видны даже днём – А.П.). Первые же очереди поджигали лёгкую деревянную конструкцию, и самолёты – один за другим – вспыхивали, как факелы. Из некоторых пытались выброситься с парашютами лётчики, но высота была такая небольшая, что немецкие пулемётчики не дали возможности раскрыть парашюты ни одному из наших пилотов, и они, как камни, падали на дома и улицы города. Всё закончилось за несколько минут. Чистое небо – и радостные немецкие пулемётчики внизу: такой лёгкой добычи у них, возможно, не было никогда.

### *Голод, картошка, расстрел...*

С началом зимы 1941 года в Орле начался настоящий голод, у части горожан заканчивались, а у других – закончились запасы продовольствия. Оплачиваемая работа на немцев была у немногих, а большинство жителей города в поисках продуктов выкручивалось, как могло. Колин отец, Николай Григорьевич Орлов, из-за сильной язвы не мобилизованный на фронт в начале войны, хоть и работал раньше судoisполнителем, оказался мужиком с хорошими руками: начал вырезать деревянные ложки. Они пользовались большим спросом у орловчан. А мама, Мария Ильинична Орлова, шила новую и

перешивала старую одежду – тоже ходовые вещи. Сами родители из дома старались выходить поменьше, а реализацию товара поручали старшему сыну.

Коля Орлов, когда понял, что в городе с обменом на продукты совсем плохо, начал, вместе с другими такими же «кормильцами», совершать дальние походы. До Болхова, до Кром доходил – и в целом удачно, возвращался то с картошкой, то с маслом подсолнечным, то с несколькими килограммами зерна или муки. Всё время в этих походах Коля жалел, что не воспользовался имевшейся у него возможностью двумя-тремя месяцами раньше, запасов соли не сделал впрок.

Дело в том, что недалеко от их дома, на Новосильской улице, находилась до войны «засолка» – небольшой цех, в котором солили огурцы, помидоры, давили яблоки на вино, и там соли рядом с цехом были если не горы, то кучи. Уже когда война началась, соль ещё лежала, и Коля Орлов её видел, но набрать даже не пытался – зачем, если завтра наши придут и фашистов выгонят? А соль в войну стала самым ходовым товаром из продуктов питания. За стакан соли можно было обменять пуд ржи или бутылку конопляного масла. Но – что уж жалеть?

В один из продуктовых походов Николай Орлов отправился со своим товарищем, одноклассником Васькой, по прозвищу «Цыган» (*прозвища у всех довоенных ребят были, по этой причине даже фамилии иногда потом забывались, а кличка оставалась, потому что в ходу постоянно находилась – А.П.*). Произошло это событие в декабре 1941 года. Знали ребята, что рискованно, что немцы их могут задержать и даже к «стенке поставить». Но «голод – не тётка». А тут у Васьки в его родной и близкой к Орлу деревне Куликовке, из которой всех жителей немцы выгнали, в подвале запас картошки остался. И убедил Васька Колю Орлова вместе с ним туда отправиться. Санки ребята с собой взяли, чтобы на «горбу» картошку не тащить, и двинулись с утра пораньше. Дошли через пару часов до окраины Куликовки – и на этом поход за продуктами закончился. Стояли тут немцы на посту и пацанов остановили: «Хальт!». Хорошо – не задержали, документов никаких не потребовали, увидели, что это мальчишки с санками, просто завернули их обратно.

Двинулись ребята в обратный путь, очень расстроенные неудачей, уже не спеша, да и сил маловато оставалось. Но тут сзади шум машины послышался. Коля с Васей быстренько с колеи ушли, иначе просто задавят, тротуаров-то здесь никаких, и стали ждать, пока проедет мимо них автомобиль, оказавшийся похожим на нашего «козла» («ГАЗ» легковой). Но машина недалеко от мальчишек уехала. Метров через двадцать вдруг остановилась, и из неё вышли трое. Один – гражданский: красивый, рослый, в хорошем зимнем пальто, шапке и валенках. Двое

других – немцы, офицеры (ребята уже наловчились их от рядовых отличать), с пистолетами в руках. Эти два немца шли по бокам и чуть сзади от гражданского, охраняя его. Прошли они несколько метров, потом вдруг офицеры остановились, и один из них, вытянув в руке пистолет, выстрелил гражданскому в голову. Тот упал сразу. Немцы проверили застреленного, сели в машину и быстро умчались по направлению к Орлу.

А Вася с Колей, бросив санки, рванули от расстрельного места, забыв об усталости и голоде. Им казалось, что те немцы-офицеры вернутся и их убьют, как свидетелей. Чтобы обезопасить себя, сделали ребята большой крюк вокруг Орла, вернувшись домой с другой стороны, когда родители уже волноваться начали.

Кто был тот казнённый гражданский? Партизан? Подпольщик? Это осталось тайной...

И, наконец, последняя история – самая страшная, грозившая Николаю Орлову и его друзьям лишением их молодых жизней несколько раз...

### *Фотоаппарат вместо еды*

Началась она в начале марта 1943 года, когда солнышко днём уже припекало, но по ночам всё ещё было прохладно. Команда Николая Орлова из пяти шустрых мальчишек (младшему – 9 лет) каждый день проводила в поисках – где и чего можно найти съедобного. В тот день они находились поблизости от школы №28 на улице Новосильской, где стояла одна из немецких частей. Сюда вдруг приехала немецкая полевая кухня и ещё один грузовик. Дождавшись, когда стало смеркаться, и у автомобилей никого не осталось, пацаны подоברались к полевой кухне. Каким же сильным было их разочарование: она оказалась пуста.

Разозлённые мальчишки в поисках еды забрались в кузов грузовика, но и там ничего съестного не оказалось – только какие-то незнакомые приборы. Рядом лежал ещё и фотоаппарат. Часть имущества, включая фотоаппарат, ребята прихватили с собой. Но поскольку оно им было даром не нужно – почти всё выбросили в близлежащий уличный туалет – очень хотели немцам «насолить» за отсутствие продуктов. А в тот же день налетели на город советские бомбардировщики, и от одной из бомб и полевая кухня, и грузовик сгорели. Так и осталось бы ребячье воровство незамеченным, но подвёл фотоаппарат.

Его взял из машины Коля Орлов, но тут же передал другу, Юре Иванову. А у того в доме стоял как раз один из немцев с «обчищенной» мальчишками машины. Гитлеровец провёл расследование, и под угрозой наказания, при уговорах мамы, Юра рассказал всё, как было.

*«Смертную казнь заменить пребыванием в концлагере до конца войны...»*

Всех схваченных пятерых пацанов тут же, на лавках, крепко выдрали ремнями («задница стала стеклянная», по словам Николая Николаевича – А.П.), а потом под охраной отвезли в какой-то дом (без окон, серые стены, свет высоко вверху) на улице Черкасской. По предположению Орлова, это было здание гестапо. Ребята сидели здесь вместе с другими арестованными, но только взрослыми, недолго - три смены караула.

Немец-охранник из первой смены показал пацанам, что их повесят. А Коля Орлов уже видел в первый год оккупации наших патриотов, казнённых гитлеровцами в Первомайском сквере, и начал представлять, как будут вешать теперь их самих. Немец из второй караульной смены пострадал ребят автоматом: «Пук-пук-пук» (то есть, их расстреляют). А караульный из третьей смены достал нож и показал на горло, мол, их зарежут. Вот так развлекалась немчура.



В этом здании (ул.Гостиная,6) была размещена ГФП, и сидели в ожидании казни Николай Орлов и его друзья (вид со стороны Орлика)

Но от реального наказания эти «страшилки» были совсем недалеко. В конце третьей смены мальчишек на грузовике отвезли в другое место – на берег Орлика, и провели в подвал здания, в котором находится сейчас Главное областное управление Центрального банка России (улица Гостиная, 6). В этом красивом трёхэтажном доме из двух корпусов, построенных в конце XIX века, имелись глубокие подземные

сооружения (возможно, для хранения денег – А.П.). Когда в октябре 1941 года гитлеровцы заняли Орёл, то здание по Гостиной, 6 заняла тайная полевая полиция (ГФП), а подвалы стали использоваться для содержания арестованных орловчан.

По словам Николая Николаевича Орлова, их, пятерых мальчишек, под охраной, завели во двор и по ступенькам спустили вниз. Они оказались в большом подвальном помещении, с единственным зарешёченным окном рядом с входом. Здесь уже было много народа, который размещался на сплошных дощатых, совершенно голых, нарах, располагавшихся по обе стороны от прохода. Горела единственная лампочка под потолком, и было очень душно, несмотря на весеннее время. Часть арестованных сидела полуголая, обливаясь потом.



Николай Николаевич Орлов у ворот, за которыми начинался его путь в подвалы полевой полиции

Коля Орлов и его друзья по несчастью и здесь оказались единственными несовершеннолетними «преступниками». Просидеть им в подвале пришлось две недели. Кормили заключённых отвратительно: кусочек хлеба размером со спичечный коробок и кружка воды на день.

Почти каждый день сюда привозили новых арестованных. А каждую ночь к дверям подвала подкатывал грузовик, потом открывались двери, и входили трое, включая переводчика. В этот момент все находившиеся в подвале уже стояли в ожидании. Каждый раз процедура была одна и та же: объявлялись 5-7 фамилий очередных приговорённых к смерти, и их увозили навсегда. Шёл конвейер смерти.

Спустя две недели пришла очередь ребят. Но их почему-то вызвали днём. С крылечка рядом с подвальным входом немецкий офицер, а следом переводчик зачитали приказ, смысл которого Коля Орлов запечатлел в своей памяти до конца жизни: русские мальчишки за их «ущерб, нанесённый немецкой армии», приговариваются к смертной казни, но, поскольку они несовершеннолетние, казнь заменяется нахождением в концлагере до конца войны.

Ребят (*их осталось четверо, Юрку Иванова отпустили, потому что ребята сказали, что его не было в момент воровства, а фотоаппарат ему они отдали потом – А.П.*) тут же погрузили в грузовик и отвезли в этот самый концлагерь, который находился в деревне Некрасовка под Орлом. Мальчишки снова оказались здесь единственными среди взрослых, и работа их заключалась в чистке туалетов и картошки на кухне. Охраняли их серьёзно, по периметру лагеря – колючая проволока и вышки с надзирателями, которые просматривали всю территорию.

### *Побег*

Когда фронт стал приближаться к Орлу, заключённых концлагеря на больших грузовиках (их было 7 или 8) очень оперативно отвезли на железнодорожный вокзал и перегрузили в товарные вагоны. Поезд доставил всех арестантов на станцию Брянск-II. Здесь их разместили в трёхэтажном здании, которое вначале просто полностью закрывалось на ночь, а потом часть территории вокруг него по периметру обтянули колючей проволокой. Поставили и вышки.

К этому времени ребята пообвыклись в лагере, завели знакомство с несколькими парнями из Брянска, сидевшими здесь, и начали думать о побеге, благо охрана здешняя выглядела не очень надёжной. В течение нескольких дней, работая на территории лагеря (собирали щепки, оставшиеся после установки столбов и строительства вышек) мальчишки наблюдали за караульными и заметили, что днём немцы ведут себя довольно расслабленно: часовые ходят вдоль забора в одну сторону строго до поворота и никогда не оглядываются, а в обеденный перерыв почти все вообще уходят в дальнее помещение. В это время оставался только один часовой.

Этим и воспользовались трое брянских парней и двое орловских мальчишек: они умудрились заранее подрезать в двух местах колючую проволоку забора, примыкавшего к лесу, а через пару дней в очередной обеденный перерыв благополучно выбрались на волю. И чуть не попались – навстречу им шёл помощник коменданта лагеря, но он, видимо, был здорово пьян и не обратил внимание на гражданских, прошуршавших в заросли рядом с ним.

Добрались ребята до реки Десны (шли к железнодорожному вокзалу станции Брянск-1), и тут выяснилось, что двое из пяти не умеют плавать. Пришлось рисковать. У немецкого поста, находившегося перед въездом на мост, остановились гитлеровские грузовики для проверки. Один из шоферов отлучился куда-то. Мальчишки, скрываясь за насыпью, забрались в кузов машины. Им повезло – автомобиль уже проверяли, и потому пацаны благополучно миновали мост, и пока скорость была небольшая, выпрыгнули в кювет.

Брянские трое парней двинулись на город Бежицу (этих ребят посадили в лагерь за связь с партизанами), а Коля Орлов с Валькой Якушевым двинулись к вокзалу. Дальнейшие приключения их я уже рассказывать не буду, поскольку переход линии фронта тоже был непростой задачей, но помогли местные жители, объяснившие, где и как это лучше сделать.

### *Николай Орлов – орловский труженик*

Добрался Коля Орлов домой, в уже освобождённый Орёл, осенью 1943 года, а осенью 1944-ого его (17 лет ему ещё не было) призвали в Красную Армию. Воевать пришлось немного и во втором эшелоне – в 119 укрепрайоне во время освобождения Восточной Пруссии. Зато потом продолжал служить на Дальнем Востоке ещё аж до 1951 года.

В трудовой послевоенной биографии Николая Орлова – тоже много любопытного. После демобилизации его, комсомольца, никак на работу не брали (*из-за того, что в оккупации был – А.П.*) – и тогда он письмо лично Сталину написал, возмущённый несправедливостью. Как ни удивительно, – помощь пришла быстро и работу дали.

Трудился ударно: за участие в строительстве Орловского сталепрокатного завода был удостоен ордена «Знак Почёта». Там же, на сталепрокатном, несколько лет потом был начальником паросилового цеха. Три года проработал по трудовому договору в ГДР. Снова вернулся в Орёл. И до выхода на заслуженный отдых трудился начальником отдела тепловой инспекции.

Николай Николаевич Орлов любит родной Орёл, природу, стихи и – общение с интересными людьми. А сам он – замечательный собеседник и рассказчик, в чём ты, читатель, наверное, убедился...

*P.S. Мы попытались с Николаем Николаевичем, объяснив причины, попасть во двор Управления Сбербанка (Гостиная, 6), сидели в приёмной и ждали начальства. Но не дождались, поэтому все основные мои снимки – со стороны реки Орлик и из-за решётки, которая ограничивает вход в этот режимный объект.*

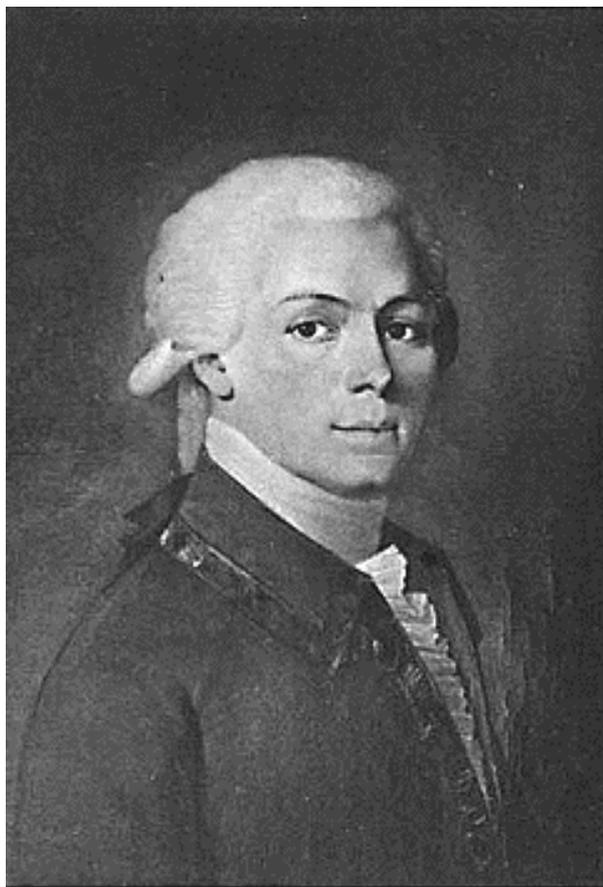
## Глава четвёртая, культурная

### Сергей Каменский – Карабас-Барабас Орла

*Двести лет назад фамилия этих графов гремела, они считались первыми богачами России, входили в ближний круг трех императоров, были среди них фельдмаршалы и генералы. Но еще при жизни о них начали рассказывать жуткие истории, которые позже вдохновляли Герцена и Лескова. Каменские были храбрыми и мужественными во время войны, странными и страшными в мирной жизни людьми. Мой рассказ – об одном из представителей этого семейства – генерале от инфантерии Сергее Михайловиче Каменском.*

#### *Воевал с турками, шведами, поляками, французами...*

Старший сын графа Михаила Федотовича от брака с княжной



Сергей Михайлович Каменский

Анной Павловной Щербатовой, он родился 5 ноября 1771 (по другим данным - 5 июня 1772 - А.П.) года. По обычаю того времени отец приписал Сергея сначала к Нижегородскому драгунскому, а затем - к одному из самых престижных полков Российской армии – лейб-гвардии Преображенскому. Подросток - последовала учеба в кадетском корпусе, по окончании которого 5 марта 1789 года Сергей, получив в неполные 17 лет звание подполковника, был направлен в действующую армию, которая вела в это время очередную войну с Османской империей.

В 17 лет Каменский воюет с турками, в 18 – со шведами, в 1792 и 1794 годах участвует в компаниях против поляков, причем, за отличие

в бою и «...в поимке в плен» вождя польских повстанцев Т. Костюшко при Мацеловице 28 сентября 1794 года получает первую в жизни награду – орден Святого Владимира IV степени. Во время взятия Праги – предместья Варшавы – 24 октября того же года войсками Суворова и

при преследовании противника он вновь проявил храбрость, получив ранение картечью в живот и новые награды: знак офицерской доблести — золотой Пражский крест и орден Святого Георгия IV степени.

Далее военная карьера С. М. Каменского развивалась стремительно. В 1797 году — он уже полковник, 14 марта 1798 года — произведен в генерал-майоры с назначением шефом Полоцкого мушкетёрского полка. Однако вскоре он неожиданно попал в немилость к Павлу I и в июне 1798 года получил полную отставку.

Взошедший на престол Александр I возвратил Сергея Каменского в армию, и тот снова вскоре отличился - в 1805 году в сражении при Аустерлице. За исключительные упорство и отвагу, проявленные в знаменитом сражении, генерал-майор граф С. М. Каменский получил высокую награду — орден Святой Анны I степени.

15 июня 1806 года граф Каменский удостоился звания генерал-лейтенанта. С ноября этого же года и до конца 1810 года он находился в Молдавской армии, которая сражалась с турками. Весной 1810 года генерал С.М.Каменский отличился во время взятия штурмом Базарджика.

22 мая русские начали интенсивный обстрел крепости, турки отвечали также сильным огнем. Около трех часов дня русский огонь стал ослабевать, и неприятель постепенно проникся уверенностью, что опасность миновала. Но в три часа дня Каменский дал сигнал к штурму. Турки, совершенно не ожидавшие атаки, оказали лишь слабое сопротивление, и уже через полтора часа Базарджик, казавшийся неприступным, был взят. Ворвавшиеся в крепость русские воины положили на месте более 8000 турок; 2058 человек, в том числе и комендант Пехлеван-паша, попали в плен, и лишь 150 сумели бежать. В руки воинов Каменского попало 17 исправных орудий и 68 знамен. Потери русских составили 883 человека.

Получив подробные донесения об этом штурме, император Александр I распорядился учредить особую награду для участвовавших в нем генералов и офицеров — знак офицерской доблести: золотой крест с надписью «За отличную доблесть», а на оборотной стороне — «При взятии приступом Базарджика 22 мая 1810 года». Сергей Михайлович был произведен в генералы от инфантерии.

В июне 1810 года С. М. Каменский получил приказ младшего брата следовать за ним для блокады крепости Шумла, где находился главнокомандующий турецкой армии великий визирь Юсуф-паша. Совместные действия братьев, однако, не сложились. Штурм крепости 11 июня оказался неудачным. Поведение С. М. Каменского под Шумлой вызвало недовольство в военных кругах и лично у императора

Александра I, но снисходительность младшего брата, имевшего доброе сердце, спасла Сергея Михайловича от ответственности. Однако вскоре старший Каменский сумел реабилитироваться в полной мере: 23 июля 1810 года его корпус, оставленный под Шумлой, одержал блестящую победу над войском великого визиря, опрометчиво вышедшим из крепости в расчете на то, что русские ушли. За это Каменскому была вручена одна из самых высоких наград России – орден Святого Георгия II степени.

Начало Отечественной войны граф Каменский встретил, командуя корпусом в 3-ей Западной армии генерала Торماسова, куда Сергей Михайлович был направлен после смерти своего младшего брата Николая. Корпус прикрывал южный фланг растянутого фронта, и, умело командуя им, Каменский провёл два удачных сражения в самом начале наполеоновского нашествия.

15 июля 1812 года войска русского генерала взяли приступом город Кобрин. В плен попали 2000 союзных Наполеону саксонцев, а другие 2000 истреблены. Русские потеряли убитыми 77 человек.

А 31 июля произошло большое сражение у местечка Городечна (Кобринский уезд Гродненской губернии – А.П.). Здесь корпус Каменского выдержал удар двух корпусов противника - австрийского князя Шварценберга и саксонского под командованием Ренье (около 40 тыс.). Все атаки неприятеля на наш левый фланг были отбиты, а против нашего фронта ничего решительного предпринято не было. Благодаря этому корпус Каменского, несмотря на большое превосходство сил с неприятельской стороны, удержался на позиции до самого вечера. Ночью, опасаясь за свой путь отступления, он отошел к Кобрину.

Это были первые, достаточно успешные, удары по наполеоновской армии в России. Однако Сергей Михайлович не дождался конца событий. У него не сложились отношения с командующим армией Тормасовым, который писал о подчинённом: *«...отличался своеволием, часто оспаривал приказы командования, вплоть до их невыполнения, причем нередко оказывался прав...»*

### ***Блестящий и разорительный театр***

19 октября 1812 года граф Каменский получил бессрочный отпуск "для излечения болезни", который продлился целых 10 лет, а 6 Марта 1822 года генерал от инфантерии Сергей Михайлович Каменский (2-ой) был уволен от службы.

Унаследовав большую часть родового состояния после смерти отца и безвременно скончавшегося брата, он поселился в своём имении Сабурово под Орлом, а позже - в самом Орле. Владелец семи тысяч

крестьянских душ, он мог позволить себе роскошь держать 400 человек дворовых и, разумеется, собственный театр, которому посвящал весь свой неограниченный досуг.

В то время, кроме императорских в столицах, театры в России были наперечет. Орловский, основанный Сергеем Михайловичем в 1815 году, был первым профессиональным театром на юге России. На собственные средства граф построил для представлений специальное здание, купив в городе большой участок земли, завел оперную, балетную и драматическую труппы, оркестр, два хора, театральную школу.

Постепенно увлечение театром превратилось у него в манию, и театр Каменского стал своеобразной достопримечательностью не только для местных обывателей, но также для всех приезжих.

Благодаря свидетельствам современников многие впечатляющие факты из жизни генерала-театрала дошли до нас. Вот что рассказывает один из них: *«В театре давались комедии, водевили, слезливые драмы, даже оперы и балеты доморощенными, бесталанными и безголосными графскими артистами; они не отваживались только на трагедии...»*.

Хозяин всегда усаживался в первом ряду кресел, а семейство его — в средней ложе, устроенной наподобие царской. Продажей билетов занимался особый кассир, но очевидцы утверждали, что в былые времена граф, не снимая Георгиевского креста, сам усаживался у кассы и собственноручно торговал билетами. Однажды известный своими шалостями юнкер граф Мантейфель в уплату за ложу бельэтажа привез в кассу огромный мешок с медными деньгами; чтобы пересчитать их, потребовалось много времени, и пришлось даже временно прекратить продажу. Отказать же шутнику было жалко, поскольку цена ложи составляла довольно значительную сумму.

На первый взгляд, пристрастие графа к французским операм и слащавым мелодрамам может показаться несколько странным. Однако при ближайшем рассмотрении его поступков оказывается, что в словосочетании «крепостной театр» главным для Каменского было именно первое слово. Что же касается непосредственно театра, то в нем Сергей Михайлович отвел для себя роль сказочного Карабаса-Барабаса, безжалостной рукой управлявшего подчиненными ему безропотными марионетками.

Не все крепостные актеры оказывались людьми бесталанными, но все подвергались одинаково унижительному обращению и жестоким телесным наказаниям. Актрисы содержались взаперти в четырех стенах, словно в гареме, для обучения же танцоров и танцовщиц владелец театра держал при себе старого немца-балетмейстера. Главное, на что обращал внимание владелец театра, была не актерская игра, а твердое

знание текста. Садясь в ложу, Сергей Михайлович клал перед собою книгу, куда собственноручно вписывал все замеченные им ошибки и упущения, а сзади него на стене висели несколько плеток. После каждого акта он брал одну из них, выходил за кулисы и делал соответствующие внушения виновным, чьи вопли нередко достигали ушей зрителей.

Именно за эту, закулисную сторону, театр Каменского неоднократно подвергался критике. Особенно негативно граф Сергей изображен Н. С. Лесковым в его «Тупейном художнике».

Что касается оценки театра в целом, то нет сомнения, что во многом он был хорош, особенно впечатляли великолепные костюмы и декорации, на которые ушла значительная часть состояния графа.

Большим достоинством театра Каменского было чрезвычайное разнообразие репертуара и быстрая смена пьес. Только за первые девять месяцев Орловский театр поставил 82 представления, из которых шесть балетов и восемнадцать опер. О театре заговорили, чтобы посмотреть его спектакли, часто приезжали из других городов. В 1817 году Орел удостоился посещения государя Александра I, а в следующем – приезда Великого князя Николая Павловича (будущего императора Николая I) и известного графа А.А.Аракчеева.

Содержание театра требовало невероятных затрат на постановки (тем более, если они так часто менялись) и на приобретение новых исполнителей. *«Граф Каменский, – удивлялся один из зрителей, – в убыток себе делает великое удовольствие городу Орлу...»*

В конце концов, дорогостоящие барские затеи и огромные расходы на содержание театра разорили графа. В конце 1834 года С. М. Каменский скончался, оставленный почти всеми, и после смерти неугодного театрала его буквально не на что было похоронить. Могила графа находится в Московском Новодевичьем монастыре, рядом с его матерью.

*С театра графа Каменского, которому в 2015 году исполнилось 200 лет, начинается история театральной жизни нашего областного центра, и потому имя этого неоднозначного деятеля будет всегда на слуху у орловчан.*

## **Тарас Шевченко и Орловщина**

9 марта 2014 года исполнилось 200 лет со дня рождения великого украинского писателя Тараса Григорьевича Шевченко. Событие, которое в спокойной обстановке, наверняка бы, вызвало гораздо большее внимание культурной общественности России и Украины,

оказалось «смазанным» бурными событиями, происходившими в те дни на территории нашей братской соседки.

Украина к этому времени бурлила уже несколько месяцев. Новости из Киева, с Майдана, из Крыма, из Харькова, Донецка, Луганска, Одессы заставили многих забыть о юбилее. Но в Москве, у памятника Шевченко, всё-таки, состоялось праздничное мероприятие, на которое явился даже посол Украины, сказавший несколько приличествующих событию слов.

А вот в Харькове, тоже у памятника Тарасу Григорьевичу, 9 марта, к сожалению, собрались не те, кто ценит и любит творчество Шевченко, а те, кто не любит и не уважает «великий и могучий» русский язык.

Тарас Шевченко для таких, особенно, западных украинцев – как знамя, как символ самостийности. «Западенцы» готовы именем поэта прикрывать свои националистические взгляды, забывая (или делая вид), что Тарас Григорьевич писал стихи на украинском языке, а прозу, в том числе свои дневники, – только на русском. И он, думаю, перевернулся бы в гробу, услышав выкрики и угрозы «Правого сектора» в адрес «москалей».

Никогда, ни разу Тарас Шевченко не позволял себе оскорбительных высказываний по отношению к русскому народу и представителям русской культуры, ведь именно они первыми заметили, оценили дар уроженца Малороссии, освободили от крепостной неволи и способствовали расцвету его таланта и популяризации украинского языка на территории Российской империи.

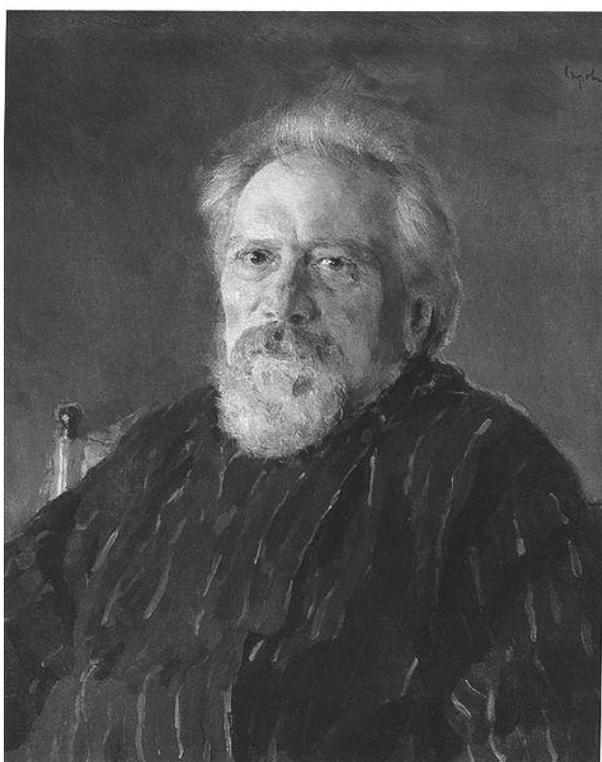


Тарас Григорьевич Шевченко



Марко Вовчок  
(Мария Александровна Вилинская)

Имя Тараса Григорьевича уже с середины XIX века было хорошо известно на Орловщине. Первыми об этом сообщили орловчанам члены Кирилло-Мефодиевского братства, сосланные на три года в Орёл. Среди них был, к примеру, украинский этнограф, фольклорист и общественный деятель Афанасий Васильевич Маркович. С ним в Орле познакомилась Мария Александровна Вилинская, будущий классик украинской литературы, переводчица произведений Жюль Верна и многих других иностранных писателей. Общение с кирилло-мефодиевцами определило жизненные интересы Марии. Маркович рассказал ей о Тарасе Шевченко, с которым был в дружеских отношениях и знал много его произведений на память. Под влиянием



Николай Семёнович Лесков

Марковича Мария Александровна проявила большой интерес к украинскому языку и украинскому фольклору, к актуальным вопросам общественной жизни.

В январе 1851 года Мария Александровна вышла замуж за Марковича и уехала с ним в Украину, которую полюбила на всю жизнь и прославилась в своих произведениях, написанных на украинском языке.

В эти же годы узнал о Шевченко и другой наш земляк, Николай Семёнович Лесков, который впоследствии тесно общался с Тарасом Григорьевичем в последние годы его жизни и оставил о нём воспоминания

«Последняя встреча и последняя разлука с Шевченко», опубликованные 9 марта 1861 года в газете «Русская речь». Вот начало этих воспоминаний:

*«Итак, осиротела малороссийская лира. Лежит в гробу ее бездыханный поэт. Тараса Григорьевича Шевченко не стало. Сегодня гроб его опустили в сырую могилу на Смоленском кладбище, напутствуя его прощальным словом и братскою слезою. Не стану говорить, как велика эта потеря для малороссийской литературы в эпоху ее возникновения, в день рождения «Основы», которой покойный поэт сочувствовал всей душою. Значение Шевченко известно всякому, кто любил родное славянское слово и был доступен чему-нибудь высокому, изящному...»*

А так Николай Семёнович закончил: «Но как поэтическая деятельность Шевченко останется в числе лучших страниц малороссийской словесности, так и самый день его погребения навсегда останется знаменательным в истории украинской письменности и гражданственности. Любимейшая мечта поэта сбылась и громко заявила свое существование. Малороссийское слово приобрело право гражданства, раздавшись впервые в форме ораторской речи над гробом Шевченко. Из девяти напутствований, сказанных над могилою поэта, шесть были произнесены на малороссийском языке. Из остальных трех речей две были произнесены по-русски и одна по-польски, как бы в значение общего горя славян, пришедших отдать последний долг малороссийскому поэту-страдальцу...».

Да, именно это подчеркнул наш земляк: смерть Тараса Шевченко – «общее горе славян». Оно тогда объединило всех, кто знал великого поэта, и теперь не должно быть так, чтобы его именем размахивали националисты.



Похороны Тараса Шевченко

Посмертная судьба Тараса Григорьевича удивительна. Он не оставил завещания, и 28 февраля (по старому стилю – А.П.) 1861 года был похоронен на Смоленском православном кладбище в Санкт-Петербурге. Но почти сразу его друзья стали хлопотать о перевозе тела усопшего на Украину. После того, как, по истечении 40 дней, разрешение от властей было получено, гроб извлекли из могилы, перенесли через весь Петербург на Московский (Николаевский) вокзал и по железной дороге отправили в Москву.

Далее путь проходил через Серпухов, Тулу, Орел, Кромы, Дмитровск, Севск, Глухов, Кролевец, Батурин, Нежин, Носовку, Бровары - в Киев.

О том, как гроб с телом Тараса Григорьевича встречали в Орле, оставил нам воспоминания другой наш земляк – писатель-фольклорист Павел Иванович Якушкин. Его статья была опубликована в газете «Северная пчела» 29 мая 1861 года. Цитирую:

*«2 мая, в 12 часов ночи, было привезено тело Шевченка. Дроги с гробом были поставлены на дворе, под навесом, среди пустых ямских телег, на куче навоза. На другой день, в 10 часов полковой священник камчатского полка, в присутствии Ф. Лазаревского, гимназистов, почетного попечителя, директора, учителей и многих других, отслужил панихиду, и поезд тронулся дальше. За заставой была опять отслужена панихида в присутствии народной толпы. Один венок с гроба был разорван присутствующими, второй взят на память в гимназию. Проводив тело, многие из присутствовавших вместе с начальством и учениками отправились в гимназию и еще раз отслужили панихиду, с объявлением подписки на училище в память Шевченка».*

7 мая 1861 на пароходе «Кременчуг» из Киева прах Шевченко попал в Канев (ныне – Черкасская область Украины – А.П.). Двое суток гроб находился в Успенском соборе, а 9 мая была отслужена в церкви панихида, и прах отнесли на Чернечую гору.

14-23 мая 2011 года на Украине и в России, под эгидой Межпарламентской ассамблеи государств-участников СНГ, проходили мероприятия "Последний путь Т.Шевченко" по случаю 150-летия со дня перезахоронения украинского поэта. Парламентарии и ученые проследовали маршрутом, которым в 1861 году проехала траурная процессия с телом Т.Шевченко.

В рамках этих мероприятий участники памятного маршрута приняли участие в митинге-реквиеме на месте Кресто-Воздвиженской церкви города Орла, где в 1861 году проходила панихида по великому украинскому просветителю и поэту.

Как сообщила тогда пресс-служба Верховной Рады Украины, в рамках акции жители города имели возможность услышать произведения на слова Тараса Шевченко, а члены делегации побывали в доме-музее известного русского писателя Леонида Андреева.

На Орловщине имя Тараса Шевченко не забывают, поскольку он был всегда объединителем по сути своей жизни и творчества: родился на Украине, жил в России, умер и был погребён в Петербурге, перезахоронен на родине (прах с телом провезли через полстраны), писал и говорил на двух языках.

Вот для нас великий пример великого поэта!

## Панорама жизни Павла Пясецкого

Одним из важнейших событий, подводивших итоги уходящего в историю XIX века, стала Всемирная выставка 1900 года, которая проходила в Париже с 15 апреля по 12 ноября. Приняла в ней участие и Россия. И не просто выступила в качестве статиста, а поразила парижскую публику и других участников своими экспозициями.

### *Золотая медаль и орден Почётного легиона – за картину*

Вот что писала французская газета «Либертэ» по итогам грандиозного события: *«Мы находимся ещё под влиянием чувств удивления и восхищения, испытанных нами при посещении русского отдела. В течение многих лет русская промышленность и торговля приняли такое развитие, которое поражает всех тех, кто имеет возможность составить себе понятие о пути, пройденном в столь короткий срок. Развитие это до такой степени крупное, что наводит на размышление».*

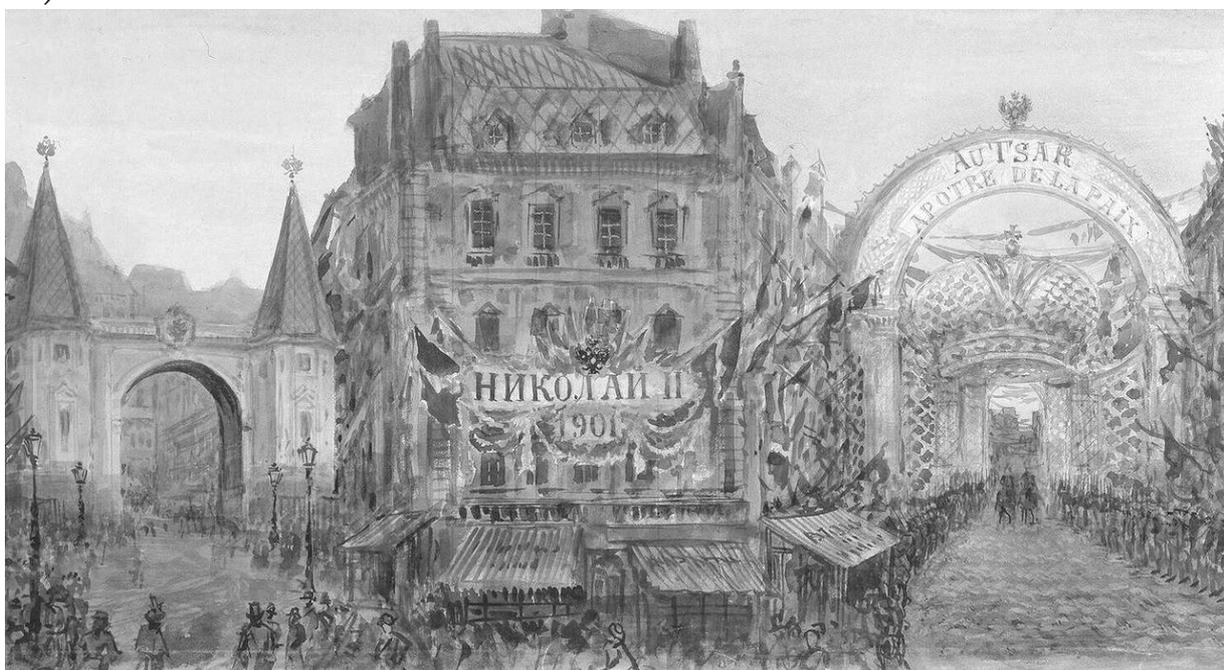
В числе десятков русских промышленников, торговцев, инженеров и специалистов разных профессий свой – и очень заметный – вклад в успех России на Парижской выставке внёс и Павел Яковлевич Пясецкий, чья картина-панорама «Великий Сибирский путь» пользовалась у публики бешеным успехом. Это акварельное полотно длиной 1285 вершков (914 метров) было удостоено Большой Золотой медали, а самого художника наградили орденом Почетного легиона Франции (*очень редкое отличие тех лет для иностранцев – А.П.*). Но было – за что!

Вот как проходила демонстрация картины, для которой построили специальный павильон с тремя вагонами, включавшими в себя салон, спальные места и столовую. Посетители – «пассажиры» заходили, рассаживались по местам и просматривали панораму через окна. Специальные установки имитировали тряску вагонов и движение поезда. Двигавшаяся панорама состояла из нескольких слоёв объектов и картин. Ближайшими были песок, камни и валуны на горизонтальной полосе, перемещавшейся со скоростью 300 метров в минуту. Далее на низком экране, шедшем со скоростью 120 метров в минуту, были нарисованы кусты.

На последнем экране, размерами 7 на 105 метров, представляли перед зрителями станции Петропавловск, Омск, Курган, Красноярск, Иркутск, Чита, Маньчжурия, Владивосток, таежные просторы и дикие степи, горы, строившиеся поселки, вокзалы, мосты через крупные сибирские реки Тобол, Иртыш, Обь, Енисей, сами эти могучие реки и тоннели.

Этот экран двигался со скоростью 5 метров в минуту. В итоге, с помощью четырёх экранов создавалась полная иллюзия поездки пассажиров по только что построенному Транссибу протяжённостью почти 6000 вёрст. А в конце «пути» посетители выходили в двери с обратной стороны и попадали в Китайский павильон.

Работа Павла Пясецкого над грандиозным панорамным полотном (*это самая большая картина в России и до настоящего времени – А.П.*) продолжалась почти 6 лет, и, в значительной мере, своему успеху художник обязан не только заказчикам-железнодорожникам, но и личному участию в процессе императора Николая II, которому картина очень понравилась и который выделил необходимые средства для её завершения (*59 тысяч рублей – очень приличная сумма для того времени – А.П.*).



Павел Пясецкий и одна из его панорам

Так, благодаря Всемирной выставке в Париже, имя Павла Яковлевича Пясецкого стало известным не только в России, где его уже хорошо знали – и не только как художника, но, прежде всего, как доктора медицины, путешественника и писателя.

### **«Проявил незаурядные способности...»**

А теперь – несколько слов о биографии нашего земляка. Да, автор «Великого Сибирского пути» родился в Орле 26 октября 1843 года в семье чиновника Орловской казённой палаты Якова Игнатьевича Пясецкого и его супруги Марьи Степановны. Учился Павел, как и его братья Игнат и Николай, в Орловской губернской гимназии. Учился, прямо скажем, «средне». В 6 классе, к примеру, его годовой оценкой по

математике была «двойка». И даже по географии будущий известный любитель путешествий имел только «удовлетворительно». Но очень хорошие результаты были у Павла по рисованию, черчению, Закону Божьему.

В 1861 году Павел Пясецкий окончил гимназию и поступил на медицинский факультет Московского университета. В студенческие годы его страсть к рисованию позволила лучше изучить отдельные предметы. Пясецкий выполнил для себя, а потом подарил университету несколько сот рисунков по анатомии, гистологии, судебной медицине, акушерству, хирургии.



Императорская чета в замке Компьен (из панорамы Павла Пясецкого)

По окончании университета в 1866 году Павел Яковлевич некоторое время работал на кафедре анатомии, а потом поступил ординатором в московскую Екатерининскую больницу «для чернорабочих». Врачебную практику Пясецкий сочетал с большой исследовательской деятельностью, результатом которой стала публикация 18 научных работ. Особенный интерес коллег-врачей вызвало его исследование о пересадке кожи как способе лечения язв. Разработанная Павлом Яковлевичем операция получила впоследствии известность как «метод Пясецкого».

В 1871 году он получил степень «доктора медицины» за диссертацию по теме «О возрождении эпителия». Казалось бы, двигайся по медицинскому пути и дальше. Но Павлу Яковлевичу только врачевания оказалось мало. Страсть к рисованию заставила его переехать в Санкт-Петербург и поступить вольнослушателем в

Академию Художеств. За полтора года занятий под руководством известного художника П.П. Чистякова он «проявил незаурядные способности».

И вдруг ему последовало предложение, от которого Павел Яковлевич не мог отказаться: принять участие в «учёно-торговой экспедиции» в Китай в качестве врача и натуралиста. Возглавлял экспедицию полковник русского Генштаба Юрий Сосновский. Так начался для нашего земляка новый этап в жизни, который сделал его художником и писателем.

### *Китай, Балканы, Дальний Восток - и далее по списку...*

Итогами двухлетнего путешествия Пясецкого в Китай стали приобретённый богатейший опыт врачевания и привезённые им около трёх тысяч этнографических экспонатов и более двухсот путевых рисунков. Они послужили основой для издания в 1880 году двухтомного сочинения «Путешествие по Китаю в 1874-1875 годах» и написания первой из его картин-панорам - «От середины Китая до Западной Сибири» (в 72 метра длиной).

Двухтомник «Путешествие по Китаю» имел большой успех и вызвал шквал рецензий, авторы которых отдавали дань художественному мастерству Пясецкого и красочности его изложения. Русское Императорское географическое общество наградило Павла Яковлевича большой золотой медалью и приняло его в свои действительные члены. Книгу вскоре переиздали в России, а потом появились её переводы на французский, английский и немецкий языки.

Во время русско-турецкой войны 1877–1878 годов Пясецкий работал в качестве военного врача в Шипкинском отряде. Здесь он подхватил тиф, умирая от которого, написал воспоминания «Два месяца в Габрове», опубликованные в журнале «Вестник Европы» в 1878 году (№№9-10) и вызвавшие большой общественный резонанс. Пясецкому повезло - он выздоровел и продолжил свою интересную для публики жизнь путешественника и художника.

Во время русско-турецкой войны Павел Яковлевич вылечил тяжело раненного участника перехода через Балканы, офицера для особых поручений при штабе армии, А.Н.Куропаткина. Почти ровесники, они крепко подружились, и с тех пор, по мере роста Куропаткина в чинах и должностях (он в начале XX века стал военным министром России, а потом - главнокомандующим Русской армией на Дальнем Востоке - А.П.), Пясецкий сопровождал его во многих поездках. А результатом таких путешествий становились новые грандиозные полотна художника. Всего их - 11 (по другим источникам - 9). К сожалению, судьба многих из них неизвестна.

Но "Великий Сибирский путь" П. Я. Пясецкого сохранился до настоящего времени, он находится в Эрмитаже. Впечатляющая своим размахом, отмеченная высоким мастерством, панорама в целом дает возможность видеть, как выглядела Сибирь более века назад. После Всемирной выставки в Париже картина была передана в Русский музей императора Александра III, а затем перешла в запасники Эрмитажа. В 2004 году РЖД и Эрмитаж договорились о начале реставрации картины, законченной в 2008 году.



Свёрнутая картина «Панорама Персии»

В 2015 году вниманию русской и зарубежной публики на выставке в Эрмитаже «Культура и искусство Ирана» была предложена ещё одна восстановленная большая картина Павла Пясецкого – «Панорама Персии» (59,6 метра), а по итогам выставки выпущена книга.

### *Два Пясецких. Путать не рекомендуется...*

Точная дата смерти действительного статского советника, доктора медицины, путешественника, писателя, выдающегося художника Павла Яковлевича Пясецкого неизвестна. Начало 1919 года, Петербург – это всё.

Земляки-орловчане часто путают его с другим Пясецким – Гавриилом Михайловичем, краеведом, преподавателем Орловской духовной семинарии. Путаница дошла в своё время до того, что у здания бывшей Орловской губернской гимназии был установлен бюст не её выпускника Павла Пясецкого, а не имевшего к гимназии никакого

отношения Гавриила Пясецкого. Когда 5 августа 2005 года «Орловская правда» опубликовала очерк томского писателя Валерия Привалихина «Герой его картины – Великий сибирский путь», посвященный Павлу Пясецкому, то на фотографии снова был Гавриил.

В Орле имя Гавриила Пясецкого носит с недавнего времени школа № 11, но существующая в Железнодорожном районе улица Пясецкого названа в честь героя этого очерка – Павла Яковлевича.

И в заключение – небольшой отрывок из книги П.Я.Пясецкого «Путешествие по Китаю в 1874-1875 годах», посвященный оценке чая, который, как напиток, Павел Яковлевич не уважал:

*«Если даже мы допустим, как факт, не подлежащий сомнению, что теин, принимаемый в чайном настое, возбуждает умственные способности и помогает пищеварению, если допустить также, что наш народ очень нуждается в возбуждении умственных способностей и в содействии пищеварению посредством теина, то и тогда, говорю, громадное большинство потребителей чая, лишенное этого возбудителя ума и деятельности желудка, ничего не потеряет, потому что первое действие можно легко заменить другими, гораздо более действенными средствами, не говоря уже об «образовательном теине»; во втором же отношении, мне кажется, лучше человеку доставлять себе то, что может служить здоровой и питательной пищей, чем сначала портить себе желудок разною дрянью и потом поправлять свое расстроенное пищеварение. А как напиток, неужели наш сбитень, хороший квас и брага хуже плохого чая?!»*

Впрочем, соглашаться ли с земляком – каждый читатель решит сам...

А теперь – портрет Павла Яковлевича (но не Гавриила Михайловича) Пясецкого.



Павел Яковлевич Пясецкий



Бюст Гавриила Пясецкого  
у здания истфака ОГУ

## Николай Соловцов – основатель театра в Киеве

*Знаешь ли ты, читатель, кто был самой известной личностью в Киеве в конце XIX - начале XX века? Не догадываешься? Впрочем, до недавнего времени и я не знал. Оказывается, это наш земляк – актёр, режиссёр, антрепренер, драматург и переводчик Николай Соловцов.*

### *Первым поставил пьесу Чехова*

На Орловщине родилось достаточно много известных артистов, имена которых у нас постоянно на слуху. Назову лишь несколько известных служителей Мельпомены прошлого и настоящего: Пров Садовский, Гликерия Федотова, Анна Орловская, Иван Переверзев, Анастасия Георгиевская, Валерий Баринов. К перечисленным можно добавить и ещё несколько фамилий.

Однако Николая Соловцова в данном перечне нет, и вообще, эту исключительную в театральных кругах России второй половины XIX века фигуру современные орловчане как-то обошли стороной. А зря!

Простой перечень его достижений и заслуг впечатляет. К 25 годам Соловцов – известный провинциальный артист, особенно прославившийся ролями Скупого в одноименной пьесе Мольера, Несчастливцева в «Лесе» Островского, городничего в гоголевском «Ревизоре», Расплюева – в «Свадьбе Кречинского» и многими ролями в пьесах Островского. По отзывам театралов-современников – *«Судьба дала ему представительную внешность, сильный голос, мощный темперамент и пронцательный ум. Как актёр, он был неподражаемо хорош даже в ничтожных ролях бытового репертуара, создавая цельный, вполне законченный тип».*

В 27 лет Соловцов – успешный режиссёр, первый, кто поставил дебютную пьесу Антона Павловича Чехова (это был «Иванов»), а позже продолжил сотрудничество и дружбу с замечательным русским писателем и драматургом, представив зрителям Москвы, Питера и

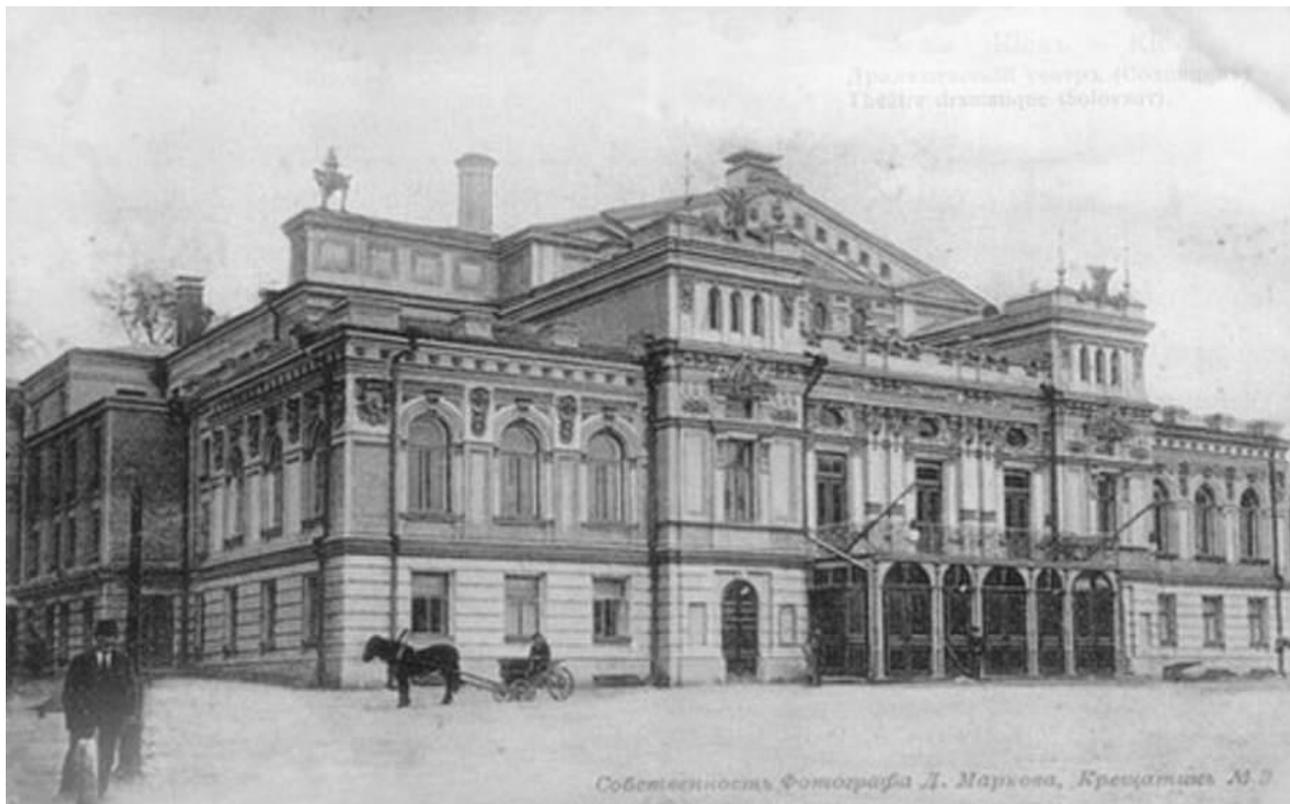


Николай Николаевич Соловцов

провинции чеховского «Лешего», его же «Свадьбу», «Чайку», «Дядю Ваню» и «Три сестры».

Антон Павлович так высоко ценил режиссёрское искусство Соловцова, что свою пьесу-шутку «Медведь» посвятил именно ему.

В 29 лет Николай Николаевич добавляет к первым двум занятиям ещё и антрепренерство (*сейчас это назвали бы продюсированием - А.П.*), организуя поездки в провинциальные города постоянных театральных трупп с таким составом и репертуаром, что неудач у него практически не бывало.



Театр Соловцова на Николаевской площади Киева (с открытки 1900 года)

### **«Самый богатый русский частный театр»**

Популярность спектаклей соловцовских артистов была так велика, что режиссёр решился на создание в Киеве (*здесь зрители особенно тепло принимали его труппу - А.П.*) первого постоянно действующего театра, который начал свою жизнь 1 сентября 1891 года с блестящей постановки спектакля Гоголя «Ревизор» (*в роли Городничего выступил сам Соловцов - А.П.*). Произошло это знаменательное для Киева событие на Фундуклеевской улице, в старом здании театра Бергонье. Через два года антреприза Соловцова получила его имя, а в 1898 году для театра «Соловцов» на Николаевской площади было построено специальное здание (*то, в котором сейчас находится театр имени Ивана Франко - А.П.*).

По словам современников, «основная черта соловцовского товарищества в Киеве проявилась сразу: оно было лишено «беспорядочного метания», «велось бойко и уверенно», «выглядело солидно и заключало в себе все элементы не только для прочного существования в течение одного сезона, но и для успешного развития в будущем». Постановочная культура театра представляла значительное художественное явление, по словам исследователя, «едва ли не чрезвычайное в условиях провинции». Постоянный актерский состав, тщательная подготовка спектаклей, серьезная работа режиссера с исполнителями (Соловцов первым в российских театрах отказался от суфлёров – А.П.), лучший отечественный и зарубежный репертуар, безусловный талант и смелость Соловцова-администратора, не боявшегося огромных материальных затрат, – все это превратило антрепризу в крупнейший театр провинции и в самый богатый русский частный театр».

Одновременно (в 1898 году), Николай Николаевич, успел создать постоянно действующий театр в Одессе (где, кроме драмы, ставились ещё и оперные постановки – А.П.) и выпускал в течение нескольких лет «Киевскую газету».

Если же в общий список его занятий добавить две им самим написанные и поставленные пьесы, а также две переведённые с польского – то остаётся удивляться – когда он всё успевал?

### *Кумир Киева*

Для Киева Николай Николаевич Соловцов стал настоящим кумиром. Мало того, что он сам был блестящим артистом, так он сумел в свой театр привлечь таких звёзд XIX века, как И.М. Шувалов, М.М. Глебова, И.П. Киселевский, Н.П. Рошин-Инсаров, М.И. Велизарий, А.А. Пасхалова, В.И. Немирович-Данченко, А.Я. Глама-Мещерская, Л.М. Леонидов. От их действия на сцене киевляне или плакали прямо в зале, или буквально лежали от смеха, или сидели, затаив дыхание – в зависимости от жанра пьесы.

Вот что писала городская пресса тех лет: «Киев сжился с Соловцовской драмой. Соловцов не только создал драматический театр, но и сумел слить его с обществом, придать ему большое общественное значение. Артисты Соловцовской труппы всегда были очень популярны в Киеве, а сам уважаемый Н.Н. – положительно, самый популярный человек в городе».

Во многих своих начинаниях Соловцов был первым в Киеве (а порой и в России – А.П.). К примеру, в его театре ставились не только собственные спектакли со своими артистами, но в Киев, по приглашению Николая Николаевича, приезжали такие российские суперзвёзды тех лет, как Комиссаржевская и Савина, Южин и Дальский, Сальвини и Росси. В театре шли не только драматические произведения, но также оперные и балетные спектакли. Киевляне, благодаря

Соловцову, впервые живьём увидели и услышали Фёдора Шалапина, Леонида Собинова, Анну Павлову.

Соловцов первым систематически стал давать бесплатные спектакли для учащихся, и на его постановках воспитывались целые поколения. Здесь можно было встретить молодых киевлян Сашу Вертинского, Мишу Булгакова, Костю Паустовского – будущих знаменитостей, получивших в популярном театре основы культуры и нравственности. Кстати, инициативу Соловцова оценили власти: по представлению учебного округа Николай Николаевич удостоился правительственных наград.

Даже появление в Киеве кино связано с именем Николая Николаевича, поскольку первые сеансы синемаатографа Люмьера прошли в театре Соловцова.

### *«Впервые выступил в Орле...»*

Осенью 1901 года в Киеве с большим размахом отметили 10-летие соловцовского театра, ставшего важнейшей составляющей городской жизни. А в конце года Николай Николаевич уже ставил очередные спектакли в Одессе, во втором своём театральном детище. Там и настигла его внезапная болезнь. Врачи не смогли помочь 45-летнему Соловцову.

Вот какое сообщение появилось в губернской газете «Орловский вестник» 15 января 1902 год: *«В ночь на 12 января сего года в Одессе (в большинстве других источников местом смерти артиста назван Киев – А.П.), после непродолжительной, но тяжёлой болезни (тиф, осложнённый кровоизлияниями и проч.) скончался, как уже известили телеграммы, известный и выдающийся драматический артист и антрепренер киевских и одесских театров Николай Николаевич Фёдоров – по сцене Соловцов».*

Да, уважаемый читатель, Соловцов – это псевдоним, но именно под ним Россия и Киев узнали этого гения театра. Цитирую сообщение из «Орловского вестника» далее:

*«Н.Н. происходил из орловских дворян, родился в 1856 году (в большинстве современных источников датой рождения Соловцова названо 3 (15) мая 1857 года – А.П.). Образование получил в Орловской классической гимназии (встречается информация, что обучение в ней не было закончено – А.П.).*

*С юных лет обнаружил большое влечение к сцене и, будучи ещё гимназистом, принимал участие в гимназических и домашних спектаклях. Среди заправских актёров впервые выступил в 1875 году, в конце зимнего сезона в Орле, в труппе Сервье. Н.Н. сыграл тогда роль Рутли в старинной оперетке-водевиле «Кетли» и небольшую роль в «Записках демона». Летом в Орле он играл в труппе Черкасова (водевильно-комедийные роли)».*

### *Киевляне помнят, а мы?*

Ну а о дальнейшей звёздной и так безжалостно рано прервавшейся карьере нашего земляка я уже рассказал.

Похоронили Николая Николаевича Соловцова в монументальном склепе на Аскольдовой могиле, в историческом центре Киева. Рядом с ним в 1919 году упокоилась и его жена, замечательная артистка Мария Глебова. К сожалению, в последующие годы кладбище и склеп были уничтожены. Но прах Соловцова и его супруги, верной сподвижницы по театру, перенесли на центральную аллею Байкова кладбища, установив общий надгробный памятник.



Могила Соловцова и Глебовой на Байковом кладбище в Киеве

В 1962 году одна из улиц Печерского района Киева была названа именем Николая Соловцова, а в 2007 году киевская театральная общественность отметила 150-летие со дня его рождения.

Что касается театра Соловцова, то после его смерти некоторое время им руководила Мария Глебова. В 1919 году театр был национализирован, а его труппа положила начало современному театру имени Леси Украинки.

Как тебе, читатель, масштаб сделанного нашим земляком? Впечатляет? Да, деятелей такого масштаба на Орловщине можно пересчитать по пальцам. Жаль только, что имя Николая Соловцова (Фёдорова) пока не увековечено в его родном городе.

## Леонид Андреев – писатель со 2-й Пушкарной

Родоначальник русского экспрессионизма, один из замечательных представителей Серебряного века русской литературы, писатель Леонид Андреев любил все огромное. Его дом в деревне Ваммельсуу в Финляндии высился над всеми домами: каждое бревно, стопудовое, фундамент – циклопические гранитные глыбы; в этом доме – огромный рабочий кабинет, похожий на площадь, а камин в кабинете был величиной с ворота, на огромном письменном столе стояла огромная чернильница.



Леонид Николаевич  
Андреев

Он был чрезвычайно азартным человеком – и часто в этом не знал меры: мог на несколько месяцев стать моряком, художником, фотографом, даже спортсменом, всю жизнь увлекался театром – и, если бы не писал книг, то, наверняка, играл бы в каком-либо известном театре – причем, еще и свою пьесу.

Родился Леонид Андреев 9 (21) августа 1871 года в Орле, и 17 лет его детства и юности связаны с домом №41 по 2-ой Пушкарной улице, который был построен его отцом в 1874 году, и с Орловской мужской гимназией.

По образованию Леонид Николаевич – юрист: он закончил Московский университет и работал некоторое время помощником присяжного поверенного. Однако до момента сдачи экзаменов Андрееву пришлось пройти через многие испытания: смерть отца, тяжёлое материальное положение, отчисление из числа студентов Санкт-Петербургского университета за неуплату, несчастная любовь и попытка самоубийства, последствием которой стали церковное покаяние и порок сердца.

Занимаясь адвокатской деятельностью, Андреев одновременно успешно сотрудничал с московскими газетами в качестве судебного репортера и фельетониста под псевдонимом *Джемс Линч*. Первый рассказ писателя, опубликованный в газете «Курьер» в 1898 году, назывался «Баргамот и Гараська» и написан он был на материале родной улицы Леонида Андреева – Пушкарной. А всеобщее признание к нашему земляку пришло в 1901 году, после публикации в журнале «Жизнь» рассказа «Жили-были».

Герои многих следующих его произведений (рассказов «Ангелочек», «Гостинец», «Весной», «Алеша – дурачок», «Буяниха», «На реке», пьесы «Молодость», романа «Сашка Жегулев») также жили и действовали на хорошо знакомых Андрееву улицах и слободах Орла – Посадских, Пушкарных, Стрелецких. Имелся у Леонида Николаевича и свой Вавилон – местечко на маловодном Орлике.

Для творчества нашего земляка характерны как ярчайший реализм (например, рассказы, навеянные орловской действительностью), так и стремление к отвлеченным обобщениям, без всякой конкретики (рассказы «Ложь», «Смех», «Жизнь Василия Фивейского», «Жизнь Человека», «Царь – Голод» и другие).

Одним из первых антивоенных произведений литературы XX века стал рассказ Андреева «Красный смех», написанный по событиям русско – японской войны.

Современники считали Леонида Николаевича провинциальным человеком: он любил пивать чай с семьей, любил слушать игру на гитаре, любил послеобеденный сон, мало читал, не знал ни одного языка, был равнодушен к симфонической музыке. Но те же современники видели, что при всем этом одно в писателе Андрееве оставалось неизменным – душевная чистота, благородство, стремление помочь нуждающимся.

Во время своей популярности Леонид Николаевич получал огромные гонорары, но всю жизнь оставался небогат: все поглощала семья, а, кроме того, в его большом доме всегда было человек пять – шесть посторонних – студентов, художников и нуждающихся в том, чтобы их просто накормили.

Когда в начале Первой мировой войны еврейское население западных районов России поголовно обвиняли в измене и шпионаже и начали выселять евреев из пограничных районов, Леонид Андреев вместе с Максимом Горьким и Федором Соллогубом создали для помощи беженцам «Русское общество для изучения еврейской жизни» и выпустили литературный (за два года выдержавший три издания) сборник «Щит». По опубликованной в годы войны пьесе Леонида Николаевича «Король, закон и свобода», кинокомпания А.Ханжонкова сняла фильм.

В характере Андреева сочетались крайности: любимой темой его была тема смерти, и он часами мог говорить монологи о ней – но, с другой стороны, он был чрезвычайно остроумным человеком, над шутками которого смеялись многие его знакомые.

Свою дачу писатель называл «Вилла Аванс», потому что она была построена на деньги, взятые авансом у издателя, а одну знакомую даму

он прозвал «Братская могила», потому что любовниками ее были два брата.

Андреев с восторгом встретил Первую русскую революцию (постепенно охладевая к ней) и уже резко отрицательно отнесся к Октябрьской.

12 сентября 1919 года Леонид Николаевич скоропостижно скончался в финском местечке Мустамяки от порока сердца, приобретённого в молодые годы вследствие попытки застрелиться из-за несчастной любви. Ему не было и 50-и.

Узнав о смерти Андреева в Финляндии, Максим Горький признался присутствовавшим при известии Чуковскому и Блоку: *«Это был мой единственный друг. Единственный»*.

В том же 1919 году в Петербурге состоялся устроенный Горьким вечер памяти Андреева, где Горький читал свои воспоминания о Леониде Николаевиче, в которых сказал, что: *«он был таков, каким хотел и умел быть – человеком редкой оригинальности, редкого таланта и достаточно мужественным в своих поисках истины»*.

Прах писателя в 1956 году был перенесён из первоначального захоронения в Мариоках на Литераторские мостки Волкова кладбища в Ленинграде. Там он ныне и покоится.

21 августа 1991 года, в 120-летний юбилей писателя, в Орле, по адресу 2-ая Пушкарная, 41, открылся Дом-Музей Леонида Андреева. В наше время достаточно часто издаются книги писателя, а по нескольким его произведениям сняты фильмы (последний по времени, 2013 года, режиссёра Андрея Богатырёва – «Иуда», по повести «Иуда Искарот»).

И в заключение, читатель, отрывок из малоизвестного рассказа Леонида Андреева «Мои анекдоты»:

***"Мои анекдоты"***  
***(листки из «Моих записок»)***

***Аннотация***

*Не имея претензии быть присяжным остроумцем, я, однако, не лишен чувства юмора и весьма ценю истинно смешное: смех оживляет общество и позволяет внимательному оратору, следящему за настроением аудитории, поддерживать ее внимание на должной высоте. Решительно не могу припомнить всех тех удачных остроум, комических сопоставлений и забавных парадоксов, которыми в часы досуга и дружеской беседы развлекал я моих дорогих посетителей, но кое-какие пустяки остались на клочках рукописи и на полях Библии, единственной книги, не оставившей меня в моем уединении.*

*Я надеюсь, что мой благосклонный читатель снисходительно отнесется к этим курioзным пустячкам и в невольной легкой улыбке найдет минутное забвение от тягостей и забот докучной жизни*

*(Леонид Николаевич Андреев).*

### **БОЧКА**

*Через некий глухой город проезжали случайно ВЫСОЧАЙШИЕ ОСОБЫ. Энтузиазм и восторг жителей, никогда не выдавших ничего подобного, выразился в естественном и повелительном стремлении видеть дорогих гостей, с каковою целью - одни заняли окна верхних этажей по пути следования процессии, другие же, менее счастливые, толпились на тротуарах, тесня и давя друг друга. Но один пожилой коммерсант, имя которого для нас не важно, продав любопытным все окна своего дома и, тем не менее, страстно желая и сам узреть предмет общего любопытства и восторга, придумал следующее: он достал из своего склада высокую бочку, выкатил ее на тротуар и, поставив стоймя, влез при помощи своих служителей на ее днище. Таким образом, к зависти остальных, он возвышался над толпою и видел улицу на всем ее протяжении.*

*Но днище бочки оказалось непрочным, и в тот момент, когда пышная процессия показала на завороте улицы, доски проломилась от неосторожного движения коммерсанта и он провалился внутрь бочки, скрывшись с головою за ее стенками. Там он и пробыл все время, пока проходило торжественное шествие, так как попытки вылезть для этого толстого человека оказались безуспешными, повалить же бочку и таким образом выкатиться из нее не позволяли сдавившие ее зрители.*

*Здесь смешно то, что, желая видеть больше других, коммерсант видел меньше всех: стоявшие в задних рядах и лично ничего не выдавшие могли хоть по выражению лиц соседей судить о впечатлении, производимом ВЫСОЧАЙШИМИ ОСОБАМИ, и косвенно участвовать в торжестве. Он не мог даже этого!*

*Здесь смешно еще и то, что, стремясь разделить с толпой сограждан чувства энтузиазма и естественного восторга и таким образом слить свою личность с обществом, коммерсант оказался в положении крайнего и совершенно исключительного одиночества; необходимо заметить также, что одиноким он оказался как раз в центре многолюдного собрания. Громкие крики "ура!", причины которых он не видел, лишь увеличивали его искусственную и смешную обособленность и придавали его печальному одиночеству иронический характер.*

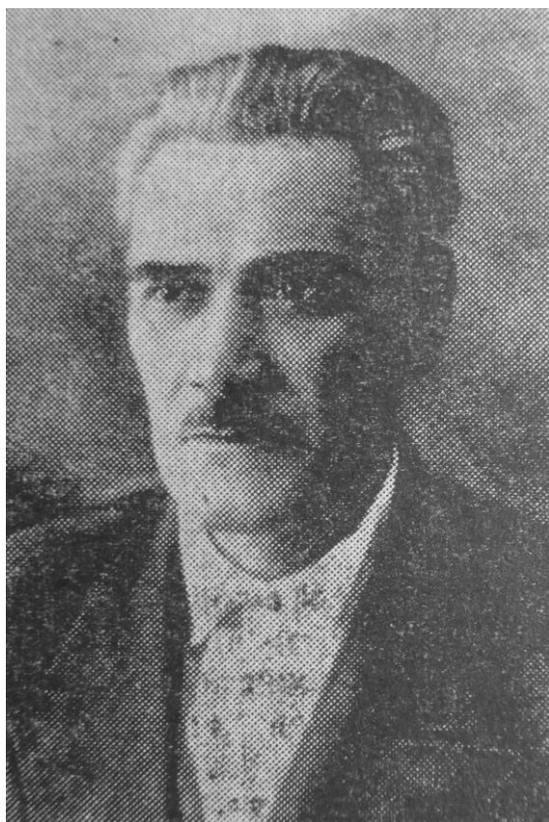
*Мои дорогие посетители много смеялись, когда я рассказал им этот случай...*

## Александр Герmano – основатель цыганской письменности

Осенью 1915 года, в самый разгар полыхавшей вовсю Первой Мировой войны, в Орле была издана книга, средства от продажи которой пошли на лечение раненых и инвалидов. Сборник под названием «Орловцы – жертвам войны», как ни удивительно, стал пророческим предчувствием будущих страшных испытаний для всего мира и России.

### Нашли в капусте

Одним из авторов книги выступил 22-летний Александр Герmano. В сборнике были опубликованы его повесть «Иван Тальго» и эссе под названием «Червь грызёт». Это небольшое, удивительное по своей сути, философское и лирическое размышление о быстротечности жизни, о мудрости старости и неминуемом мраке пустоты в конце земного пути каждого человека. Поразительно, что такие глубокие мысли о бренности человеческого бытия возникли в голове очень молодого человека, но, возможно, это произошло как раз под влиянием событий войны.



Александр Герmano

У писателя, поэта, драматурга, собирателя цыганского фольклора и переводчика Александра Герmano (настоящая фамилия – Герман – А.П.) – неординарная биография. Его родителей, выходцев из Австро-Венгерской империи, чеха Вацлава и моравскую цыганку Каролину Германов – занесла на Орловщину

кочевая судьба. К этому времени в семье уже было десять детей, и многодетная мать снова была беременна. Но отцу семейства не довелось увидеть появления на свет одиннадцатого ребёнка, Вацлав Герман скончался за три месяца до его рождения.

Чтобы как-то отвлечь от мрачных мыслей вдову, знакомые цыгане пригласили Каролину на свадьбу в село Старцево (Лепёшкино) под Орлом (ныне – село Старцево Платоновского сельского поселения Орловского района – А.П.). О том, что там произошло, потомкам поведала в своих воспоминаниях жена Александра Герmano, Мария Вардашко.

На свадьбе Каролина, обладавшая в жизни весёлым нравом и любительница потанцевать, во время зажигательной музыки, пустилась в пляс, несмотря на беременность. Но потом вдруг, в разгар всеобщего веселья, исчезла, и танцующие не сразу заметили её исчезновения. Стали Каролину искать и нашли в огороде, меж капустных грядок, где и случились роды. Вот так, в капусте, и появился на свет будущий классик цыганской литературы. Произошло это 26 мая (по старому стилю) 1893 года. А через два дня в местной Николаевской церкви села Старцево (Лепёшкино) младенца окрестили под именем Александр. Имя отца в метрической записи переименовали на русский лад, и потому стал он вместо Вацлава Вячеславом.

### *В «Содружестве орловских литераторов»*

До 8 лет ребёнок рос и воспитывался в семье матери, а затем его к себе взяла старшая сестра Анна Вячеславовна Герман (Гильденбрандт). Александр окончил церковноприходскую школу, городское училище в Орле, а затем продолжил учёбу в коммерческом училище в местечке Святошино Киевской губернии и в Киевском коммерческом институте, закончить который ему помешала Первая Мировая война. Возвратившись в Орёл, Германо принял участие в выходе того самого сборника, о котором я выше написал.

С большим энтузиазмом молодой писатель принял Октябрьскую революцию и Советскую власть, в первые годы которой он активно участвовал в культурном строительстве на Орловщине. Без его участия не обходилось ни одно мало-мальски значимое мероприятие.

С января 1919 года по начало 1920 года Александр Германо участвует в гражданской войне в составе Красной Армии, а демобилизовавшись, вновь активно включается в культурную жизнь Орловщины.

Он возглавляет орловское издательство «Красная книга», является редактором орловского литературного детского журнала «Первоцвет» и организатором «Содружества орловских литераторов» (члены которого собирались на квартире Александра Вячеславовича на Карачевской улице), руководит отделом крестьянской жизни в «Орловской правде», принимает активное участие в создании Тургеневского музея (многие экспонаты для него он предоставил лично) и в музейных литературных вечерах.

Кроме активной общественной деятельности, Александр Германо успевает много и плодотворно работать как профессиональный литератор – поэт, прозаик и драматург.

За один лишь 1921 год в Орле были опубликованы две его пьесы – «У дверей дома» и «В некоем учреждении», сборник рассказов «Былые

зарницы» и отдельный рассказ «Петяшка». О пьесе «В некоем учреждении» стоит сказать отдельно, поскольку сатирическая одноактная комедия, зло высмеявшая советских бюрократов, имела большой успех у орловчан (впрочем, эту комедию играли не только в Орле, а и в соседних губернских театрах, где она ставилась около 300 раз). Комедия не потеряла своей актуальности и поныне.

### *У истоков цыганской литературы и театра «Ромэн»*

С 1926 года начинается новый этап творческой биографии Александра Германо: он переезжает в Москву и посвящает себя цыганской литературе и культуре. Изучив в совершенстве цыганский разговорный язык (овладев и несколькими диалектами), он стал одним из основателей цыганской письменности.

Когда в самом начале 1927 года в Москве был задуман и вскоре стал выходить первый в мире цыганский общественно-политический и литературно-художественный журнал «Романы Зоря» («Цыганская Зоря»), то его секретарём стал Александр Германо. В ноябрьском номере журнала появился и первый его рассказ на цыганском языке – «Руверо» («Волчонок»). А потом были другие произведения, заложившие основу цыганской литературы.

Излюбленная тема его рассказов – дореволюционная жизнь цыган. Типичным образцом подобного жанра является большой рассказ «Атасятуно бурмистро» (из книги «Ярга»). Его герой – богатый венгерский цыган Ярга фон Веймар, наживший большие деньги международной торговлей и привыкший вести роскошную жизнь в европейских столицах, отказывается после начала Первой мировой войны от возможности уехать в Германию. После революции и начавшейся гражданской войны Ярга скитается со своим табором по России, видит, как молодые цыгане покидают табор в поисках лучшей жизни, испытывает лишения от холода и голода и затем погибает. Другая, сравнительно большая, повесть «Ганка Чамба» рассказывает о тяжелой судьбе крепостной цыганки, талантливой певицы, которая не может реализовать свои способности из-за самодурства помещицы и, в конце концов, вынуждена бежать в табор.

Рассказы Германо посвящены и новой жизни. Так, повесть «В пути» представляет собой описание добровольного переселения цыган на восток для участия в социалистическом освоении Сибири. Надо отметить, что, несмотря на политическую тенденциозность, проза Германо достаточно живо написана и содержит реалистические детали цыганского быта. В формальном плане Германо (как и другие цыганские прозаики) достаточно традиционен и продолжает в целом традиции народнической прозы 80-х годов XIX столетия и таких

писателей, как Короленко и Горький. В сборнике «Ганка Чамба и другие рассказы» (1935г), опубликовано также шестнадцать коротких сказок, часть из которых представляет собой авторскую обработку цыганского фольклора (сказок, былей и анекдотов).

В 1931 году в Москве начал свою жизнь и знаменитый театр «Ромэн», одним из создателей которого стал, опять-таки, Александр Германо. Впервые в мире с подмостков сцены цыгане на родном языке заговорили о своей жизни и проблемах.



Основатели театра «Ромэн». Четвёртый слева - А. Германо

Трёхактная, музыкально-драматическая пьеса Германо «Жизнь на колёсах» стала премьерной для театра и шла в нём более 1200 раз. Главную роль Грины в спектакле блестяще сыграла известная танцовщица и актриса Ляля Чёрная. Она буквально покоряла зал своей игрой в неповторимом цыганском стиле.

Следом за первой пьесой Германо для театра последовала вторая – «Между огней» (другое название – «Между двух зорь»). С 1931 по 1939 год театр «Ромэн» осуществил постановку этих пьес свыше тысячи раз. Любопытно, что сами спектакли долгое время шли на цыганском языке, а вот вставки между актами, интермедии, – по-русски.

Всего, в период с 1927 по 1938 год, Александр Германо написал на цыганском языке (иногда, параллельно, сразу и на русском) около 30 произведений – рассказов, небольших повестей, литературных сказок, пьес, этнографических зарисовок, стихов и песен. Они были объединены в несколько сборников. Кроме того, он, как писатель, журналист и педагог создал несколько учебников и хрестоматий для цыган (со своими переводами поэм и сказок А.С.Пушкина), опубликовал множество статей и выпустил «Библиографию о цыганах», в которой впервые свёл все материалы, опубликованные в русской прессе с 1780 по 1930 годы.

### *Орловская память*

Творчество Александра Германо было оценено высоко как читателями, так и критиками. В 1934 году он стал членом Союза советских писателей, и членским билетом с подписью Максима Горького Александр Вячеславович очень дорожил. К сожалению, с 1938 года в СССР публикации произведений авторов (а их было почти два десятка) на цыганском языке прекратились, а вскоре и спектакли театра «Ромэн» стали ставиться только на русском языке (что, конечно, привлекло большую аудиторию, но несколько потерялся национальный колорит).

Произведения Александра Германо, написанные на цыганском языке, несколько раз публиковались в русском переводе, причём, однажды это было сделано и в его родном Орле («Повести и рассказы», 1962 год).

Во время Великой Отечественной войны писатель жил в Москве и сотрудничал с Советским Инфорбюро, выступая с чтением рассказов, сказок, стихов в госпиталях и в подмосковных частях Красной Армии.

С Орлом Германо связей не прерывал никогда, приезжал на родину в творческую командировку в 1940 году, а потом – в послевоенный период. В «Орловской правде» он печатался несколько раз в 40-50-ые годы XX века.

Орловская природа и действительность вошли в цикл рассказов писателя «Призрачные лики» и «Всамделишные происшествия». Перу Александра Вячеславовича принадлежат также очерки по истории Орловской области, которые, к сожалению, мало известны даже краоведам-исследователям. Рукописи многих работ писателя переданы его женой в музей И.С. Тургенева.

Орловский цыган Александр Германо умер после тяжёлой болезни 22 апреля 1955 года в Москве. Похоронили нашего земляка на Ваганьковском кладбище (5 участок). В Орле его именем названа улица.

## От Киева до Орла: Турбины во времени и пространстве

В начале марта 2012 года по телеканалу «Россия-1» прошёл восьмисерийный фильм «Белая гвардия», снятый режиссёром Сергеем Снежкиным по одноимённому роману Михаила Булгакова. Экранизация одного из самых известных произведений знаменитого писателя вызвала новый всплеск интереса к его биографии и творчеству, спровоцировав оживлённую дискуссию в обществе и средствах массовой информации.

На всякий случай, сообщу для не знающих и повторюсь – для знающих, что хотя сам Михаил Афанасьевич родился в Киеве в 1891 году, все его родовые корни – в наших краях. Отец, мать, все дедушки и бабушки писателя, по происхождению, – из священнических семей Орловской губернии. Много интересной информации о родственниках Булгакова, живших долгие годы в наших краях, выяснил, копаясь в архивах, краевед Владимир Алексеевич Власов.

Но мой рассказ – лишь об одном из представителей того семейства, которое прославил Булгаков в романе «Белая гвардия». Турбины – девичья фамилия бабушки писателя (по линии матери), Анфисы Ивановны. Она была дочерью священника села Троицкого Ливенского уезда.



Памятник Михаилу Булгакову в Киеве

### *Он спасал детей и раненых солдат*

В начале XX века жила в Орле семья и других Турбиных, тоже священников и тоже родом из Ливен (*вполне возможно, - родственники Михаила Булгакова – А.П.*). Одним из семнадцати детей Ивана Ивановича и Анны Ивановны (*выжили семеро – А.П.*) был сын Владимир, родившийся в 1905 году. Далее процитирую несколько отрывков из очерка тележурналиста Владимира Переверзева, снявшего о враче Турбине документальный фильм:

*«Внешне жизнь Владимира Турбина складывалась благополучно. В 1923 году он поступил в Харьковский медицинский институт, после окончания которого работал сельским врачом в Салтыках Кромского уезда, а затем вернулся в Орёл, где был принят в инфекционную больницу.*

*С 1932 года до самой пенсии жизнь доктора Турбина была связана с инфекционной больницей. В его трудовой книжке, хранящейся в запасниках Орловского краеведческого музея, других записей нет. Он стал известен и уважаем, свидетельством тому не только дипломы и Почетные грамоты, сопровождавшие его трудовую жизнь, многочисленные и ничего не стоящие знаки государственного внимания, но, главным образом, признания жителей города, которые всё замечали и ничего не пропускали мимо ушей...*

*Представим зимний Орёл середины 30-х, дым из печных труб – город отогревался дровами и углём... Дальше вообразим комнатёнку, оклеенную дешёвыми жёлтыми обоями, в которой на узкой кровати при свете керосиновой лампы умирает десятилетний мальчик, заболевший дифтеритом, – эпидемия косила детей без разбора...*

*Никто никогда не узнает, сколько детей спас доктор Турбин, – кстати, автор этого очерка тоже из их числа, – никто не узнает!..*

*А 3 октября 1941 года Орёл захватили немцы... В Орле оставалось около тридцати тысяч жителей, которые не успели, не смогли или не захотели бежать (по другим данным, около 50 тысяч), и тысячи раненых солдат и офицеров, которых Красная Армия при отступлении бросила на произвол судьбы. С государственной точки зрения все они были преступники.*

*Немцы заняли лучшие здания города, в том числе военный госпиталь на углу Комсомольской и Красина. Всех раненых выбросили на улицу, безногих, безруких, в окровавленных бинтах. В первый день оккупации немцы не занимались ни документами, ни проверками, ни расстрелами. Наступила ночь, страшная ночь с третьего на четвертое октября. Врачи, фельдшеры, медсестры госпиталя не оставили своих. Было принято безумное и единственно правильное решение переправить их в инфекционное отделение областной больницы, в Школьный переулок. Инфекционным отделением заведовал Владимир Иванович Турбин...*

*Утром следующего дня весь двор был полон стонущими и умирающими русскими солдатами и офицерами. Пришёл немец в погонах и сказал Турбину: "Это наши военнопленные. Завтра вы должны перевезти их в пункт сбора военнопленных. Если вы этого не сделаете, через час все врачи будут расстреляны".*

*Пунктом сбора был централ, тюрьма, одно из самых страшных мест Орла. Как бы вы поступили на месте Владимира Ивановича Турбина, на которого свалилась такая ноша?*

*Доктор Турбин стал первым и главным организатором лечебной помощи, потом пришли к нему хирурги. Он был великим диагностом, иными словами, всех, кого можно было спасти, он спас. Турбин распределял раненых, попутно определяя диагностику и лечение... В то же время врачи и медсестры лихорадочно придумывали истории болезни. Солдаты и офицеры Красной Армии стали колхозниками ближних деревень, жителями Орла, Бог весть кем они стали, немцы уважительно относились к документам. Когда через несколько дней по городу пошли полицаи, все документы были в порядке, а на заборе отделения появилась надпись по-немецки и по-русски: "Не входить. Заразная болезнь"...*

Так Владимир Иванович Турбин стал одним из врачей знаменитого орловского подпольного госпиталю. Но если о Гусеве и Протопопове, как о героях, спасших сотни жизней советских воинов, потом не раз сообщалось в прессе, и появилась книга об их подвиге, то имя Турбина на долгие годы кануло в небытие.

### **«Лечил не только тела, но и души...»**

А всё потому, что был он не обычным советским человеком, а настоящим русским, православным, да к тому же тайно принявшим в 1934 году монашеский постриг.

После освобождения города от фашистов Турбина арестовали, обвинив в пособничестве гитлеровцам. Но потом выпустили, сместив, правда, с должности заведующего отделением. Владимир Иванович стал рядовым врачом, за которым потом продолжали следить, писали доносы, обвиняли в каких-то грехах. Иногда он отвечал обидчикам, но чаще просто продолжал молча делать своё дело – спасал людей.

*«В начале 50-х доктор Турбин заведовал отделением воздушно-капельных инфекций. Там лежали дети с дифтерией, скарлатиной и другими тяжёлыми инфекционными заболеваниями. Лежали там и взрослые с брюшным и сыпным тифом, со столбняком, бешенством. Это были очень серьёзные болезни, требующие от врачей высокой квалификации, всесторонних знаний, огромной самоотдачи.*

*Владимир Иванович Турбин был великий врач, он лечил не только тела, но и души людей...»*

Умер он 22 апреля 1972 года, похоронили его на Троицком кладбище.

На мемориальной доске, висящей перед входом в областную больницу, имени доктора Турбина нет, к сожалению, до сих пор.



**Середина 60-х. Одна из последних фотографий В. И. Турбина.**

Доктор Владимир Турбин



Могила доктора Турбина на Троицком кладбище

### **Владимир Переверзев: прикоснувшийся к Булгакову...**

А теперь о мистике, к которой так был склонен писатель Булгаков, - о странных совпадениях в жизни и судьбе Алексея Турбина из «Белой гвардии», прообразом которого был сам писатель, и реального доктора Владимира Турбина, «легенды Орла», как назвал его журналист Владимир Переверзев.

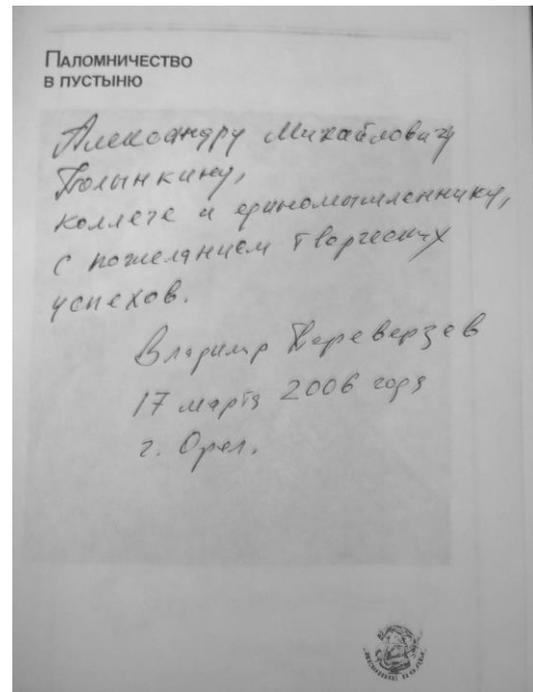
Снова цитирую его очерк «Легенда Орла - доктор Турбин»:

*«У обоих безоблачное гимназическое детство: у одного - в Киеве, у другого - в Орле. Оба выбрали основной профессией медицину: один учился в Киеве, другой - в Харькове. Украина... Оба были сельскими врачами, кстати, диагносты от Бога! Вряд ли Владимир Турбин читал "Записки молодого врача", но он узнал бы себя. Тот работал в глуши смоленских лесов, этот - в степной глуши, в орловских Салтыках.*

*Оба оказались в водовороте самых страшных испытаний, один - в гражданскую, другой - в Великую Отечественную войну. Оба жили при немцах в оккупации, оба пытались ей противостоять, а потом были подвергнуты незаслуженной опале, которую выдержали достойно, не жалуясь. Какое сходство судеб, какая переключка сквозь русское пространство и русское время! Какое поразительное самостояние духа!*



Владимир Переверзев



Автограф В.Переверзева на книге  
«Паломничество в Пустыню»

*И потом: один уходит в писательство, другой – в монашество, а это близко, почти рядом. И кружились над обоими бесы, но и ангелы летали тоже. А монашеская чёрная шапочка Мастера, – он ведь думал, думал об этом! Странны и повторяемы были их судьбы».*

Чтобы уж закончить с мистикой, скажу, что март – трагический для Михаила Булгакова месяц: 27 марта (14 – по старому стилю) 1907 года скончался его отец Афанасий Иванович, а сам писатель умер после тяжёлой болезни 10 марта 1940 года.

А журналиста, публициста, поэта, члена Союза писателей России, Владимира Ивановича Переверзева, открывшего для орловчан имя доктора Турбина, семь лет уже, как нет в живых. Он скончался после тяжёлой болезни 27 марта 2009 года, день в день с отцом Михаила Булгакова.

14 марта 2017 года Владимиру Ивановичу Переверзеву должно исполниться 70 лет. Пусть этот материал станет светлым напоминанием о нём и его пропитанном «Дымом Отечества» (так назывался цикл телепередач журналиста – А.П.) творчестве.

## Глаза и руки Михаила Волкова

*Михаил Павлович Волков слеп полностью вот уже несколько лет. С того самого дня, как однажды, во дворе собственного дома, по причине внезапного микроинсульта, потерял сознание и, падая лицом вниз, правым глазом буквально нанизался на рукоятку собственной кувалды.*

### *Дворовая трагедия*

С этим глазом и так были проблемы, потому что ещё в 1986 году на



Михаил Павлович  
Волков

нём сделали операцию по удалению катаракты и вживили искусственный хрусталик. Собственное глазное яблоко активно сопротивлялось процессу и потому врачам, время от времени, приходилось ставить на место капризничавший хрусталик. Но, тем не менее, этот правый глаз верой и правдой прослужил Михаилу Павловичу почти 20 лет.

С ним, искусственным, надевая для страховки ещё и очки, Волков выполнял все домашние работы, включая огородные, хотя это ему категорически не рекомендовали. Но возложить хозяйские заботы на любимую жену он, как мужчина, категорически не хотел. Однако незадолго до описанной трагедии с Михаилом

Павловичем случилась другая – отказался служить глазной нерв левого глаза, который утерял всякую способность видеть.

Так что, с 2005 года бывший и классный мастер-краснодеревщик не только не мог делать свою мебель, но и навсегда простился с дневным светом.

Другой бы на его месте от двух подряд – и каких! – ударов впал бы в панику и депрессию, но Михаил Павлович не из таковских нытиков.

### *На улице Первомайской, она же – «Кошелёвка»*

Может быть, потому, что жизнь его с самого детства никогда не дарила ему пряников, вынуждая заботиться о хлебе насущном. Он – коренной орловчанин, родился в ноябре самого тяжёлого послевоенного, 1946 года, на улице Первомайской. В те годы местные её называли чуть попроще – *Кошелёвка*, по причине того, что на улице обитали местные молодцы-удальцы, которые любого прохожего не только без кошелька, но и без штанов могли оставить.

Жили Волковы в дедовском доме, построенном из бутового камня и глины и потому постоянно сыпавшемся. Дед всю жизнь прослужил сторожем – вначале на Сергиевском кладбище, а когда прямо на могилах в 1928 году стал строиться завод имени Рыкова (будущий «Текмаш»), Василий Никитич (так звали деда) сторожил один из его цехов.

Бабушка была совершенно глухой, поскольку во время войны попала под страшную бомбёжку и от близкого взрыва у неё лопнули барабанные перепонки. За внуком первое время присматривала именно она, поскольку мать с утра до вечера была на работе – на том же «Текмаше», где трудилась кладовщицей, к 55 годам заработав пенсию аж в 49 рублей 50 копеек.

Об отце – отдельная и не слишком хорошая история. Павел Волков работал кочегаром на железнодорожной станции. О жене и сыне не заботился совершенно. Александра Васильевна терпела недолго – подала на развод и на алименты. Мише Волкову было тогда два года.

Мать второй раз замуж так и не вышла, и когда умерла бабушка, им вдвоём стало совсем тяжело. Денег всегда не хватало, даже на еду. Тюря (подсолённая вода с крошеным туда хлебом) часто для Миши была основной пищей.

Однажды Александра Васильевна решила побаловать Мишу деликатесом, из последних денег на близлежащем Хитром рынке (да, не на Хитровом, а *Хитром* – неофициальный рынок с таким названием находился между современными заводами «Текмаш» и имени Медведева) купила килограмм манки. Стала варить – а из кастрюли бежит ручьём одна пена. Оказалось, продали ей мыльный порошок вместо манки. А жуликов, естественно, и след простыл.

Когда Мише было лет пять, и он оставался дома совершенно один (бабушка умерла), то обычно уходил играть на улицу. Одежонка была слабенькая, увлёкся однажды зимой строительством снежных крепостей и сильно промок. Домой пришёл и, дожидаясь матери, так и просидел в мокрой одежде. Результатом стало сильнейшее воспаление и полная неподвижность ног.

Целый год Миша Волков пролежал в кровати (и не в больнице под присмотром, а дома). Но мать не могла сидеть с ним, поскольку их маленькую семью надо было кормить. Она запирала сына и уходила на работу. Правда, в обед приходила соседка-пенсионерка, тётя Катя Веселова. У неё мужа не было, а трое детей имелось. Чтобы их прокормить (а пенсии на это не хватало), она весной-осенью по ближним лесам ходила, грибы-ягоды-орехи собирала и по стаканчику продавала. И Александра Васильевна Волкова за небольшую плату

попросила её готовить обед для сына Миши. Откроет дверь тётя Катя и кричит: «Мишка, ты жив?» Услышав ответ, заходила.

Так и пролежал Миша целый год. Но мать, даже при таких условиях, умудрилась позаботиться о сыне. Для начала она ему купила пяльцы, показала первые движения, и скоро Миша всю вязал, а потом и вышивать «гладью» начал. А рисунки для вышивок сам делал – и неплохо у него это получалось. Потом и лобзиком овладел, ловко разные фигурки из фанеры выпиливал.

Может быть, эти занятия, может, любовь и забота материнская сказались, но выздоровел Миша. В школе проблем с учёбой не было, а за рисование его всегда хвалили. Друг-сосед, Юра Козлёнков, уезжая поступать в художественное училище, предлагал и Мише сделать то же самое (кстати, через два десятка лет Юрий Алексеевич Козлёнков стал известным орловским художником). Но семейный бюджет Волковых не потянул бы отъезд в другой город и житьё там. Пришлось пойти Михаилу рабочим на «Текмаш». Заочно закончил 10 классов – этим и ограничилось всё его образование.

### *Мастер*

Потом была служба в армии, возвращение на завод и работа столяром в модельном цеху. Так и проработал на нём 30 лет Михаил Павлович. И вот тут творческая натура его развернулась в полной мере. Казалось бы, что требуется от столяра – выполни заказ: тут прострогай, тут прошпунтуй, тут соедини. Но он всегда думал о том, каким выйдет из его рук то или иное изделие. Здорово помогал ему советами мастер из соседнего цеха Евгений Дмитриевич Борзёнков (он стал потом тоже по храмам работать). Именно поэтому через некоторое время начал Волков делать мебель – вначале для себя, а потом и для знакомых.

А однажды судьба свела его со священником Никитской церкви (Ахтырского собора), отцом Василием Теляковским. Первоначально Михаил Павлович просто подправил окна и форточки в храме. Потом стал реставрировать деревянную резьбу на иконостасе.

Когда же отца Василия перевели настоятелем церкви в селе Шахово Кромского района, через некоторое время он снова обратился к Волкову. И вот тогда началась долгая, почти семилетняя работа по воссозданию заново иконостаса для Шаховской церкви. Приезжал рано утром в субботу отец Василий за Волковым, забирал его с собой, и два выходных дня, не разгибая спины, трудился Михаил Павлович. Вначале каркас полукруглый для иконостаса смастерил Волков, а потом и весь оклад иконостасовский вырезал из липы. Так и получилось дело замечательное – человеческое и Божеское.

Потом, когда у мастера уже с глазами начались проблемы, поменял Волков полностью рамы и в Михаило-Архангельском храме города Орла. Окна в этой церкви круглые, сложные для работы, и долго настоятель не мог найти специалиста, который бы взялся за работу.

Как ни удивительно, помогала тогда Михаилу Павловичу его жена, Галина Васильевна, ставшая глазами Мастера. Это была последняя большая работа Волкова.

На улице Первомайской дом Волковых все знают. Он хоть и не из самых богатых, но зато фирменным знаком украшен – резьбой, ни в чём не уступающей старым, дореволюционным мастерам. Успел её в своё время сделать Михаил Павлович.

Не теряет Волков оптимизма и в теперешнем своём нелёгком положении. Ну, во-первых, потому, что тыл у него прочный. С женой, Галиной Васильевной, прожили вместе более 40 лет, делили трудности и радости, вырастили двух любящих детей. У дочери Светланы внучка Полина закончила школу с золотой медалью, потом поступила на юридический факультет. У сына Сергея, который, имея поварское образование, на дело отцовское, столярное, переключился, внук растёт. В 11 лет уже успехи и в спорте, и в музыке имеет – радость для деда и бабушки.

И, во-вторых, сейчас, когда глаза и руки Мастера Волкова выбыли пока из строя, дело он для себя новое нашёл – пишет стихи, самые разные, но очень жизненные. Вот, читатель, одно из стихотворений Михаила Павловича, посвящённое его другу и товарищу, без которого он сейчас и шагу сделать не может.

## Трость

Мой верный друг – вот эта трость,  
Хоть – верьте, хоть – не верьте.  
Она до смерти мне нужна  
И даже после смерти.

Сейчас с глазами – не в ладу,  
Мне другом – трость, и я иду.  
Она шагает впереди,  
Я – на полшага позади.

Мы ходим вместе, мы – друзья,  
Куда она, туда и я.  
О всех превратностях судьбы  
Меня предупреждает,

И, как разведка, впереди  
Всей армии шагает.

А если выпущу из рук:  
– Ну, где ты, трость, пропала?  
– Ты не кричи, я рядом, друг,  
Споткнулась я, упала.

Что, испугался? Не шуми,  
Пошарь руками, подними,  
Меня ж ты бросить не хотел,  
Произошло невольно,

Платком от грязи оботри  
И буду я довольна.

Иду на праздник под хмельком,  
Она опять со мной рядком,  
Идёт и поучает,  
Свои права качает:

– Ну что, набрался? Сам не свой?  
А я веди тебя домой,  
Сейчас придёшь и ляжешь спать,  
А мне опять в углу стоять.

Хозяйка будет злиться  
И на меня коситься.  
– Что ж, трость, ты допустила?  
– Как будто я поила!

И мы, кто с тростью той знаком,  
Её все почитаем,  
**День Белой трости** каждый год  
С друзьями отмечаем.

Подруга–трость, люблю я жизнь,  
Чего мне прибедняться,  
Другой завыл бы от тоски,  
Где я могу смеяться.

Живу с Россией я одной  
Надеждой и тревогой,  
И жизнь страны – есть жизнь моя,  
Какой же я убогий?

*P.S. День Белой трости – отмечается 15 октября как праздник, объединяющий слепых всего мира (в России их более 270 тысяч)*

## Глава пятая, революционная

### Орловский «централ» и его «сидельцы»

В русском языке существуют устоявшиеся словосочетания, когда при произнесении первого слова (прилагательного) почти сразу же автоматически хочется произнести второе (существительное): например, когда мы говорим – «тульский», то что возникает в голове? Самовар, пряник или – на худой конец – знаменитый Левша. А если «курский» – так соловей, «брянский» – лес, «тамбовский» – волк, ну и так далее.

В нашем крае 100 с лишним лет тому назад слово «орловский» не только было известно по всей Российской империи, но и вызывало панический ужас у многих, особенно у осуждённых за какие-то преступления, стоило только в их присутствии произнести – «Орловский каторжный централ» или «орловский режим».



Вид корпусов Орловского централа

#### «Товарищи, бьют!»

Когда Россия по итогам войны с Японией лишилась Сахалина вместе с семью его каторжными тюрьмами, а арестантские заведения Сибири уже были переполнены, то Главное тюремное управление приступило к организации каторжных тюрем в пределах Европейской России. Наряду с созданием новых тюрем шло преобразование некоторых губернских в так называемые "временные каторжные

тюрьмы". Одной из них стала "Орловская временная каторжная тюрьма", указ о создании которой император Николай II подписал 29 февраля (13 марта) 1908 года.

Отцом-покровителем Орловского каторжного централа (именно так в просторечьи заключённые окрестили это заведение – А.П.) стал губернатор С.С.Андреевский, прославившийся своей жестокостью при усмирении аграрных беспорядков в Черниговской губернии в 1905 году. Из всех сил ему помогали орловский тюремный инспектор фон Кубе, происходивший из прибалтийских немцев, и начальник Орловского каторжного централа Мацевич, бывший ранее помощником начальника Полтавских арестантских рот. Мацевич приехал в Орел не один. Он привез с собою целую свору испытанных тюремных надзирателей, среди которых были и несомненные садисты. Их совместными усилиями и был создан тот режим, который получил название «орловского».



Вид изнутри одного из корпусов Орловского централа

Размещались заключённые каторжного централа в четырёх корпусах и тюремной больнице (больных всегда хватало). Огромные общие камеры тюрьмы, отделенные от прохода для надзирателей только мощной железной решеткой, были предназначены для содержания 28-36 заключенных. Таким образом, арестанты всегда находились на виду у охраны, как тигры в большой клетке. Это был

«передовой» американский вариант размещения осужденных, раньше не практиковавшийся в России.



Первый начальник Орловской каторжной тюрьмы Мацевич

Поскольку количество арестантов в тюрьме достигало 1400 человек (при общем числе мест во всех корпусах учреждения около 1200), то камеры для узников всегда были переполнены сверх нормы, а условия содержания были ужасными. Неудивительно, что многие заключённые заболели и умирали. Согласно архивным документам, в период с 1908 по 1912 гг. в Орловском каторжном центре умерло 437 узников (примерно по два человека в неделю). Политические заключённые (их процент доходил здесь до 30) содержались вместе с уголовными.

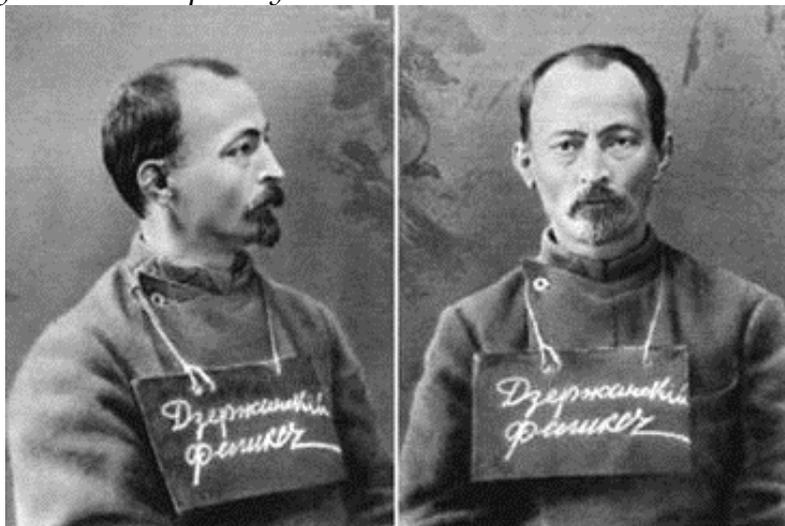
К отвратительному общесанитарному состоянию камер добавлялись постоянные издевательства и избиения,

которым подвергались заключённые со стороны надзирателей.

По опубликованным воспоминаниям, самым тяжелым был первый месяц заключения. В этот период арестантов били за все: не то сказал, не так посмотрел.

Вот что написал один из бывших заключённых Орловского центра в письме к Вере Фигнер: *«В 8 ч. вечера я услышал топот ног, щелканье замка и затем отчаянный крик Конуна: "Товарищи, бьют!.." Плач, стоны, падение чего-то тяжелого, звуки ударов... Все это было похоже на какой-то кошмар. Потом еще крик, потом еще, и, наконец, отпирают мою камеру. Ворвалась ватага надзирателей, все помощники, – и, в одно мгновение, одним ударом я был шиблен с ног. Толпа озверевших людей стала творить надо мною нечто, неопишное: топтали ногами, били головой об пол, швыряли из угла в угол и затем, натешившись, повернули спиной вверх и начали связывать новыми веревками. Сначала туго связали руки, загнув их назад, потом притянули ноги к рукам веревкой и в таком изогнутом положении подняли на высоту человеческого, роста и бросили на пол... Я ударился головой и потерял сознание...»*

В 1914 – 1916 годах наказание в Орловском каторжном центре отбывал Феликс Дзержинский, подтвердивший вышесказанное в одном из своих посланий: *«То, что вам известно стало насчёт наших условий, всё это правда. Эти условия попросту невозможны»...*



Ф. Дзержинский во время пребывания в Орловском центре

К мучениям и издевательствам в камерах добавлялись тяжелейшие испытания ещё и на работе.

### *Хлопковые рабы*

В Орловской каторжной тюрьме было несколько производств. Самое известное - изготовление ножных кандалов и наручных цепей не только для надобностей самого центра, но и на всю Российскую империю!

А самая страшная из мастерских, хлопкотрепальная, находилась на дворе, под навесом. Около сотни каторжан вручную вращали тяжелые пенькотрепальные машины. При работе поднималась густая ядовитая пыль, от которой каторжане задыхались и в летний зной, и в зимнюю стужу. Человек, проработавший там в течение нескольких месяцев, обычно тяжело заболел и становился калекой или умирал. Отправить арестанта работать «на хлопок» звучало в устах орловских тюремщиков, как страшная угроза.

Главным надсмотрщиком мастерской был надзиратель Ветров, не расстававшийся с плеткой. Плетка, заканчивавшаяся узлом, постоянно была в употреблении, и удары сыпались беспощадно на рабочих-каторжан.

10 августа 1910 года один из заключенных этой рабской мастерской, Богданов, в ответ на удар нагайкой по голове, схватил топор и одним ударом раскроил череп садисту-надзирателю. Потом он сорвал с него револьвер и начал стрелять в других надзирателей. Тут же раздался

огонь охраны со всех вышек и башен. Шесть человек были убиты и тридцать ранены. Остальные избиты до полусмерти. Вскоре состоялся военный суд.

Восемнадцать зачинщикам бунта грозила смертная казнь. Но когда арестованные рассказали о произволе, царившем в тюрьме, а потом, раздевшись донага, показали незаживающие раны от палок и нагаек, прокурор отказался от обвинения, и присяжные заседатели всем арестованным вынесли оправдательный приговор.

Однако даже после этих событий, широко освещавшихся в печати и вызвавших широкий протест в России и за рубежом, тюремщики Орловского централа успокоились лишь на некоторое время, что вызвало новые волнения уже в 1912 году.

### *«Пять суток карцера – за чтение книги»*

Как раз тогда, в июле, Орловская временная каторжная тюрьма пополнилась новой партией арестантов из 19 человек, один из которых носил фамилию Кадыров.

Шаги Агдам Кадыров, татарин Шиковской волости Хвалынского уезда Саратовской губернии, магометанин, был арестован в городе Скобелеве Ферганской области 15 марта 1909 года, два с половиной года дожидаясь суда, который 29 сентября 1911 года приговорил его к четырём годам каторжных работ.



Одна из камер

Отбывать их он и был направлен в Орловский каторжный централ. В личном деле Кадырова, хранящемся в фондах Государственного архива Орловской области, имеется статистический листок, благодаря которому я узнал, что ему на момент ареста было 33 года, что он - торговец, женат и имел трёх маленьких детей - от полутора до пяти лет. Наверняка, арест и обвинение по пяти статьям Уложения наказаний Российской империи было для него тяжёлым ударом.

В Орловском централье Шаги Агдам Кадыров пробыл полтора года, работал как раз на «хлопке» и, видимо, «приобрёл» там себе туберкулёз, хотя врач Рыхленский в справке написал,

что заболевание появилось у заключённого ещё до его ареста в 1909 году.



Орловский централ. Истязания политзаключенных  
(переснимок с фотографии рисунка, находящегося в Музее  
Революции СССР)

#### Избиения в Орловском центре

Видимо, поэтому Кадыров особо не усердствовал на работе, по причине чего дважды подвергался дисциплинарным наказаниям. 12 июня 1913 года он «тайно пронёс в мастерскую книгу и во время работы читал», получив за нарушение режима 5 суток «тёмного карцера».

Через две недели, 27 июня, «за нежелание работать на хлопках и ленивое отношение к работе вообще» Шаги Агдам был наказан семью сутками пребывания в «тёмном и светлом карцере».

Однако, как ни удивительно, когда в конце 1913 года в тюрьме определяли заключённых, которых можно «перечислить в разряд исправляющихся», начальник тюрьмы



ГАОО, фонд Орловского  
каторжного центра

Колченков написал, что Кадыров наказаниям не подвергался, и его следует внести в данный список.

В результате, срок каторги Шаги Агдаму был сокращён на один год восемь месяцев, и в январе 1914 года он стал ссыльнопоселенцем. В том же месяце Кадыров отбыл в Иркутск, в распоряжение Иркутского тюремного отделения, и его следы затерялись на необозримых сибирских просторах.



Современное фото корпусов тюрьмы

*Р.С.* Судьба большинства орловских тюремщиков нам осталась неизвестна. Но в январе 1924 года были преданы суду по ст. 67 Уголовного кодекса и предстали перед Судебной коллегией Верховного Суда Республики семь из них. Шестерых приговорили к различным срокам заключения, а один бывший надзиратель был оправдан.

А в корпусах бывшего Орловского каторжного централа (улица Красноармейская, 10) в настоящее время размещается учреждение Федеральной службы исполнения наказаний России – Следственный изолятор № 1.

## Боевик Григорий Матиашвили

*Есть в Орле места, куда, в силу их специфичности, редко заглядывают даже коренные орловчане. Один из таких уголков находится в промежутке между Красноармейской и Октябрьской улицами. Это братское кладбище жертв фашизма. На нём захоронено более 5000 советских граждан, замученных и расстрелянных гитлеровцами, а также, умерших от истощения и болезней в немецком концлагере в 1941-1943 годах.*

*Здесь же, совсем рядом с мемориальной «стеной», посвящённой жертвам фашизма, с правой стороны от входа на кладбище, стоит обелиск из красного гранита с надписью по центру: «Организатор революционных дружин Матиашвили Григорий Иосифович (1888-1916). Погиб в Орловском центре».*

### Тифлисская экспроприация

Станным, если не знать истории, кажется соседство двух таких захоронений – братской могилы времён Великой Отечественной войны и умершего ещё до революции революционера-грузина. Но всё оказывается просто: и погибшие от рук фашистов советские граждане, и скончавшийся от чахотки Григорий Матиашвили находились в заключении в одном и том же месте – здании Орловского каторжного центра, который в годы оккупации был превращён гитлеровцами в концлагерь. Об истории этого заведения я уже рассказал в предыдущем очерке, поэтому сразу перехожу к герою моего очерка, Григорию Матиашвили, который «сидел» в одной из камер этой тюрьмы в те же годы, что и будущий руководитель ВЧК Феликс Дзержинский. За какие же преступления уроженец солнечной Грузии оказался на каторге?

*«13 июня 1907 года, в 11 часов утра, в Тифлисе на Эриванской площади, почти напротив штаба Кавказских войск, транспорт казначейства (два фазтона, сопровождаемые двумя стражниками, охранником банка и пятью казаками – А.П.), направлявшийся в Государственный банк с суммой в 250 тысяч рублей, был осыпан семью бомбами и обстрелян с углов из револьверов, убито два городских, смертельно ранены три казака, ранены два казака, один стрелок, из публики ранены 16 человек, похищенные деньги... пока не разысканы, обыски, аресты производятся, все возможные аресты приняты».*

Такое донесение в Петербург, в Департамент полиции, направил из Тифлиса полицейский полковник Бабушкин, первым сообщив о самом дерзком и масштабном за годы Первой русской революции «эксе» (сокращение, - от слова «экспроприация», - А.П.). Эту операцию осуществила Боевая группа партии большевиков под руководством молодого, но уже опытного (участие в создании 11 подпольных типографий, трёх лабораторий

бомб и в массовой доставке оружия) в таких делах Симона Тер-Петросяна, более известного уже и тогда, и потом под кличкой «Камо».

В число семи боевиков группы Камо входил и Григорий Матиашвили, 19-летний крестьянин из села Сартычалы Тифлисского уезда. Он был одним из метателей бомб, а потом прикрывал отход товарищей, захвативших мешок с деньгами.



Камо (Симон Тер-Петросян)

Всем боевикам по завершении этой дерзкой операции удалось благополучно скрыться. А полиция лишь спустя несколько месяцев сумела узнать, что осуществили «экс» именно большевики. Захваченные деньги должны были пойти на партийные нужды, в первую очередь, на покупку оружия для революционеров.

### *Камо и Гуго*

Из 250 тысяч рублей большевики смогли использовать чуть больше половины, а вот со ста тысячами в 500-рублёвых ассигнациях возникли проблемы: в полиции и в банках были переписаны их номера. Тер-Петросян выехал за границу, чтобы

организовать размен купюр, а попутно – решить вопрос с оружием для нужд будущей революции.

При выполнении этого задания берлинская полиция арестовала Камо с большим количеством уже закупленного оружия. Чтобы избежать своей выдачи русской полиции и последующего суда (ему грозила смертная казнь), Тер-Петросян симулировал сумасшествие. Причём, делал это насколько искусно и долго (почти четыре года), что опытные немецкие, а потом и русские врачи поверили в его ненормальность.

И тогда Симона Тер-Петросяна, всё-таки, переданного русским властям, перевели из тюрьмы в Михайловскую психиатрическую больницу. Воспользовавшись первым же удобным случаем, 15 августа 1911 года он сбежал, спустившись из окна больничного туалета по изготовленной заранее верёвке. Организовали побег для Камо его товарищи-боевики, в том числе и Григорий Матиашвили, на квартире

матери которого в течение месяца потом Симон Аршакович скрывался от полиции.



Эриванская площадь Тифлиса, на которой было совершено нападение боевиков группы Камо на почтовый транспорт

Прошёл год, у большевиков опять появились проблемы с деньгами на партийные цели, и Камо решил организовать новое нападение на почтовую карету с деньгами. Ранним утром 24 сентября 1912 года, на Коджарском шоссе за Тифлисом боевики атаковали охранников почты, бросив в проезжавшую карету бомбу. Однако стражники оказали достойное сопротивление, открыв стрельбу из винтовок. Четверо молодых боевиков из нового пополнения Камо не выдержали ответного огня и сбежали. Матиашвили же был ранен, но Камо сумел, под прикрытием начавшегося ливня, спасти товарища и добрался вместе с ним до конспиративной квартиры.

После излечения Гиго и Камо были почти неразлучны, участвовали в создании нескольких подпольных большевистских типографий, но 10 января 1913 года их в Тифлисе, всё-таки, выследили полицейские - как раз накануне планировавшегося нападения на очередную почту.



Здание Государственного банка  
в Тифлисе

Через месяц состоялось первое заседание Кавказского военно-окружного суда, на котором стало ясно, что Камо и Гиго не миновать смертной казни. Так и случилось. Причём, подсудимый Симон Аршакович Тер-Петросян был приговорён к повешению четырежды (по каждому из предъявленных ему и доказанных судом эпизодов отдельно). Приговорили к виселице судьи и Григория Иосифовича Матиашвили («за изготовление и хранение взрывчатых веществ и снарядов, участие в разбоях с убийством должностных лиц»). Казалось, что жить революционерам осталось несколько дней. Однако произошло редчайшее событие в практике дел такого уровня.

Прокурор Голицинский, выступавший на

стороне обвинения, по всей видимости, внутренне симпатизировал обвиняемым, потому что затянул отправку бумаг на исполнение приговора, дождавшись амнистии по случаю 300-летия династии Романовых.

Потом это промедление прокурора вылилось ему в понижение по должности, но... смертная казнь Камо и Гиго была заменена на 20 лет каторжных работ. Тер-Петросяна отправили в Харьковскую тюрьму, а Матиашвили - в Орловский каторжный централ.

### *Последний год жизни*

Григорий Матиашвили прибыл в Орёл весной 1915 года, - в ножных кандалах, в силу «склонности к побегу». Администрация каторжного

централа на нового заключённого, требовавшего «особого бдительного надзора», 2 апреля завела дело. Судя по всему, был он по прибытии совершенно здоров, но за год пребывания в центре «заработал» чахотку и ослаб настолько, что администрация тюрьмы решила 18 апреля 1916 года ходатайствовать перед тюремной инспекцией о расковке его из кандалов, поскольку бежать Матиашвили уже никуда не смог бы.

26 апреля Григория Иосифовича освободили от ножных оков, а 13 мая 1916 года бывший боевик, которому не исполнилось и 28 лет, скончался в тюремной больнице от туберкулёза лёгких. Похоронили его на тюремном кладбище, среди других умерших заключённых.

*Р.С. В начале 80-ых годов XX века директор школы №34 города Орла Вадим Хрипунов, подробно изучивший жизнь и деятельность Григория Матиашвили, сумел убедить сначала коллектив своего учебного заведения, а потом – молодёжь и комсомольцев других школ и учреждений областного центра в необходимости установки памятника грузинскому революционеру на месте его захоронения.*

*В течение нескольких месяцев были собраны необходимые средства, и в начале ноября 1982 года состоялось торжественное открытие памятника Матиашвили. На мероприятии присутствовали гости из грузинского села Сартычалы. С благодарственной речью выступила дочь Матиашвили – Зинаида Григорьевна. Возложены были к новому памятнику осенние орловские цветы и розы из Грузии.*

*...С тех пор прошло более 30 лет. Поменялось многое в нашем обществе, в том числе, и идеология. И, в связи с этим, возникли вопросы по отношению к тому, чему посвятил свою короткую жизнь Григорий Матиашвили. Кто же он на самом деле: пламенный революционер, бившийся за счастье простого народа, или обычный уголовник, как охарактеризовали его царские власти в судебном приговоре? Решай теперь сам, читатель.*



Памятник Г.И. Матиашвили

## Козьма с броненосца «Потёмкин»

*Среди наиболее уникальных документов, хранящихся в Государственном архиве Орловской области, есть воспоминания участника восстания на броненосце "Потемкин", уроженца Орловской губернии, Козьмы (именно так он сам писал своё имя – А.П.) Михайловича Перельгина.*

*О событиях, происходивших на этом корабле в 1905 году, знают или слышали в нашей стране очень многие. В основном, конечно, благодаря знаменитой чёрно-белой немой картине Сергея Эйзенштейна, которую справедливо называют до сих пор лучшим фильмом всех времён и народов. Восстанию на «Потёмкине» посвящены также десятки книг, сотни статей, опера, балет и драматический спектакль.*

### **Баталер Перельгин**

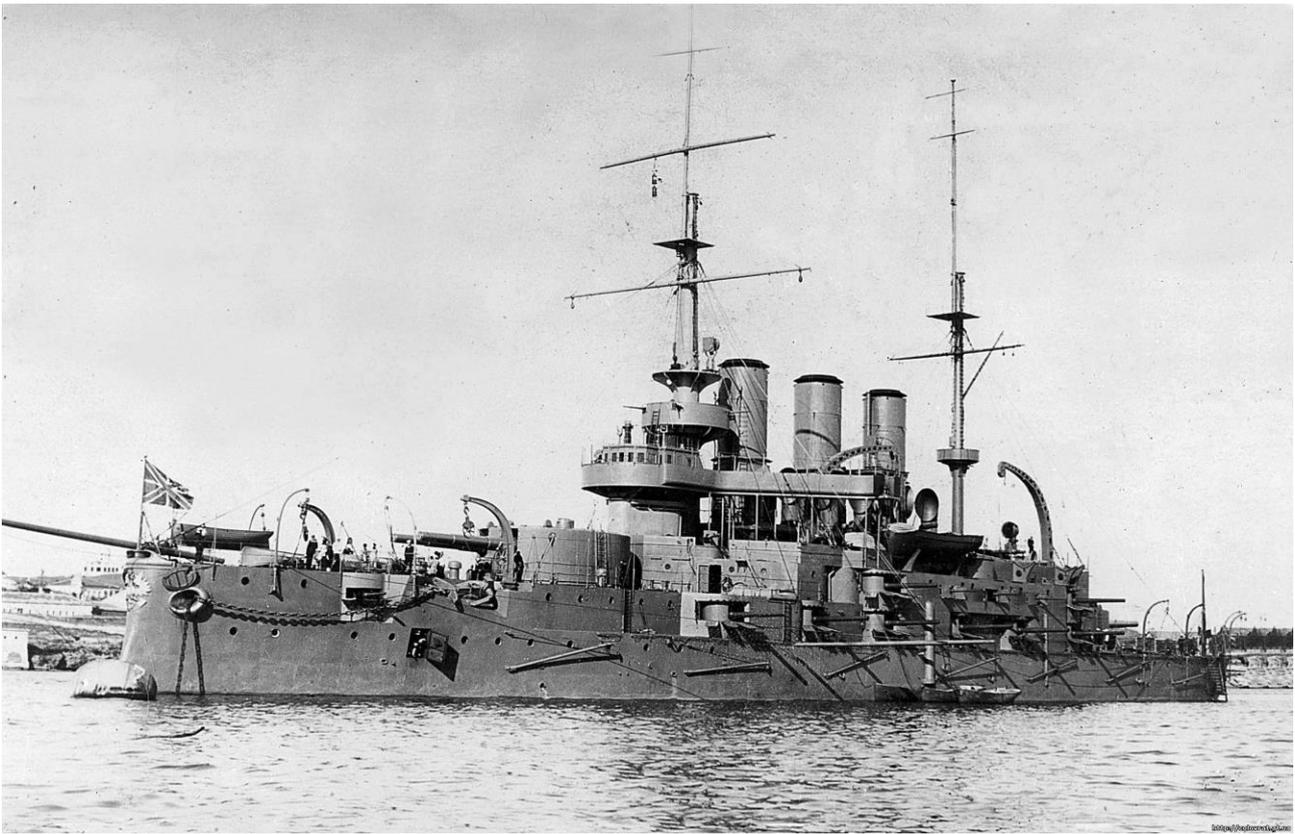
Но, я уверен, что орловчане и не подозревают, что среди 781 члена экипажа знаменитого броненосца проходило службу двадцать семь уроженцев Орловской губернии.

Одним из самых активных участников восстания был Козьма Перельгин. Он родился в 1881 году в селе Пятницкое Орловского уезда (ныне – посёлок Пятницкий Масловской сельской администрации Орловского района – А.П.), в семье крестьянина-бедняка. Рано оставшись сиротой, Козьма, после окончания церковно-приходской школы, в 12 лет начал самостоятельную трудовую жизнь: пять лет был мальчиком-учеником в скобяной лавке, а потом выбился в приказчики. Работал в Полтавской губернии, в Харькове и Армавире. В 1903 году его призвали в царскую армию, и Кузьма Перельгин был зачислен в 36 флотский экипаж, который составил основной костяк будущей команды броненосца «Князь Потёмкин-Таврический».

Флотская специальность Перельгина называлась баталер (*хранитель продовольствия и водки на корабле*), звание – матрос I статьи.

12 июня (по старому стилю – А.П.) 1905 года эскадренный броненосец «Князь Потемкин-Таврический» в сопровождении миноносца №267 направился в район острова Гендровская коса, где перед началом общefлотских учений наиболее современный и мощный корабль Черноморского флота (экипаж – 781 матрос, вооружение – 44 орудия разного калибра, пять торпедных аппаратов) должен был произвести опытные стрельбы.

Однако стрельба (и не из пушек, а винтовочная) началась раньше запланированного. В середине дня 14 июня на броненосце вспыхнуло стихийное восстание, поводом для которого, как известно из фильма, стали черви в гнилом мясе.



Эскадренный броненосец «Князь Потёмкин-Таврический»

### *Свежая рыба, тухлое мясо и начало восстания*

Этому эпизоду, с которого и начались бурные события на «Потёмкине», посвящены десятки статей. Однако в воспоминаниях баталера Козьмы Перельгина есть факт, о котором не упоминается ни в одном документе. Оказывается, до того, как продуктовая команда броненосца отправилась 13 июня в Одессу, первая попытка закупить продукты была сделана за пару часов до этого, на близлежащем острове Тендровская коса. Группа матросов (в их числе находился и баталер Перельгин), во главе с мичманом Макаровым, прибыла сюда за рыбой. Но улов местных рыбаков оказался недостаточен для восьми сотен членов экипажа «Потёмкина», и тогда Макаров принял решение отправиться за мясом в Одессу. А ведь если бы удалось на Тендре приобрести необходимое количество рыбы, то, вполне возможно, и не было бы самого восстания!

Козьма Перельгин очень подробно, на ста страницах ученической тетради, описал ход *11-дневной революции* (так называл события на корабле *наш земляк – А.П.*). Сам Перельгин активно участвовал в деятельности судовой комиссии, созданной матросами для управления кораблём и решения текущих вопросов: помогал составлять тексты воззваний и прокламаций восставших, печатал их на ремингтоне, несколько раз ездил на восставший броненосец «Георгий Победоносец».



Часть команды броненосца незадолго до восстания

### *Румынские страдания орловчанина*

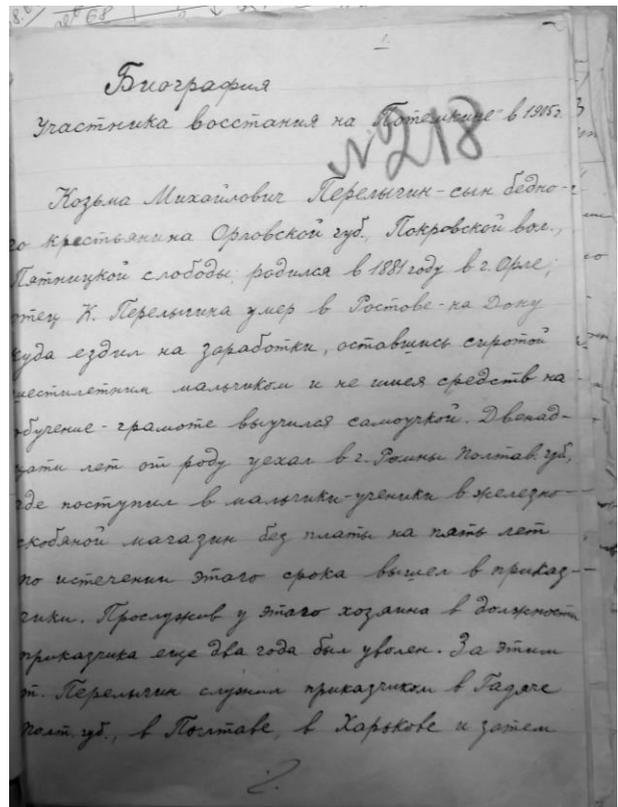
25 июня 1905 года, когда большая часть команды броненосца высадилась в порту Констанца, отдав корабль в распоряжение румынского правительства, Козьма Перельгин стал эмигрантом на долгих 12 лет.

Первое время, не зная румынского языка, он никак не мог найти работу и сильно бедствовал. Но Перельгин не пал духом. Проживая в румынском порту Сулина, писал свои первые воспоминания о восстании на броненосце «Потёмкин». Рукопись, вместе с дневником потёмкинца, была выкрадена хозяином квартиры и передана в российское консульство. После этого началась охота за самим Перельгиным, и в начале сентября 1905 года офицеры с русского военного парохода «Псезуане» пытались похитить автора мемуаров из его квартиры и вывезти в Россию. Похищение не удалось благодаря помощи капитана румынского порта.

Румынские социал-демократы помогли Козьме Перельгину устроиться на работу, и он стал кладовщиком у известного местного предпринимателя Константина Доброджана, выходца из России и поклонника социал-демократии. За 10 последующих лет Козьма Михайлович хорошо изучил румынский язык и стал законопослушным



Константин Доброджан-Геря, у которого работал Козьма Перелыгин



Начало рукописи К. Перелыгина

гражданином Румынии. Жил в городе Плоешти, женился на румынке, стал отцом четверых детей. Правда, хотя и пообещал он румынским властям не заниматься политикой, время от времени встречался с эмигрантами-социал-демократами, проживавшими в Румынии: Христианом Раковским, Екатериной Арборе и другими, - с ними Перелыгин вёл разговоры о России.

После начала Первой Мировой войны и вступления в неё Румынии, Козьма Перелыгин в 1916 году был мобилизован румынскими властями. Работал несколько месяцев в Бухаресте на спиртоочистительном и пивоваренном заводе Бригадиру. Когда Бухарест с осени того же года стали постоянно бомбить немецкие аэропланы, и от одной из бомб пострадала квартира, в которой проживал Перелыгин с семьёй, он отправил жену с маленькими детьми к тётце, в село Гринду, за 200 вёрст от румынской столицы. Отправил - и больше с ними не встретился уже никогда.

События дальше побежали стремительно. Корабль «Троян», на котором Перелыгин в январе 1917 года добирался в порт Галац, подорвался на минах. Перелыгин спасся, сумев вплавь добраться до российского берега, а потом, опасаясь ареста в России, снова умудрился нелегально пробраться в Румынию.

После Февральской революции и последовавшей для революционеров амнистии, Козьма Михайлович сразу же поехал в Россию. Сумел добраться до города Ромны на Полтавщине, где жил брат. Успев порадоваться встрече после 12 лет разлуки, потёмкинец на следующий день свалился на два месяца, заболев сыпным тифом.

### *Забывший на родине*

Оправившись от болезни, в конце июня 1917 года Перельгин приехал, наконец-то, в родной Орёл. До занятия города деникинцами в октябре 1919 года Козьма Михайлович занимал ответственные должности в различных губернских кооперативных организациях. А после освобождения Орла от белых у Перельгина начались проблемы с работой. Должность заведующего складами, по причине разграбления этих складов деникинцами, была сокращена, и, не сумев устроиться в родном городе, бывший потёмкинец его покинул.

Служил несколько месяцев в Новозыбкове переписчиком, на Украине – казначеем в 17-ой дивизии Первого Конного корпуса Червоного казачества. Снова сократили. Дело дошло даже до сезонных работ на плантациях сахарного завода. Устав от неустроенности и таких работ, Козьма Перельгин в мае 1924 года возвратился в Орёл.

Но и здесь, в течение полутора лет жил на случайные заработки, числясь официально безработным. В 1925 году страна отмечала 20-летие восстания на броненосце «Потёмкин». Сергей Эйзенштейн снимал знаменитый фильм, а – параллельно с ним, в Орле, в доме №8 по Садово-Пушкарной улице, забытый всеми потёмкинец Козьма Перельгин во второй раз писал свои «Воспоминания матроса-участника «Дни восстания на броненосце «Потёмкин»». Это самые подробные и точные воспоминания, все события в них, датировка совпадают с официальными данными.

Впрочем, известности автору эти мемуары не принесли. О них нет упоминания ни в одном перечне документов, связанных с восстанием на «Потёмкине».

Козьме Михайловичу Перельгину, спустя некоторое время, удалось устроиться на работу по специальности, кладовщиком. Но в 1934 году он был арестован и осуждён на два года – «за неисправные столовые весы». Отбывая наказание, в 1935 году он просил Общество старых большевиков о своём досрочном освобождении.

Как сложилась судьба потёмкинца в дальнейшем – установить не удалось. Хотя, по некоторым сведениям, умер он в Орле и похоронен на Крестительском кладбище.

## Глава шестая, спортивная

### Зима... Лошадки торжествуют...

*XXII зимние Олимпийские игры в Сочи закончились триумфом сборной России, за которым наблюдали многочисленные зрители всего мира.*

*Ушла в историю Сочинская олимпиада. На таком фоне хочется вспомнить о гораздо более далёких по времени, но тоже зимних соревнованиях, которые проходили в Орле в самом конце января 1882 года, за полтора десятилетия до начала олимпийского движения.*

*Однако для начала - несколько слов в качестве вступления.*

#### **Граф Орлов и его рысаки**

Лошадь – вплоть до начала XX века – была, пожалуй, не только самым главным домашним животным для человека, но являлась фактически его помощником и другом. Человек за сотни лет своего тесного общения с нею вывел множество самых разных пород, каждая из которых предназначалась для конкретного вида деятельности.

Первому коннозаводчику России и одному из знаменитых личностей второй половины XVIII века, графу Алексею Орлову-Чесменскому, удалось вывести на своём Хреновском заводе в Воронежской губернии рысистую породу лошадей, названную его именем и очень быстро ставшую популярной, поскольку огромные пространства Российской империи как нельзя лучше подходили для неё.

Орловские рысаки обладали высокой резвостью на рыси и хорошо передавали свои качества потомкам. Кроме того, это крупная, красиво сложенная, гармоничная, темпераментная лошадь обладала добрым нравом, гордой осанкой, грациозными, нарядными, высокими движениями, пышной гривой и хвостом.

Наиболее распространённые масти орловского рысака – серая, светло-серая, красно-серая, серая в яблоках и тёмно-серая, изредка – гнедая, вороная, рыжая и чалая, привлекали зрителей своей чистотой и разнообразием.

Граф Орлов создавал рысака, чтобы он мог ходить под седлом, в упряжке и в плуге, был бы вынослив в суровом российском климате и выдерживал долгие российские расстояния и плохие дороги. Но главным требованием к этим лошадям была, всё-таки, резвая, чёткая рысь, поскольку бегущая рысью лошадь долго не устаёт и мало трясёт экипаж. В те времена резвых на рыси лошадей было крайне мало, и ценились они очень дорого.

Чтобы проверить резвость выведенных им рысаков, граф Орлов начал проводить первые в России состязания. В середине 1790-х годов он оборудовал скаковой круг длиной 2 версты 60 сажений на московском Донском поле, где с мая по июль по два-три дня в месяц устраивались скачки на денежные заклады. Со смертью графа в 1807 году испытания прекратились, а после 1812 года проводились «от случая к случаю».

Однако после появления в городе Лебедяни (Тамбовская губерния) в сентябре 1825 года первого общественного ипподрома в России было положено начало регулярным испытаниям лошадей скаковых и беговых пород.

### *Охотники, но не стрелки*

А к середине XIX века дошла очередь и до губернского города Орла. В 1851 году здесь было учреждено Общество охотников конского бега для рысистых лошадей. Первоначально дела общества шли успешно: проводились соревнования по перевозке тяжестей и бегу, находились и желающие. Но в 1867 году общество прекратило свою деятельность из-за финансовых трудностей.

Однако к началу 70-х годов XIX века обстановка в губернии изменилась в лучшую сторону, появилось большое количество новых конных заводов. Только в Малоархангельском уезде их насчитывалось 18, а по всей Орловской губернии это число превысило сто заведений. Владельцы-коннозаводчики изъявляли желание проверить лучшие качества своих лошадей в состязании с другими.

5 августа 1872 года был утверждён устав охотников конского бега Орловской губернии, и с этого времени рысистые испытания стали вновь постоянными. И, как думаешь, читатель, какая порода лошадей участвовала в таких состязаниях? Правильно, орловская рысистая.

В Орле – и орловские рысаки! Тут уж можно было забыть про создателя породы графа Орлова и считать, что лошадки-то – в нашем губернском городе выведены, свои, коренные. И на то, как они состязаются – надо посмотреть.

### *Принц, Богатырь, Пенел и другие...*

Вот что сообщала губернская газета «Орловский вестник» в номере от 28 января 1882 года:

*«В воскресенье, 24 января, состоялись первые бега на ипподроме, устроенном на реке Орлик».*

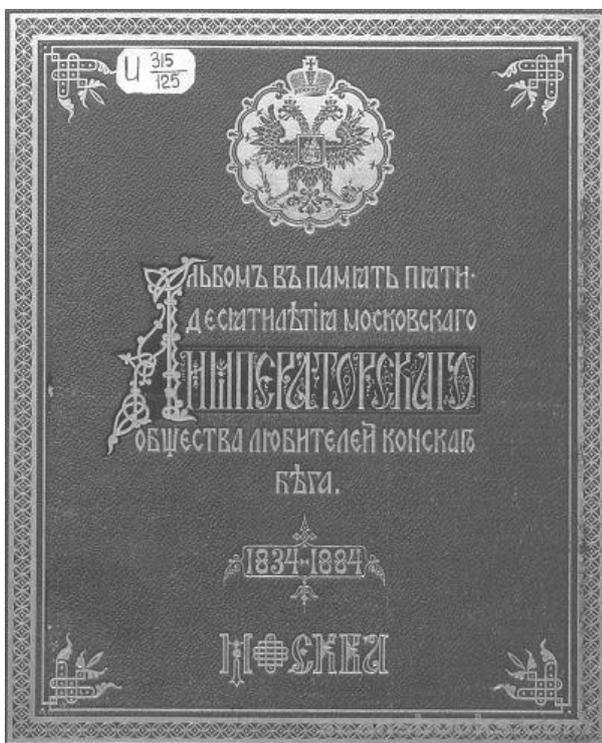
А далее газета достаточно подробно рассказала, как проходили первые зимние бега того года. В них участвовали восемь лошадей семи владельцев, представлявших известные дворянские фамилии:

Н.Н. Воронцов, И.К. Дараган, П.И. Репин, И.М. Козаков,  
А.Г. Кологривов, С.В. Дунаевский и Д.Д. Солнцев.

Чего только стоило среди перечисленных одно лишь имя Ивана Михайловича Казакова! Участник Заграничных походов Русской армии, ординарец прославленного генерала Ермолова, вместе с которым он

участвовал во взятии Парижа в марте 1814 года, уйдя в отставку в чине подполковника, он жил в своём малоархангельском имении Алексеевка. Ярый охотник и лошажник, Иван Михайлович занимался любимыми занятиями до глубокой старости и, кстати, умер на 87-ом году жизни, простудившись во время загонной охоты на волка, когда вдоволь наскочил на лошади.

В Орёл, на первые зимние бега, уже в почти 85-летнем возрасте бывший подполковник Козаков тоже заявился из своего имения, чтобы посмотреть, как бежит его светло-серая красавица кобыла по кличке «Отмена».



Одна из книг Дмитрия Солнцева

Дмитрий Дмитриевич Солнцев, представитель дворянского рода, внесённого в VI часть родословных книг Орловской, Тульской, Харьковской, Екатеринославской, Рязанской и Курской губерний, владел несколькими конными заводами и был одним из первых в России автором книг по коневодству (*кстати, одним из имений Дмитрия Солнцева управлял его однокашник Сергей Алексеевич Прокофьев, отец будущего выдающегося русского композитора Сергея Прокофьева, который и появился на свет в этом имении Солнцевка – А.П.*).

Дмитрий Дмитриевич тоже лично приехал поболеть за своего тёмно-серого жеребца по кличке «Пепел».

Присутствовал на бегах и Почётный член Орловского общества любителей конского бега князь Григорий Дмитриевич Хилков. Занимая важный придворный чин церемониймейстера Двора Его Императорского Величества, а также должность мирового судьи Новосильского уезда, он свободное время тратил на коллекционирование историко-юридических документов и разведение

лошадей. Один из забегов на льду Орлика был на приз в 200 рублей, установленный как раз Хилковым.

До начала бегов судьи напомнили владельцам и наездникам правила, проверили копыта у всех лошадей. Дело в том, что подковы для бегов на льду должны быть со специальными шипами – по одному спереди и двумя по бокам – в этом случае лошадь не скользила, а бежала уверенно. В случае сомнения в победе одной из лошадей, равенства во времени или при нарушении правил назначалась перебежка (*вторая попытка* – А.П.).



Граф Орлов-Чесменский на одном из первых орловских рысаков

Ровно 11 часов пополудни состязания начались. Восемь лошадей были разбиты на пары. Первые три из них бежали на расстояние две версты, четвёртая пара – на три версты. По сигналу судей состязания начались. Зрители дружно болели, криками поддерживая своих любимцев.

В первой паре бежали жеребец Принц владельца И.К.Дарагана и кобыла Туча, принадлежавшая А.Г.Кологривову. Принц уверенно выиграл как в основном заезде, так и в перебежке, показав время 4 минуты 7 секунд.

Во втором забеге случилось чрезвычайное происшествие. Жеребец по кличке Барич (владелец – помещик П.И.Репнин), состязаясь с жеребцом Пробоем, принадлежавшим Н.Н.Воронцову, на одном из поворотов, бросился в сторону, выкинул из саней наездника и сломал оглоблю. К пострадавшему, пытаясь помочь, помчались зрители из публики, в результате чего они помешали бежать Пробою.

После того, как наездник Барича встал, отделавшись ушибами, судьи решили дать Пробою вторую попытку.

В третьем заезде Богатырь помещика А.Г.Кологривова на три секунды опередил кобылу Отмену И.М.Козакова, сильно расстроив отставного подполковника. Правда, и Кологривов не слишком был обрадован победой своей лошади, потому что его Богатырь, мало того, что проиграл по времени Принцу, который и получил первый приз в беге на две версты, но ещё и повредил ногу («зарубил на льду»). Победитель получил в качестве первого приза 200 рублей, а занявшая второе место Туча добыла своему владельцу 50 рублей.

В беге на три версты жеребец Пепел Д.Д.Солнцева уверенно выиграл у кобылы Красы помещика С.В.Дунаевского. Поскольку лошадей на эту дистанцию было заявлено всего две – они и поделили призовые деньги князя Г.Д.Хилкова: Солнцев получил 150 рублей, а Дунаевский – 50. Транспортные расходы эти владельцы полностью оправдали, даже осталось кое-что на корм для своих рысаков.

Получившие огромное удовольствие зрители, не торопясь и обсуждая увиденное, стали в третьем часу расходиться по домам. А победители, пригласив и побеждённых, отправились в ближайший ресторан: русский обычай не соблюсти было бы грешно...

## **Велосипед от маршала Блюхера** *(рассказ о Викторе Мореве)*

15 февраля 1936 года от Киевского оперного театра после торжественных проводов в велопробег вдоль границ СССР отправились пятеро воинов – пограничников: Липа Людмирский (командор пробега), Василий Шубин (комиссар пробега), Иван Радевич, Владимир Тимофеев и Виктор Морев.

Наш земляк, Виктор Морев, последним по сроку присоединившийся к этой отважной команде, родился 27 февраля 1911 года в Орле, достойно закончил школу-девятилетку, участвовал в походах по ликвидации неграмотности на селе в Сосковском районе. И за многие километры от родного дома ездил только на своем велосипеде, купленном по случаю на рынке и ставшем для него лучшим другом.

Любовь к велоспорту привела Виктора в велоклуб, а в 18 лет, участвуя в первенстве Орла среди взрослых, Морев занял почетное 2-ое место.

После окончания школы Виктор работал слесарем – монтажником на Орловском заводе №9 (будущем «Текмаше»), а когда пришел срок службы в армии, попросился в пограничные войска. Служба его в Западном Военном округе протекала успешно, а когда в погранотряд поступили по разнарядке из Харькова четыре новеньких велосипеда, Виктор Морев, как опытный специалист, начал обучать молодых воинов, не забывая и о собственных тренировках.

Дважды за годы службы становился он чемпионом пограничного округа по велогонкам, а за три дня до увольнения в запас случилось то самое ответственное поручение, которое, заменив заболевшего спортсмена, Морев начал выполнять со всей своей добросовестностью.



Пятёрка отважных (Виктор Морев - крайний в шлеме справа)

Пятеро отважных двинулись из Киева на юг. Необходимый груз на каждом велосипеде достигал 40 кг летом и 50 кг зимой. Как писали газеты, *«спортсмены-пограничники имели задание в ознаменование 15-летия пограничной охраны:*

- а) подтвердить отвагу, выносливость и закалку славных чекистов-пограничников,*
- б) проверить на длительном пробеге качество советских веломашин,*
- в) установить мировой рекорд на дальность велопробега».*

Уже под Винницей путь преградили сугробы, в Крыму встретили мощные ветры, на Кавказе пришлось переходить вброд реки, а в Кара-

Кумак на велосипедистов обрушилась удушающая жара. Но только перешли Среднюю Азию – снова угодили в зиму.

Часто ночевали в пути, временами даже без костра. В самых трудных местах велосипеды пятерка тащила на своих плечах. Вот что написал командор пробега Л.Людмирский об одном из самых тяжёлых участков:

*«От Иркутска до Хабаровска, на протяжении 2000 километров, мы почти ни разу не садились на велосипеды. На этом отрезке пути пробег временно превратился в переход. Машины пришлось нести на плечах или вести рядом. Возле железной дороги были проложены узкие дороги-временки для телег. Но их использовать не удалось. Сильные дожди их так размывали, что ехать по ним не было никакой возможности. В районах Улан-Удэ и Читы в некоторых местах имеются довольно хорошие тракты, и по ним можно было бы проехать, но незадолго до нашего приезда здесь случилось наводнение, и большая часть дорог оказалась под водой...».*

В Хабаровске велосипедистов – пограничников встречал маршал Блюхер и прославленные летчики – Чкалов, Байдуков, Беляков. Когда в 1987 году на Всесоюзном радио состоялась запись передачи, посвящённой 50-летию этого беспрецедентного события, Виктор Морев уже был единственным оставшимся в живых участников велопробега. И он не только вспомнил все подробности прохождения трассы, но и показал журналисту бережно сохраняемый им пять десятилетий велосипед, подаренный лично маршалом Василием Блюхером во время той встречи в Хабаровске.

А затем была встреча с трудящимися Владивостока, труднопроходимые дороги Якутии и сотни километров: по тундре, горам, лесам. Снова предоставляю слово командору Людмирскому:

*«Перед нами раскинулись обширные просторы Якутии. Горные скалы, таёжные звериные тропы, каменистые берега Лены, болота. Десятки речек пересекали наш путь, по ним мы переправлялись вброд. Не раз мы строили самодельные плоты для переправ через глубокие речки. С большим трудом выбрались мы на железнодорожную магистраль в Красноярском крае. Здесь нас застали глубокие снега и тридцатиградусные морозы. Дороги так сильно занесло, что нельзя было пройти. Но к этому сюрпризу мы были готовы. В Красноярске нас ждали велосипедные колёса с ребордами и особые соединительные рамы. Колеса и рамы были сделаны по нашим чертежам, которые мы заблаговременно, ещё летом, послали Харьковскому велозаводу. Предусмотрительность себя оправдала. Соединив попарно трубными рамами наши машины и поставив их на новые колёса, 5 ноября, начиная от Красноярска, мы уже покатали по железным дорогам».*

Спустя почти год после старта, преодолев 31 тысячу километров вдоль всех сухопутных и береговых границ Советского Союза, 6 февраля

1937 года Людмирский, Шубин, Радевич, Тимофеев и Морев добрались до столицы – Москвы, которая героев встретила достойно. «Подвиг пяти героев – пограничников», - писала о них «Комсомольская правда».

А теперь взглянем на карту завершившегося гигантского маршрута: Киев - Житомир - Винница - Тирасполь - Одесса - Николаев - Симферополь - Керчь - Новороссийск - Сухум - Кутаис - Тифлис - Баку - Красноводск - Ашхабад - Самарканд - Ташкент - Фрунзе - Алма-Ата - Семипалатинск - Барнаул - Ленинск-Кузнецкий - Кемерово - Иркутск - Улан-Удэ - Чита - Свободный - Хабаровск - Владивосток - Спасск - Хабаровск, а далее - Большой Невер - Якутск - Олёкминск - Тулун - Красноярск - Новосибирск - Омск - Тюмень - Свердловск - Пермь - Киров - Вологда - Ленинград - Витебск - Минск - Чернигов - Киев, где маршрут замкнулся, и, наконец, заключительный этап - Брянск - МОСКВА. Здесь перечислено 50 крупных и средних городов, а всего число городов, где участникам велопробега пришлось провести хотя бы одну ночь, составляет 250 (из дневника командора пробега – А.П.).

1 марта 1937 года Виктор Морев из рук Михаила Ивановича Калинина получил свой первый орден Красной Звезды за №2148. Его товарищей также наградили.

Именно так Родина оценила героизм своих верных сынов, доказавших, что силы человека беспредельны, а воля – нестигаема!

После этого велопробега собиравшийся в запас Виктор Морев решил остаться в армии. Охранял границу в трудные предвоенные годы, а во время Великой Отечественной войны – как работник особых органов – выполнял специальные задания командования. Только в 1956 году подполковником запаса возвратился Виктор Харитонович в Орел.

Долгое время возглавлял Морев областную федерацию велоспорта, заботясь о развитии любимого вида на Орловщине.

В 1971 году на 5-ой Спартакиаде народов СССР ему, как и всей пятерке отважных велосипедистов, в знак признания прошлых заслуг и за активное участие в пропаганде физической культуры, присвоили звание Мастера спорта. Двухколесному другу верен остался Виктор Морев всю свою жизнь – и это замечательный пример для молодых спортсменов.

В конце XX - начале XXI века в Орле регулярно проходила «Многодневная велогонка на призы В.Х. Морева», в которой юные велосипедисты из разных областей и республик России проверяли свои силы. Виктор Харитонович, пока был жив и здоров, лучшим из них лично вручал призы. Проживал подполковник в отставке Морев последние годы в одном из домов в самом начале улицы 7 Ноября, откуда и проводили его в последний путь на Наугорское кладбище.

## **Витольд Почернин – повелитель неба**

*Каждый из нас в жизни хоть раз, но сталкивался с собственными комплексами – своеобразными ограничителями, которые, как автоматы, включаются в нашем сознании в определённые моменты. Робость, нерешительность – самые неприятные из них в наш век рыночных отношений, когда требуется постоять за себя или своих близких.*

### **«Светлая голова» для «тёмного комплекса»**

А вот лётчикам, мастерам высшего пилотажа, самого зрелищного и технически сложного вида самолетного спорта, требующего использования предельных возможностей самолета и летчика, на различных соревнованиях приходится постоянно преодолевать многочисленные комплексы.

Каждая фигура пилотажа – это совокупность различных, очень сложных, линий и вращений. Например, вираж с бочками представляет собой разворот на  $360^\circ$  в горизонтальной плоскости (вираж) с одновременным вращением самолета вокруг продольной оси (одна бочка -  $360^\circ$ ); бочек может быть от двух до четырех, они должны быть выполнены с постоянной угловой скоростью и равномерно расположены по виражу. Каждая фигура пилотажа имеет коэффициент сложности. Одни комплексы отрабатываются спортсменами в течение нескольких месяцев (обязательный известный и произвольный), другие («темные») составляются непосредственно на соревнованиях из «домашних заготовок» - каждая участвующая команда представляет по одной фигуре.

«Темные» комплексы наиболее сложны для спортсменов, так как они объявляются участникам соревнований за считанные часы до полета и могут быть «отрепетированы» летчиком только на земле и представлены судьям в воздухе с первой попытки.

Весь пилотаж на соревнованиях выполняется в ограниченном пространстве и за ограниченное время. Например, в «темном комплексе» пилот за десять минут должен выполнить 20 фигур. Сложность здесь заключается ещё и в том, что фигуры выполняются в определенной последовательности. Любое нарушение границ и времени пилотажа приносит спортсмену значительные штрафы.

Чтобы стать лётчиком - асом высшего пилотажа, нужны годы упорных тренировок, интуиция и – «светлая голова» (особенно – при выполнении фигур в «тёмном комплексе»).

## *Трудная дорога к небу*

Всё это имелось в полном комплекте у Витольда Почернина, орловчанина, члена сборной СССР по высшему пилотажу на III чемпионате мира (1964 год, Испания, Бильбао). Именно он, блестяще выполнив фигуры «темного комплекса», опередил асов из других сборных и стал чемпионом мира в этом труднейшем упражнении.

О Витольде Почернине узнали тогда за рубежом, в нашей стране и, конечно же, на родной Орловщине. А когда в областной прессе появились о земляке первые статьи, орловчане поняли, какой он упорный и целеустремленный спортсмен и человек.



Витольд Почернин

Немало пришлось преодолеть Витольду трудностей, чтобы его мечта о небе стала реальностью. Уже в 10-ом классе Почернин поступил в Орловский аэроклуб, и к моменту окончания школы сомнений по поводу своей дальнейшей профессии и судьбы у него не было: только летное дело.

Без особых проблем, блестяще сдав вступительные экзамены, Витольд стал курсантом авиационного училища, причем, одним из лучших.

Ни одно спортивное соревнование не пропускал он в училище, отлично играл в футбол. Любимый вид спорта и стал причиной поворота в жизни Почернина: на одном из матчей он получил тяжелейший перелом ноги, и диагноз врачей был однозначен – «Отлетал ты, парень, свое». Витольда отчислили из училища и, казалось, с мечтой о небе пора было проститься. Но не тот был человек Почернин, чтобы так вот сразу сдаваться судьбе - злодейке.

Вернувшись в Орел, он пришел в родной аэроклуб и уговорил начальника Федора Васильевича Калашникова взять его в группу летчиков – спортсменов. В состав команды под руководством боевого лётчика, участника Великой Отечественной войны Ю.В. Косарева вошли В. Почернин, Л. Шелагин и А. Лепешкин.

И начались у молодых ребят месяцы упорнейших тренировок, после которых пришли первые успехи: победы на внутриклубных состязаниях. На зональных соревнованиях в Воронеже орловская команда, в состав которой входил Почернин, заняла четвертое место, которое амбициозный командир звена Косарев счел неудачей. Вернувшись в Орел, он потребовал от руководства областного комитета ДОСААФ обеспечить нормальные условия подготовки спортсменов. И вскоре в Орел прибыли новые чехословацкие самолеты «Zet-226» и «Zet-326». На зональных соревнованиях в Брянске и Туле орловские летчики, выступавшие на них, выиграли командное первенство, а Почернин стал победителем в личном зачёте. В 1960 году, на республиканском первенстве, орловчане победили во всех упражнениях. Витольд Почернин в тот год завоевал чемпионский титул в личном зачете и был включен в состав сборной СССР.



На таких самолётах летал «повелитель неба» Почернин

Это было начало блестящего лётного пути нашего земляка. Затем последовали новые успехи талантливого летчика – уже на всесоюзных и международных соревнованиях по высшему пилотажу, а потом – выступление на чемпионате мира 1964 года. Именно там, в Испании, наступил «звездный час» Витольда: он стал чемпионом мира в упражнении «темный комплекс».

Почернин никогда не задумывался о своём не совсем обычном имени. Между тем, «Витольд», происходящее от древнегерманского – «Лесной повелитель», наверняка, способствовало тому, чтобы сын земли

Орловской стал *хозяином* гораздо более обширного пространства – небесного, совершая в нём всё, «*что хотел*».

### ***Первый заслуженный мастер спорта на Орловщине***

В 60-ые годы XX века полетами аса-земляка восхищались тысячи орловчан, присутствовавших на популярных тогда авиационных праздниках.

В 1964 году Витольду Ивановичу Почернину, первому из уроженцев земли Орловской, присвоили звание «Заслуженный мастер спорта СССР».

Соревнуясь и радуя зрителей, к званию чемпиона мира он успел: добавить три титула чемпиона Европы, закончить машиностроительный институт и долгие годы совмещал работу летчика с работой инженера Орловского института «Гипроприбор».

В 1998 году, учитывая заслуги Витольда Почернина, Российское спортивно-техническое общество (бывшее ДОСААФ, за которое он выступал и которое прославил – А.П.) наградило одного из лучших спортсменов страны середины 60-х годов медалью трижды Героя Советского Союза А.И. Покрышкина.

«Повелитель неба» Витольд Почернин скончался в апреле 2001 года, не дожив и до 70 лет: сказались, всё-таки, годы полетов и перегрузок. Его могила находится на Троицком кладбище. Вскоре после газетной публикации этой статьи в «Орловской правде» на ней был установлен новый памятник.

Уверен, что там, в загробном мире, лётчик чувствует себя лучше многих: как – никак, значительную часть своей жизни Витольд Иванович Почернин провёл в небе, совсем рядом с райскими кущами.

*P.S. Жаль только, что нет в Орле уже свыше 50 лет того самого аэроклуба, и некому продолжить славные традиции первого орловского «повелителя неба».*



Могила на Троицком кладбище

*Но совсем недавно одна из новых улиц областного центра (микрорайон «Пробуждение» или Алроса – А.П.) стала носить имя Витольда Почернина. Несомненно, что «повелитель неба» это заслужил.*

### **«Как прекрасен этот мир, посмотри...»**

*С юношеских лет Сергей Стародубцев был большим поклонником эстрадной песни, знал наизусть имена всех певцов советской эстрады и составы модных тогда вокально-инструментальных ансамблей, был обладателем самой большой среди своих товарищей коллекции грампластинок с популярными песнями, да и сам неплохо пел. Пятнадцать лет он выступал в составе Академической хоровой капеллы Дома культуры сталепрокатного завода (в том числе и в качестве солиста), объездив с коллегами многие города и веси Советского Союза.*

### **Футбол как хобби и призвание Сергея Стародубцева**

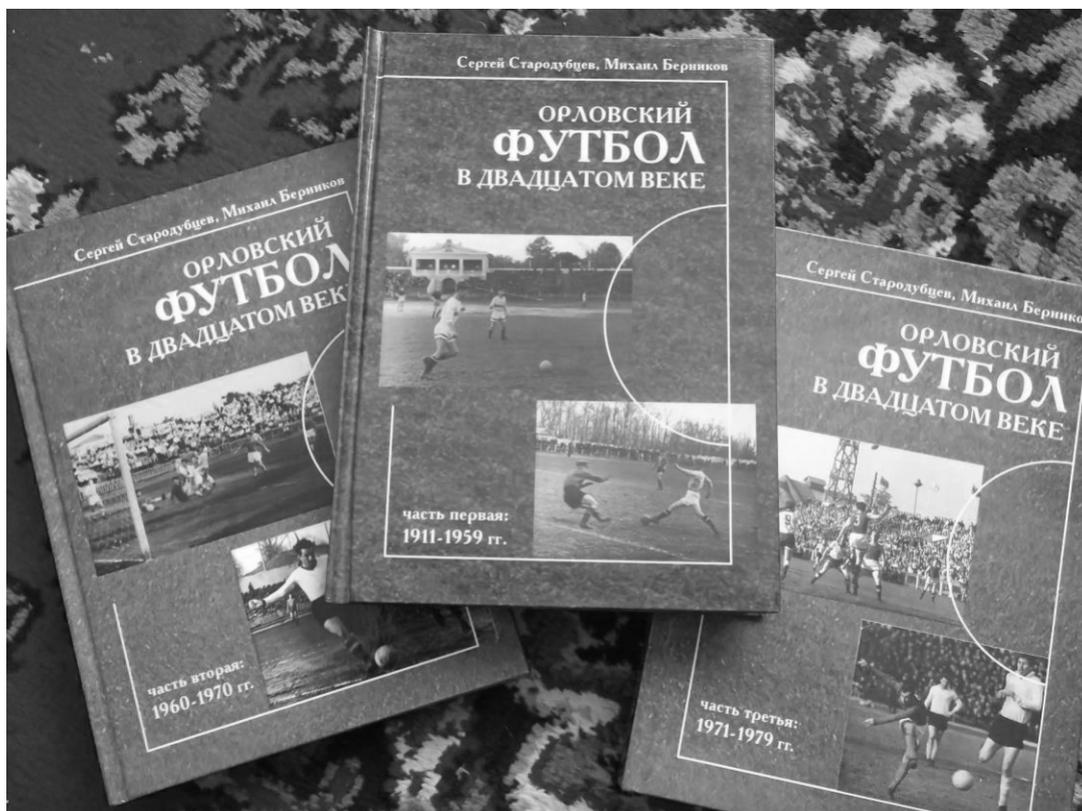
Ещё большим знатоком Стародубцев стал в футболе. Уже к 10-и годам Сергея накрепко привязал к этому самому популярному виду спорта его отец, заядлый болельщик, всю жизнь проработавший слесарем-путейцем в Управлении механизации «Орёлстроя» и не пропускавший ни одного значимого футбольного события в Орле. Отец болел за «Торпедо», а вот его сыновья стали поклонниками других команд – «Спартак» (старший брат Александр) и «Динамо» (сам Сергей).

Впрочем, Сергей Стародубцев не только «болел», но и сам неплохо играл в футбол, выступая за любительскую команду сталепрокатного завода, в составе которой стал бронзовым призёром первенства города Орла среди юношей в 1977 году. Однако «боление» и выступления за сборную завода не в полной мере удовлетворяли молодого поклонника футбола. Начав ещё в детстве запоминать имена орловских футболистов и продолжив этот процесс коллекционированием «программок» футбольных матчей Орла, Сергей понемногу стал собирать информацию более широкого плана, касавшуюся орловского футбола, и быстро превратился в самого крупного его знатока в области. Но и футбол, и пение – всё это было лишь хобби, дополнением к основной работе – и на заводе УВМ, и на сталепрокатном, где Сергей работал до 1995 года. В заводских цехах Стародубцев всегда был в центре внимания – как из-за профессиональных своих качеств, так и из-за хорошо подвешенного языка и умения вовремя и к месту пошутить.

### *Первая книга об орловском футболе*

По долгу службы приходилось Сергею много ездить в разные города СССР для организации поставок сырья на своё предприятие. Возвращался он из таких командировок всегда с кипой футбольных «программок» и другой литературы, которая пополняла его и так немалую спортивную библиотечку. Постепенно вызревала у Сергея мысль написать книгу, в которой бы отразилась жизнь орловского футбола в его историческом развитии. Но для этого пришлось Стародубцеву расширить информационное пространство: он завязал тесную дружбу с футболофилами из других городов и начал кропотливую работу в Государственном архиве Орловской области, в котором добывал факты по истории орловского футбола первой половины XX века.

Собранного Стародубцевым материала оказалось столько, что он никак не вмещался в одну задуманную вначале книгу. Пришлось разбить его хронологически и готовить к печати по большим периодам. К началу 2004 года всё было готово, чтобы первая книга ушла в печать. Осталось найти средства для тиража. После долгих и трудных поисков спонсора посоветовали Стародубцеву обратиться к предпринимателю Михаилу Берникову, известному в Орле поклоннику футбола, да и самому в прошлом футболисту с 25-летним стажем (кандидату в мастера спорта).



Футбольная энциклопедия Орловщины – уникальный труд Сергея Стародубцева

Михаил Юрьевич оказал автору книгу нужную и очень действенную помощь, результатом которой стал выход из печати в 2006 году в Издательском Доме «Орлик» книги «Орловский футбол в двадцатом веке. Часть первая: 1911-1959 гг.». Книга объёмом более 300 страниц, с большим количеством фотографий, изданная тиражом 500 экземпляром, сразу же нашла своего читателя и быстро стала раритетом.

Стародубцев был очень доволен и проведённой работой, и результатом. Можно было бы готовить для печати вторую книгу, но...

### *Жизнь Стародубцева: работа - как свет в тоннеле*

Вот теперь придётся сказать о печальном. У Сергея с детских лет была предрасположенность к тому, что зрение может ухудшиться (наследственное, у многих из его родственников было такое), ему врачи всегда ограничивали физические нагрузки, и пока рядом находился старший брат Александр, он контролировал жизнь младшего. Но после окончания школы Александр Стародубцев поступил в военное училище в Ленинграде и надолго покинул Орёл.

А Сергей Стародубцев как раз тогда всерьёз увлёкся футболом, да и книги читал всегда с упоением. А уж когда закопался в архивные документы, то и времени не замечал.

И произошло то, о чём его когда-то предупреждали - острота зрения упала вначале в одном глазу. Врачи сделали операцию, снова предупредили о соблюдении режима.

Но сидеть, сложа руки, было не в характере Сергея, - ведь книгу о футболе нужно было закончить. И он её закончил - но уже почти полностью потеряв зрение и на втором глазу.

В 2009 году, уже в соавторстве с Михаилом Берниковым, Стародубцев выпустил в издательстве «Картуш» тиражом 500 экземпляров следующие тома «Орловского футбола»: «Часть вторая. 1960-1970 гг.» и «Часть третья. 1971-1979 гг.»

А потом наступила полная темнота. Вы спросите - было ли отчаяние? Наверное, только Сергей в этом не признаётся. От отчаяния спасала работа, когда-то бывшая просто увлечением, а ставшая смыслом жизни, - работа над продолжением книги об орловском футболе.

Все свои записи и карточки, словно предвидя ситуацию заранее, Стародубцев незадолго до наступления трагедии разложил так, чтобы жена могла ему помочь, а у самого в голове почти всё из задуманной новой книги выстроилось, словно в компьютере.

Кроме верной жены Марины (в 2011 году Стародубцевы отметили «серебряную свадьбу»), детей – Светы и Сергея, брата Александра, поддержавших Стародубцева в трудную минуту, нашлись и другие настоящие друзья. Как в новом для Сергея Стародубцева коллективе – Орловском отделении Всероссийского общества слепых, так и среди бывших спортсменов.

Сергей всегда помнит их: того же Михаила Берникова (Сергей шутливо зовёт его – «Манчестер Юнайтед», из-за инициалов – М.Ю.), Александра Родина, Егора Кирьякова, Олега Митюшкина и трёх Евгениев – Быстрова, Балеева и Бугрова. Каждый оставил в душе Стародубцева свой добрый след.

Три тома «Орловского футбола» – это ещё не конец работы. Готовы к печати ещё два тома. В замыслах у орловского «Константина Есенина» – несколько новых книг, которые и завершат задуманную серию. Главной из них станет «Азбука орловского футбола», в которой в алфавитном порядке предстанут перед читателем все футболисты, игравшие на Орловщине, и воспитанники орловского футбола, выступавшие за пределами области.

Сергей Стародубцев живёт не одним футболом. Он – один из самых активных членов Орловского отделения Общества слепых. На всех концертах, как в самом Обществе, так и на мероприятиях областного уровня, со своей партнёршей Лидией Внуковой, Стародубцев замечательно декламирует стихи и исполняет лирические песни.

Возвратился он и к академическому пению, выступает в известном Камерном хоре Орловского района (под управлением заслуженного работника культуры РФ Руднева).

Совсем недавно, когда этот хор выступал на очередном Фетовском празднике в селе Клеймёново, произошла там после концерта, уже в Покровском храме села, неожиданная встреча. Узнал Стародубцева один из его прежних товарищей по работе на СПЗ, узнал и никак не мог понять, почему тот его не узнаёт.

Рассказал тогда Сергей старому знакомому свою историю. А тот ему – свою, поскольку бывший рабочий сталепрокатного завода, придя к вере православной, стал настоятелем Покровского храма села Клеймёново.

И провёл потом Сергей-настоятель Сергея-прихожанина по храму, к иконам попросил прикоснуться, помолился за него. Что будет дальше? Один Бог знает.

Но отчаиваться, в любом случае, оказавшийся волею судьбы в полной темноте Сергей Стародубцев не собирается: ведь сделать ещё надо так много! Только задуманных книг четыре штуки в планах...



Сергей Стародубцев и Лидия Внукова во время выступления  
в Центре «Солнышко» (10 июля 2012 г.)

Одна из любимых песен Сергея Стародубцева - «Как прекрасен этот мир, посмотри!» Сам Сергей, увы, не видит. Но зато призывает взглянуть в земную красоту тех, у кого есть зрение, но кто пока не обращает на неё внимания.

Удачи тебе, Сергей Васильевич! И полнокровной жизни рядом с близкими людьми, которые дороги тебе и которым дорог ты!



Сергей Стародубцев с паралимпийским факелом  
на улицах Орла (февраль 2014 года)

## Содержание

### Глава первая. Времена и люди

Масон Иван Лопухин .....	3
В Сибирь – проездом через Орёл .....	8
Орловский граф Григорий из рода Чернышёвых .....	11
Жизнь в Орле полтора века назад .....	15
Купцы Серебренниковы: фамилия одна, а судьбы – разные .....	20
Павел Якушкин о городе Орле и орловских разбойниках.....	24
Павел Якушкин о Петропавловском соборе Орла.....	29
Как губернатор Левашов орловчанам подарок сделал .....	32
«Муму» как способ познания истины .....	37
Воспоминания академика Захарьева об учёбе в Орловской мужской гимназии (1915 – 1918 гг.).....	40
Как адъютант генерала Столыпина себе жену в Орле нашёл .....	48
Из «Воспоминаний» Наталии Полонской-Василенко .....	49
Финансы и романсы орловских городских властей: век XXI и век XX .....	53
Как отмечали Новый год в Орле в начале XX века .....	57
Новогодние приключения мещанина Дрыкина в Орле .....	64
Новогодний «подарок» от купца Серебренникова.....	68
«Нужна большая партия сена...».....	72
«Последний кирасир».....	76
Из «Воспоминаний Юрия Мейера» .....	81
Тринадцать из тридцать седьмого .....	87
Как американский авиаконструктор свою сестру и племянницу в Орле от голода спас .....	94
Три служительницы Эскулапа .....	99

### Глава вторая, духовная

Герой и священномученик Серафим (Чичагов) .....	102
О том, как в Орле в 1917 году епископа избирали и о том, как 20 лет спустя его расстреляли .....	106
Родионовы с улицы Пуховой .....	111

### Глава третья, военная

Генерал-лейтенант Корф, барон и рыцарь .....	117
Орловский приют генерала Гончарова .....	120

142-й Звенигородский пехотный полк и его офицеры .....	125
Генерал с родины Соловья-разбойника .....	130
Поляк из Орла Андрей Зайончковский .....	135
Орёл в судьбе гетмана Скоропадского .....	139
Раиса Абакумова – героиня Брестской крепости .....	145
Орлов из Орла .....	151

### **Глава четвёртая, культурная**

Сергей Каменский – Карабас-Барабас Орла .....	161
Тарас Шевченко и Орловщина .....	165
Панорама жизни Павла Пясецкого .....	170
Николай Соловцов – основатель театра в Киеве .....	176
Леонид Андреев – писатель со 2-ой Пушкарной .....	181
Александр Германов – основатель цыганской письменности .....	185
От Киева до Орла: Турбины во времени и пространстве .....	190
Глаза и руки Михаила Волкова.....	195

### **Глава пятая, революционная**

Орловский «централ» и его «сидельцы».....	200
Боевик Григорий Матиашвили .....	207
Козьма с броненосца «Потёмкин» .....	212

### **Глава шестая, спортивная**

«Зима... Лошадки торжествуют...» .....	217
Велосипед от маршала Блюхера.....	221
Витольд Почернин – повелитель неба.....	225
«Как прекрасен этот мир, посмотри...» .....	229

**Александр Михайлович Полынкин**

*Это было в Орле  
(Калейдоскоп событий и лиц)*

Редактор А.М. Полынкин  
Технический редактор С.А. Ветчинников

Подписано в печать 26.07.2016 г. Формат 60x80 1/16  
Печать цифровая. Бумага офсетная. Гарнитура Book Antiqua  
Объем 14,75 усл. печ. л. Тираж 120 экз. Заказ № 227

Лицензия ПД № 8-0023 от 25.09.2000 г.  
Отпечатано с готового оригинал-макета  
в ООО Полиграфическая фирма «Картуш»  
г. Орёл, ул. 2-я Посадская, 26. Тел./факс (4862) 44-51-46.  
E-mail: [kartush@orel.ru](mailto:kartush@orel.ru) [www.kartush-orel.ru](http://www.kartush-orel.ru)



*Вид с Александровского моста на реку Орлик и улицу  
Гостинную (здание Главного управления Сбербанка России)*

*А. Польшкин*